

Дрон

Петр Катериничев

Беглый огонь

«Автор»

Катериничев П. В.

Беглый огонь / П. В. Катериничев — «Автор», — (Дрон)

Начиная поиск убийц своего фронтового друга, бывший сотрудник разведки Олег Дронов оказывается под перекрестным огнем двух коварных, могущественных и безжалостных сил – спецслужб и местных криминальных авторитетов, развернувших невиданную по жестокости борьбу за контроль над ничем, на первый взгляд, не примечательным подмосковным городком. События разворачиваются столь кровавые, что Дронов уверен: за всем этим стоят огромные деньги. Ему удастся узнать, кто и за что готов заплатить. Но Дронов успел засветиться, и теперь главное – выйти из схватки живым...

© Катериничев П. В.

© Автор

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	33
Глава 10	38
Глава 11	42
Часть вторая	46
Глава 12	46
Глава 13	51
Глава 14	57
Глава 15	62
Глава 16	67
Глава 17	71
Глава 18	77
Глава 19	83
Глава 20	88
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Петр Катериничев

Беглый огонь

(Дрон-4)

Часть первая

Тихий омут

Глава 1

Мелодия была навязчива, как вожатый перед дружинным сбором, и бодра, как пионерский костер. Она крутилась в голове снова и снова, будто заезженная пластинка. «Никого не пощадила эта осень...» Вот привязалась! «Вот и листья разлетаются, как гости, после бала, после бала, после бала...» Бред. А если попробовать перебить?.. Чем? Когда-то их тренер, Викторыч, нажравшись, всегда напевал такую: «Возьмем винтовки новые, на штык флажки, и с песнею в стрелковые пойдем кружки...» Глаза устали, девушка на миг прикрыла веки и словно наяву увидела не только своды подвала, бывшего школьным тиром, но и почувствовала характерный запах отстрелянных мелкашных гильз... Викторыч к вечеру обычно напивался в стельку, и они просто-напросто затаскивали его на сальный мат, накрывали грубым, пахнущим ружейным маслом одеялом, и он засыпал. Потом замыкали оружие, сами звонили дежурному, ставили «горку» на охрану (дежурный хорошо знал их голоса) и закрывали подвал; Викторыча будил утром кто-нибудь из ребят; сначала тот крупной рысью вылетал в туалет, потом трясушимися руками открывал принесенную бутылку пива, медленно выпивал... Викторыч был, понятно, алкоголик... Но стрелком он был редким.

Девушка облизала губы, приникла к окуляру оптического прицела. Особнячок – словно на ладони. И хозяин ведет себя душевно и непринужденно, как и подобает солидному человеку в кругу близких друзей. В самом узком кругу.

Хозяин высок, ладно скроен; ему за шестьдесят, но ни обвислого живота, ни обрюзгших брылей на лице; все движения его выдают человека здорового и прекрасно тренированного. Он одет в пошитую под старину чуйку, отороченную черным соболем, – будто важный московский барин времен драматурга Островского; балагурит, неспешно дымит сделанной на заказ папиросой с золотым ободком, время от времени влегкую опрокидывает рюмку «Померанцевой», аппетитно хрустит малосольным огурчиком, подхваченным на вилочку из хрустальной миски, а то и грибочком белым, и снова мило общается с гостями. Хозяин расслаблен и благодушен: ни дать ни взять Кирила Петровича Троекурова среди мелкопоместных соседей-приживалов. Гостей покамест потчуют чаем; на треноге булькает огромный казан, распространяющий исключительное благоухание, – хозяин самолично колдует над ушницей. Спервоначально отваривается пяток домашних курей, потом – рыбная сволочь в марлечке, для навару, и только потом в уху опускают куски нежной, исходящей слезой стерлядки...

Огромный ротвейлер-переросток поднимает массивную башку и напряженно нюхает воздух. Встает, начинает метаться по лужайке, неловко опрокидывает белый столик. Видно, как хозяин кричит на пса, тот затихает, но ненадолго: поднимает вверх морду и воет – этот протяжный, надрывный вой слышен далеко вокруг. Нет, учуять снайпера псина не может – ветер с другой стороны, а вот учуять близкую смерть... Собакам это дано. Как и людям. Вот только люди часто не желают замечать очевидного, того, чего замечать им не хочется...

«Никого не пощадила эта осень...» Ну вот, опять! Девушка бросила взгляд на часы. Еще не время. Глупость, конечно, несусветная: заказчик, видите ли, желает присутствовать при моменте, так сказать... Причем не алиби хочет себе обеспечить – просто получить за свои деньги максимально полное удовольствие. Ну что ж... У богатых свои причуды. Особенно если они оч-ч-чень богатые. Заказать «похоронку» такой пер-соне, как хозяин этого особнячка, может только такой. Она не знала, кто заказчик, да и знать не желала. Все они...

По правде сказать, ей было легко. Девушка рассматривала сквозь прицельную рамку этих лоснящихся особей и никак не ассоциировала их с людьми. Просто – ее потенциальные клиенты. Или заказчики. А скорее всего и то и другое. Некие существа среднего рода, совершенно ошалевшие от безнаказанного хапанья и от свалившихся на них огромных денег... Забывшие все и всяческие законы, запреты и заповеди. Тешащие себя иллюзией собственного могущества, пока... Пока не придет их время. Время смерти.

Поэтому стрелять было всегда легко. Вот только потом... Потом этот спокойный крепкий седовласый мужчина будет приходить в ее сны... Вернее... В сны станет приходить похожий на него маленький мальчик... Почему-то все они, клиенты, приходят в ее сны детьми. Маленькими, беспомощными, заплаканными... Она металась по постели, но не могла уйти от их взглядов... И она знала: они пропадут в этом жестоком мире... Совсем пропадут.

Просыпалась она в слезах. Ее сына убили, когда он еще не родился.

Почему?! Почему ей никогда не нравились ровесники? С ними было бы все проще, спокойнее, яснее... И сейчас... Да что теперь?.. Все просто: ее ровесники всегда были ей скучны до обморока! И примитивны, как инфузории. Они не знали стихов, не пели романсов, никто из них не смог бы одним движением бровей привести в трепет ватагу обкуренных, обколотых придурков... Никто не имел спокойной внутренней силы и не был способен выразить ее одним взглядом, жестом... Так, чтобы самых отвязанных отморозков начинало колотить, как при кумаре; так, чтобы они цепенели ледяными статуями... И у нее самой кружилась голова от этого взгляда, и желание владеть именно этим мужчиной делалось нестерпимым и непреклонным, как сама жизнь... И она владела им, а он ею... Всегда, когда он хотел. Везде, где хотел он. Он был ее мужчина.

Три года... Три года она была его рабой, его радостью, его счастьем... Он был ее мужчина. Его больше нет. Как и ее ребенка... «Никого не пощадила эта осень...»

...Девушка бросила взгляд на часы. До контрольного времени было семь минут. С секундами. Этот вальяжный барин не знает, что истекают последние мгновения его жизни. И не узнает никогда. Он ничего не успеет почувствовать, даже того, что его уже не стало.

Гости прибывали. Вот еще одна пара; он – лысеющий живчик с прядью некогда густых и кучерявых волос, зачесанных на лысину аккуратным пробором, она – молодящаяся тетка лет сорока пяти, длинная, сухая, с лицом, похожим на выглаженный утюгом пергамент: пластика и макияж превратили ее лицо в нечто кукольнообразное, но складки у губ остались, выдавая характер записной стервы. Сладкая парочка, нечего сказать... Цели... Ее будущие цели... Прошедшие все круги предательства, чтобы стать тем, чем они стали.

До выстрела – четыре минуты. Если будет команда-подтверждение. То, что она будет, девушка не сомневалась. И хозяин-барин умрет. Без боли. Это профессионально...

...Ее били жестоко. В грудь, в живот, каждым ударом выбивая так недавно зародившуюся в ней жизнь. А ее мужчину... Его застрелил снайпер, прямо в центре Москвы, белым днем. Ошалелые охраннички просто затолкали убитого в машину и умчались...

А тогда она этого не знала. Как и те, кто ее истязал. Чего они хотели? Какую-то информацию? Ну да, они все повторяли: «Ты должна знать, где он хранит документы!»

А она не знала. Никогда ничем он с ней не делился – берег. Но не уберег. Ни ее, ни ребенка, ни себя.

Ее били в живот. Она терпела нестерпимое и ждала... Ждала, что ее мужчина придет и спасет ее... Он не мог не прийти, если бы был жив... Она тогда верила, что он жив.

Удар сложенными пальцами был словно ножевой; она почувствовала, как что-то оторвалось и умерло в ней. Ей казалось, сама она тоже умерла. И не видела, не слышала, не чувствовала потом уже ничего, кроме пульсирующей черным боли.

После пыток ее должны были убить. Но не убили. Бросили в каком-то подвале подыхать. Она и умерла бы, если бы не случай: жилец-пенсионер по какой-то столярной надобности спустился в этот бесхозный подвал, обнаружил избитую до беспамятства женщину и безымянно отзвонил в «Скорую помощь».

Ее спасли. Когда открыла глаза, первое, что она произнесла, было: «Он жив?»

Медсестра отвела взгляд. Поняла, о ком спрашивала чудом оставшаяся в живых совсем еще молодая женщина.

Ей сказали все потом. Это был мальчик. Маленький, беспомощный комочек, убитый в ней. Пока он был жив, она разговаривала с ним, советовалась, слушала его молчаливые жалобы и чувствовала его любовь и к себе, и к своему отцу – сильному, умному, нежному.

Она не говорила своему мужчине о ребенке. Большинство мужчин начинают любить своих детей, только когда те подрастут и станут опорой тщеславию отцов. Сморщенный орущий комочек не вызывает в них ни сочувствия, ни интереса.

Но она молчала как раз потому, что ее мужчина был мудр. Она знала, он начнет любить его сразу, пока малыш еще в ней, и – боялась. Боялась: что-то случится, ребенок не выживет, и ее мужчина будет убит горем. Она хотела быть уверена. И хранила свою тайну вдвоем с малышом. Месяц, два, три... Ему было почти четыре, когда его убили в ней.

Ей было все равно, чем занимался ее мужчина, в какие жестокие игры он играл. Она его любила. Как любила его неродившегося сына. У нее отняли все сразу...

...Девушка взглянула на часы. Минута. Тотчас прозвучал короткий зуммер миниатюрного передатчика: приказ-подтверждение. Ей осталось сделать только одно дело: убить.

Людей на площадке перед особняком прибыло. Она рассматривала каждого сквозь оптику прицела, словно стараясь запомнить навсегда. Все они ее цели. Не сегодняшние, так завтрашние. И все-таки любопытно, кто из этих вальяжных господ заказчик? Этот, с козлиной профессорской бородкой? Этот, с холеным породистым лицом аристократа-эмигранта? Этот, подвижный как ртуть живчик, похожий на приставучего балаганного клоуна и кривляющийся, словно кукла-марионетка?.. «Никого не пощадила эта осень...» Все верно. В этой жизни никто никого не щадит.

Пора. Девушка поймала в перекрестье прицела «благородный профиль» хозяина особняка. Он склонился над казаном, зачерпнул янтарной юшки, понес к смешно вытянувшимся губам – на пробу...

«Интересно, а когда целуется, он так же вытягивает губы?» – промелькнуло в голове девушки, а палец словно сам собою спустил курок.

Мужчина ничком рухнул вперед, переворачивая казан на дымящиеся угли.

Глава 2

В кабинете за овальным столом расположились трое. Первый, сравнительно молодой человек, одетый строго и очень дорого, сидел раскованно, покуривая тонкую длинную сигару; второй, массивный, крупный, с отвисшей бульдожьей челюстью и огромным бритым черепом, походил бы на legionera-переростка, если бы не искрящийся бриллиант на мизинце левой руки: даже неискушенному человеку было ясно, что стоил он целое состояние. Но это вряд ли производило хоть какое-то впечатление на молодого человека: он-то знал, что настоящие деньги – вовсе не в побрякушках и даже не в пачках зеленой бумаги с портретом толстощекого Франклина; обычная цифирь на мерцающем экране компьютера – так выражалось в наш «просвещенный век» могущество.

Третий человек был худощав и сухопар; щеки на скуластом лице чуть ввалились, словно у страдающего аскезой народника-террориста; костюм сидел мешковато, поредевшие изрядно волосы были аккуратно расчесаны прядями на пробор. Звали этого человека Геннадий Валентинович Филин. Но сходства с упомянутой птицей не было никакого: глаза глубоко сидели в глазницах и были поставлены так близко, что становилось непонятно, каким образом там помещался тонкий, с заметной горбинкой нос.

С беглого взгляда он мог показаться совершенно посторонним в этой компании преуспевающих новых, на первом из которых словно было начертано «деньги», на втором – «сила». Но...

Человек этот сидел во главе стола; его тонкие пальцы были сцеплены замком, и как только он поднял глаза, каждый, увидевший этот взгляд, мог бы прочесть в нем единственное слово: «власть».

Взгляд этот обжигал, проникал в самую душу, пронизывал ее насквозь, погружая все естество собеседника в ледяной мрак смертельного страха. Вернее даже это был не страх – тупое оцепенение, полное ужаса, когда смерть твоя в чужой власти и скорая ее неотвратимость не зависит от того, будешь ты этой власти подчиняться или противиться.

Собравшиеся молчали. Было похоже, что они ждут чего-то, но и напряженное ожидание каждый из них выражал по-разному: молодой добродушно покуривал, и только сжатые чуть сильнее, чем нужно, губы выдавали его скрытое волнение; крупный методично тискал короткими пальцами невестку как оказавшуюся в его руках проволоку, создавая замысловато-бесмысленные фигурки... Один сухопарый сидел спокойно и невозмутимо, будто мумия, уперев немигающий взгляд в стену и время от времени бросая его на визави: ни чувств, ни эмоций, ни-че-го. Вот только двое все же старались не встречаться с ним взглядом. Очень старались.

Зуммер аппарата спецсвязи прозвучал мелодично и тихо. Хозяин кабинета снял трубку после второго гудка:

– Вас слушают.

Ему сказали всего несколько слов. Он мягко опустил трубку на рычаг, произнес:

– Финита. Господина Груздева больше нет.

Казалось, этим сообщением он ничего не изменил: моложавый продолжал покуривать, стараясь, как и прежде, выпускать ровные струйки дыма; крупный – все так же уродовал проволоку. Но... Какие-то невидимые мышцы расслабились в их телах, и фигуры, не меняя поз, стали выглядеть совершенно по-другому, словно некто просто-напросто взял да и убрал топор гильотины, невидимо висевший до этого над каждым.

Несколько мгновений прошло в полном молчании; хозяин кабинета наслаждался, смаковал это молчание и – ждал.

– Это... достоверно? – Первым не выдержал молодой.

– Абсолютно. Мой человек присутствовал при акции. Николай Степанович Груздев мертв, какдохлая вобла.

– Его... взорвали? – попытался все же уточнить молодой.

– Нет. Снайпер.

– При той системе охраны, что была у Груздева...

– Этот снайпер – виртуоз.

Хозяин кабинета помедлил, хохотнул – и это было единственным выражением переполнявших его эмоций.

– Думаю, завтра о безвременной кончине Груздева будет объявлено официально. Не хотите ли присутствовать на церемонии прощания с телом?

Оба, и молодой, и крупный, криво усмехнулись.

– Значит, нет. А мне, грешному, придется. Не каждый день провожаем в последний путь таких титанов.

В комнате снова повисло молчание. На этот раз его прервал крупный:

– Босс... – неуверенно начал он.

– Да?

– Может быть, все-таки прибрать этого... виртуоза? От греха.

– А смысл?

– Снайпер, он же не полено... Возьмет да и сбрыхнет где... Ну, насчет Груздева... А фээсбэшники, им только дай, начнут рыть, своих не узнаешь...

– С каких это пор ты стал бояться властей, Кротов?

– Я никого никогда не боялся.

– Совсем никого? – приподнял брови сухопарый.

– Кротов прав. Проявить осмотрительность необходимо, – поддержал компаньона молодой. – После устранения такой персоны, как Груздев, киллер становится для нас как бочка пороха. И было бы совсем глупо сидеть и смотреть, пока...

– Всеу свое время, – отрезал сухопарый, метнув на сидевших перед ним ледяной взгляд. – И каждому свой час. – Он выдержал паузу, добавил: – Это верно так же, как и то, что каждый должен заниматься своим делом. Своим, вы поняли?

– Да, босс.

– Валерий Эммануилович, – обратился Филин к молодому, – когда вы планируете начинать операцию в Покровске?

– Как только все уляжется...

– *Что* – уляжется? Через неделю с небольшим начнется такая свистопляска, что мало не покажется никому! – Филин осекся, словно сболтнул лишнее. Произнес чуть ниже тоном: – Купить группу предприятий стоимостью никак не меньше восьмисот миллионов долларов за тридцать – сорок – это что, плохой бизнес?

– Я этого не говорил.

– Теперь вам не помешает никто и ничто. В Моск-ве – поддержка на всех уровнях: патриоты-товаропроизводители отбирают отечественные заводы у немцев и жидов. Во всех губернских структурах вам есть на кого опереться. Груздев мертв. Чего еще вам не хватает? Или вас что-то смущает?

Несмотря на выволочку, молодой человек, казалось, остался совершенно спокоен:

– Только спешка. Большие деньги спешки не переносят.

– У нас есть от силы месяц. – Филин замолчал на мгновение, словно решая, говорить ли дальше. – Через неделю, максимум полторы, рубль полетит к такой едрене матери, что... Мы должны успеть в Покровске, пока московские верхи будут делить вновь открывшиеся вакансии в Белом доме, пока силовики будут вибрировать и трястись в усилениях, а граждане метаться по магазинам, сметая все и вся... Через полгода во власти будет уже так плотно, что не про-

скользнет лезвие ножа! – Филин перевел дыхание, замолчал, спросил тихо, почти шепотом: – Или вы не готовы к работе, Валерий Эммануилович? – И уставился на молодого ледяным немигающим взглядом.

– Я готов.

– Кротов будет с вами активно взаимодействовать... Не так ли? – Теперь хозяин смотрел на крупного.

– Да нет базара.

– Вот и славно. Я хочу, чтобы завтра вы уже были на месте. Вместе со своими людьми.

– Да, босс.

– До свидания. Информировать меня по основному каналу связи.

Двое встали и без суеты покинули кабинет. Сухопарый посидел секунд тридцать, нажал кнопку на столе:

– Панкратов, зайди.

Мужчина лет шестидесяти появился из дверцы, скрытой декоративным стеллажом в дальнем конце кабинета.

– Как тебе наши выюноши?

– Бодры, – пожал покатыми плечами Панкратов. – Но молодой, похоже, что-то подозревает.

– Да бес с ним! Пусть побегает, расшевелит этот дремлющий муравейник, и тогда...

– Как будем его убирать?

– Реши сам.

– Понял. А вот с Кротом я бы повременил.

– Почему?

– Братву без присмотра оставлять нельзя, пока не сформируется новый лидер.

– Боишься, распояшутся?

– Просто по глупости и недомыслию могут создать проблемы по основной операции. А маленькая проблема, если ее не решать, может превратиться в большую беду.

– Возможно, ты прав. – Филин задумался, добавил: – С Кротовым тоже разберись сам, на месте. По ходу пьесы. – Он снова замолчал, потерев подбородок. Спросил, но вовсе не о частностях, а о самом деле: – Справишься, Степан Ильич?

– Обязательно. Если не будет неожиданностей.

– Обойдись без них, ладно? Оч-ч-чень тебя прошу, – сузил глаза сухопарый.

– Это да... Только, как известно, накладки всегда бывают... И из всех возможных неприятностей случается именно та, ущерб от которой больше.

Сухопарый закаменел лицом и – смягчился, губы его растянулись в улыбке.

– Не набивай себе цену, Ильич. Я ее знаю хорошо. Но помни: Москва ждать не любит.

– И по чужим бедам не плачет...

– Это точно. Нам нужно успеть на Москву, очень нужно. Полгода – срок только для кре-тинов. Времени у нас после Покровска будет три недели. От силы – месяц. Если нет, мы с тобой... Ну да ты и сам знаешь, Ильич.

– Знаю. Мертвые молчат.

Глава 3

Мэр Покровска Юрий Евгеньевич Ключев вышел из дому в прекрасном расположении духа. Машина, мощная «вольво», ожидала у подъезда. Чуть поодаль плелся Витек, здоровенный битюг, представительская охрана, потому как для другой не было у Ключева в Покровске никакой надобности. Как пелось в песенке времен перестройки с ускорением: «У нас все схвачено, за все заплачено...»

Витек усадил босса, прикрыл дверцу, но не по-лакейски, а скорее как любимый и любящий затек, обошел авто, приоткрыл водительскую, готовясь сесть за руль. Откуда вынырнули эти два подпитых, он так и не сообразил, – бомжи не бомжи, но люди, крепко принимающие и зарплату не видевшие уже месяцев пять, никак не меньше.

– Во как живут слуги народные, – просипел один и икнул. – Такая тачка никак не меньше ста лимонов потянет, а, Колян?

Колян, здоровенный бугай, стриженный под братка, но притом одетый в какую-то брезентуху, пахнущую соляром, никак не походил на делового, так, хулиган десятилетней давности, отупевший от водки, каракатицы-жены и полной безнадёги, попер вдруг рогом:

– Хозяева жизни, мля... Эдик, а может, этому гладкому по рогам надавать?

Витек задержался с дверцей, глянул вопросительно на босса.

В намерения Ключева совершенно не входила стычка с пьяным «электоратом»; пусть все областные масс-медиа крошки клюют у него с руки или кормятся из губернаторской кормушки, а все же найдется в их стае запаршивевшая овца, способная сварганить матерьялец и в столицу его сунуть охочим до сенсаций энтэвэшникам... В столицах, особенно в администрации президентской, свои пасьянсы по столам ныне кладут: вдруг впору кому придется такая петрушка? И губернатор выдернет на коврики, поведет бровью, скажет, как в старые добрые: «Клади-ка, дорогой мэр Ключев, заявлениице на стол по состоянию здоровья, раз такие пироги...» Вместо партбилета, значит.

– Поехали! – бросил мэр Витьку. Сейчас он из машины свяжется с генералом, выдаст золотопогонному звиздюлин – наряд прикандыбает шустро, скрутит этих пролетариев-гегемонов, наkostenяет со зла по первое число и законопатят соколиков суток на сорок пять: три по пятнадцать. Так и будет!

Витек пожал плечами, настроился занырнуть в машину, да не тут-то было: крупный Колян, подогретый мнимым «бегством» противника и сивушными парами, шустро для его комплекции ринулся вперед, ногой заблокировал дверцу... Витек, с выражением тупого удивления на круглом детском лице, подал было огромное тело из авто, разобраться, да и запнулся, как на палку налетел: разошедшийся увалень-гегемон хлестнул коротким апперкотом в подбородок, и «водила-телохранила» рухнул подкошенно, кулем.

Юрий Евгеньевич на секунду потерял дар речи. Беспомощно оглянулся на дверь подъезда. Как же! Ментовский сержант, что просиживал штаны попугаем-консьержкой, «отлучился»; тут на мэра нежданно-негаданно накатилась самая натуральная злобность: забурели, холопы, от спокойной жизни! Ну ничего, будет вам, как только...

– Вытряхивайся, толстопузый, покалякай с рабочим классом, – отвлек его от размышлений хриплый голос здоровяка. Всклобоченная голова «рабочего класса» просунулась в окно, наполнив салон перегаром какой-то на редкость сволочной сивухи и селедки.

Вот тут «отец города» растерялся по-настоящему. Некстати вспомнился и анекдот про чуть оперившихся отморожков, стопорнувших подрезавший их «мерседес» и накативших на вынырнувшего из салона мужичка в кепке:

«Ты кто, блин, такой борзый?»

«Я – мэр Лужков!»

«Вот у себя в Лужках и быкуй, а это Мос-ква-а-а!»

И все же Юрий Евгеньевич сумел справиться с собой, спросил строго:

– Что вам нужно?

– Ну ты даешь, толстопятый! – искренне удивился Колян, запросто распахнул дверцу и ввалился на заднее сиденье, устроившись рядом с мэром. – Если слуга не идет к народу, то народ идет к слуге, – гыгкнул здоровяк. Добавил: – Что нужно, говоришь? Да потолковать!

У Клюева мелькнула было надежда, что этот дебил Витек все же оклемается вскорости, а потому есть смысл поддержать беседу...

– И не думай, – осклабился пролетарий: видно, Клюев непроизвольно дернул взглядом в сторону отключившегося охоронца. – Твоего папконоса я приласкал основательно, без дураков... Пусть отдыхает... А надо – добавим! Десантура веников не вяжет! – гордо закончил он, икнул, осведомился: – У тебя водка имеется, лишенец?

Растерянность Юрия Евгеньевича вдруг превратилась почти в панику, а в голову лезло допотопное ругательство: это ж хунвейбины какие-то! Сюрреализм происходящего подчеркивался тем, что за слегка тонированным стеклом авто все оставалось мирно и буднично: и двор элитного дома, и блестящие под утренним солнцем стекла в окнах верхних этажей... Казалось, сейчас кто-то выйдет из подъезда, и вся эта странная, по-хожая на затянувшийся дурной сон ситуация разом прекратится...

Но ситуация если и изменилась, то только в самую неприятную сторону: на водительское сиденье влез мелкий, обозрел убранство салона, выдохнул:

– Клевая тачка, а, Колян? Покатаемся?

Колян пожал плечами, чувствительно ткнул Юрия Евгеньевича в бок и снова икнул:

– Ты чего уши макаронами свернул, конь педальный? Водяра у тебя имеется в этой колымаге?

– Послушайте, ребята... – быстро заговорил Клюев. – Я – мэр Покровска...

– Да иди ты! – искренне удивился Колян, проблеял тоненько: – Мэ-э-эр... Слышь, Эдя, ты с мэрами когда-нибудь квасил? – спросил он напарника.

– Я понимаю, у вас головы трещат после вчерашнего... – Клюев ловко слазил во внутренний карман, вынул бумажник, оттуда – сотенную, подал Колян: – На опохмелку этого должно хватить.

– Ну, мля... – протянул озадаченный Колян. Взял бумажку, посмотрел на свет. – Настоящая... – Поднял на «отца города» не замутненный излишним интеллектом взгляд, спросил: – Так ты, значит, и есть Клюв?

Мэра передернуло. Он знал, что в городе его час-то так и кличут, Клювом, добавляя немудреное присловье: «Курочка по зернышку клюет, а весь двор засирает».

Вспышка ярости накатила сама собой; за свои сорок три года Клюев прошел все же немаленький путь «от сперматозоида до маршала», ну, пусть не до маршала, но чин у него – генеральский! И если уж говорить здраво, в последнее время положение его было таково, что, стоило ему только мигнуть, любой человек, создававший ему проблемы, исчезал навсегда не только из его жизни, но и из жизни вообще. Позволить сейчас, чтобы какая-то задрюченная шпана...

Глаза сузились в жестком прищуре, уголки губ опустились.

– Вот что, ре-бя-та. Выметайтесь отсюда мигом. У вас есть минута. Или у вас появятся такие трудности...

Работяга Колян отстранился озадаченно:

– Во как запел, слуга народный? Грозисся? Да место твое у параша, ты уразумел, Плюев? – Колян осклабился, изо рта его стекла густая слюна – прямо на отутюженную брючину городского «головы».

Юрий Евгеньевич отпрянул, схватился за ручку дверцы, рванул, и – голова от короткого, резкого удара поплыла куда-то в непроглядную темень...

Малорослый напарник Коляна спокойно спросил:

– Ну что?

– Угомонился, – констатировал тот.

– Поехали?

– Ага.

– А что с этим делать? – Малорослый кивнул на продолжающего «отдыхать» Витька.

– Эдичка, да как обычно, – пожал плечами Колян.

Напарник понятиливо кивнул, наклонился к лежа-чему. Движение его маленьких рук было скорым и непринужденным: голова Витька вывернулась куда-то вбок и назад, в шейных позвонках что-то явственно хрустнуло, и водила затих навсегда. Эдичка заботливо отодвинул его от авто, прикрыл труп своей замусоленной штормовкой, сел за руль, хлопнул дверцей, запустил стартер. Ловко развернул машину, вышел, открыл багажник. Вдвоем с Коляном они забросили туда труп незадачливого Витька, вернулись в салон.

– Ну что, с ветерком? – осведомился Эдик.

– Валяй. Эту тачку вертухаи не стопорят.

– Поехали! – Колян вынул из внутреннего кармана потертого пиджачишка дорогой мобильник, набрал несколько цифр, произнес:

– Товар упакован.

...Юрий Евгеньевич очнулся минут через тридцать. Недоуменно огляделся, повернулся неловко, охнул, почувствовав острую боль в селезенке. Рядом с ним сидел тот самый Колян, невозмутимо покуривая дорогую сигарету с золотым ободком. Машина неслась по шоссе, вокруг стеной стоял бор, все посты ГАИ давно миновали... В таком случае...

На душе у Юрия Евгеньевича стало слезливо и мерзко. Но терять лицо было нельзя – эти ребята вовсе не шпана, а это означало, что...

Клюев закаменел лицом, проговорил тихо:

– Похоже, у меня неприятности...

– Ты даже не представляешь себе, какие, – спокойно подтвердил Колян.

И тут Юрию Евгеньевичу стало по-настоящему страшно. В голове не осталось ни единой мысли, только одно слово зудело в мозгу назойливо и монотонно, будто навозная муха в душевной комнате: «Влетел».

Глава 4

Вахтанг Шарикошвили облысел к двадцати пяти. К пятидесяти он обзавелся массивным животом, густыми усами и добродушными манерами преуспевающего бизнесмена из грузинских князей, радушного меценатствующего хлебосола и балагура. Таким его и знала покровская интеллигенция и творческая богема: Вахтанг Шалвович любил устроить в загородном особнячке увеселения с участием всяческих местных знаменитостей, которых за глаза называл обидным русским словом «хле-балово», но притом собирал с регулярностью на сходки, на которых сии высокообразованные и жутко высокомерные особи предавались дармовой выпивке, обжорству и всяким непотребствам вроде группового и неразборчивополого совокупления. Вахтангу Шалвовичу доставляло несказанное удовлетворение видеть всякий раз подтверждение собственным умозаключениям: людишки – существа жадные, недалекие и сластолюбивые, а людишки с образованием – еще и непомерно склочные и сволочные; приятно было раз за разом видеть, как бархатистый лоск умных слов и незнакомых ему понятий слетает с этой своры луковой шелухой, как превращаются они в одночасье в тех, кем являются в действительности: похотливых и грязных животных. У «хозяина» эти интеллектуалы заняли бы как раз то место, какое им положено по *его* понятиям: у параша.

Сам же Вахтанг Шалвович был человеком авторитетным: занимал должность «смотрящего» по Покровску и в среде других крутых и уважаемых людей был известен под погонялом Шарик. То, что было в кликухе что-то собачье, никогда не приходило на ум ни самому Вахтангу Шалвовичу, ни его коллегам: погоняла прилипали ко всем в возрасте молодом, по первым ходам, и нередко были, как у первоклассников, производными от фамилий: Фадей, Жук, Роман-маленький. Простота или даже уменьшительная ласкательность кликух никого не обманывала, да и, по правде сказать, произносились они теперь реденько, в запале базара. Именовать друг друга господа привыкли по имени-отчеству.

По-русски Вахтанг Шалвович говорил абсолютно чисто, на исторической родине, где-то под Тбилисо, побывал впервые уже в позднем отрочестве и грузинский акцент «включал», только когда произносил тосты или желал понравиться дамам: Бог знает почему, но настоящий грузинский акцент весьма волнует хорошеньких женщин, особенно блондинок; а когда комплимент, приправленный этим самым акцентом, звучит из уст хорошо одетого благообразного джентльмена с благородной серебристой сединой на висках, а не от газетно-хрестоматийного «лица кавказской национальности», устоять перед ним решительно невозможно.

Вахтанг Шалвович умел и любил ухаживать за женщинами, но, к сожалению, женщин, за которыми стоило ухаживать, становилось все меньше.

В это утро Вахтанг Шалвович проснулся в самом раскрепрасном расположении духа. Он был не стар, богат, у него была добрая преданная жена, его дочь училась в Англии, а что до дел... Дела были поставлены, отлажены хорошо и здраво, и никаких неожиданностей, кроме приятных, Шарикошвили в ближайшем и дальнем будущем не ждал.

Вахтанг Шалвович вынул из коробки толстую сигару, аккуратно обрезал кончик, прикурив, чиркнув длинной спичкой, выпустил невесомую струйку ароматного голубоватого дыма. Оглядел комнату и остался доволен, очень доволен. Он любил роскошь. И мог себе ее позволить.

Вчера он выпил несколько больше, чем нужно. Не беда. Вахтанг Шалвович знал, что нужно, чтобы избавиться от всех последствий похмелья. И конечно, это не баня. Он поднял трубку телефона и тихо сказал несколько слов по-грузински. Потом прикрыл глаза и выпустил струйку дыма. Ожидание было слегка волнующим и приятным.

Дверь открылась неслышно. Вахтанг Шалвович лежал, не открывая глаз. Послышалось перешептывание, смех... Потом с него легонько стянули одеяло, он почувствовал запах шам-

пуня, легких духов, мокрые волосы защекотали низ живота... И вот два язычка и две пары губ прилежно начали ласкать его восставшую плоть...

Мужчина открыл глаза. Две девочки, лет тринадцати – четырнадцати, увлеченно занимались делом, он видел их шеи и затылки в мокрых завитках волос. Од-на, почувствовав его взгляд, подняла глаза, спросила, облизав губы:

– Мы правильно все делаем?

Вахтанг кивнул. Девочки стали стараться с новой энергией. Мужчина почувствовал легкую испарину, с трудом удержал семя, похлопал одну из малолеток по щеке; она встала, аккуратно, двумя пальчиками, намазала мужскую гордость Вахтанга Шалвовича специальным гелем, забралась на постель и опустилась на его «прибор». Он прикрыл глаза, подождал, привыкая к ритму и чувствуя язычок другой у самого корня... Одним движением сбросил девчонку, притиснул грудью к кровати и вошел в нее сзади. Пацанка вскрикнула, зацеплялась ноготками за простыни, но он только оскалился, двигаясь часто и жестко... Девочка вскрикивала от боли, и это еще больше возбуждало мужчину... Он крепко сдвинул ее тело и почувствовал, как всего его потрясла судорога наслаждения... Отшвырнув девчонку, он упал на спину и прикрыл глаза, ощущая, как нежные пальчики и язычок второй подружки продлевают удовольствие...

Потом его прикрыли одеялом, дверь так же неслышно закрылась, и все стихло. Он лежал опустошенный и удовлетворенный, чувствуя, как приятная полудрема, полная грез, окутывает сознание...

Никаким грешником себя Вахтанг Шалвович не считал. Вернее, в чем угодно, но только не в этом... Малолеток ему доставляли не с курсов кройки и шитья, математических олимпиад или конкурсов юных скрипачек – юные путанки в немереном количестве тусовались рядом со знаменитой городской дискотеккой под простонародным названием «Подсолнух»: помимо зала для «скачек», там еще был выстроен круглый зал, похожий на шапито; новый русский владелец по фамилии Файнберг для красоты покрыл зал модной ныне черепицей, но почему-то буро-желтого цвета; с его легкой руки развлекательный комплекс, включавший кинотеатр с тремя залами, ныне используемыми как магазины мебели, несколько баров, ресторан и тот самый диско-клуб, и получил нежное имя «Подсолнух». А тусовавшихся при нем девиц стали именовать сначала «подсолнушки», а потом – короче и точнее: «лушки». Ну а то, что комплекс на самом деле курирует калединская братва из стольного града Москвы в его, Шарика, лице, знать никому было и не нужно. А те, кто знали, благоразумно помалкивали, имея свой профит и не желая лишних приключений на мягкое место.

Признаться, Вахтанг Шалвович откровенными шалавами брезговал; подсолнуховые шмаровозы отбирали ему кисок самых что ни на есть начинающих, с пылу с жару, прямо от интернатских парт; девчушек проверяли на возможные заболевания и наставляли на «путь истины»: ни к «Подсолнуху», ни к иным злачным местам Покровска на пушечный выстрел не приближаться и вести себя паиньками, дожидаясь звонка. Заработанные же деньги тем или иным путем подкидывались их родителям, а если те наовсе озверели от пьянки, то опекунам из тетушек, бабушек, золовок – как правило, даже в самой забубенной семье находилась такая старая дева, для которой возиться с девчонкой было необременительно... Как результат – девушки подкармливались, одевались и, самое главное, избавлялись от опасности стать «подсаженными шлюшками»; посещение же особняка Вахтанга Шалвовича воспринимали кто – как не очень обременительную работу, кто – как не лишенное интереса развлечение; Шарикосвили же было приятно считать, что он не использует па-цанок, а заботится о них. Самое смешное, в этом была своя правда: по крайней мере, за здоровьем лолиток следили очень даже тщательно.

Впрочем, Вахтанг Шалвович за громадьем планов и важностью дел не особенно задавался вопросом, куда деваются наскучившие или не заинтересовавшие его малолетки. А они, как водится, часто переходили с рук на руки к браткам рангом пожиже, потом – еще пожиже,

пока не становились самыми обычными потаскухами при «котах»: одутловатыми, обтрухан-ными и обколотыми... И если бы Вахтангу Шалвовичу сказали, что так оно и бывало, он скорее всего философично отнес бы это на счет незадавшейся генной программы от родителей-выпи-вох: в навозе можно вырастить розу, но сделать ее из навоза никак нельзя. Да и... Да и рынок наркотиков по Покровску контролировал он же, Шарик.

...Вахтанг Шалвович придремывал в сладкой истоме. Всего-то ничего нужно – подремать после хорошенького секса; и сон, порою уже неверный и муторный в его возрасте, бывало, не приносил отдыха, а такая вот истомная дремота, пусть и очень краткая, приносила такой покой, отдых и облегчение, словно он проспал здоровым юношеским сном часов двадцать.

Чувство опасности было неожиданным и острым, как игла. Надпочечники выбросили в одно мгновение в кровь столько адреналина, словно лежащий на кровати кавказец рванул стометровку. Только что он видел чистую горную речку и женщину, набирающую кувшин, и вдруг словно грозовая туча разом закрыла полнеба, и испепеляющая молния блеснула ярко и остро, как жало стилета...

Вахтанг даже не заметил, как в руке его оказался пистолет и как сам он застыл за портье-рой у двери, стараясь слиться со стеной. Сердце билось, как мышка в руке конкистадора. Муж-чина вполвздоха перевел дыхание. Там, за затворенной дверью, ничего не происходило. Тогда – почему? Или это сердце? И интимные развлечения после хорошего «принятия» накануне уже не по возрасту? Мелькнула мысль – где-то Вахтанг Шалвович читал, – что завзятые сер-дечники вот так вот боятся неизвестно чего: несбалансированные гормоны будоражат кровь, а та отравляет напрасным страхом мозг...

Он почувствовал, как капельки пота ручейками бегут по спине, по лбу, заливая глаза, как тяжелая рукоять миниатюрного крупнокалиберного пистолета скользко мокнет во вспотевшей ладони... Черт, это может быть и болезнь, но... Вахтанг облизал губы и ринулся к телефону на столе, сдернул трубку... Гудка не было.

На двери едва заметно двинулась вниз ручка. Одним движением он передернул затвор, сдвинул «флажок» предохранителя и, ни о чем уже не думая и ничего не просчитывая, поднял ствол и выстрелил в дверь.

Ствол дернулся раз, другой, тяжелые пули буравили дерево, вышибая щепу. Вахтанг замер, прислушался. Ничего. Ни стука, ни падения тела, словно за дверью и не было никого. Но страх был реальнее всего видимого и слышимого; что-то учуяв, Вахтанг успел обернуться к растворенному окну и стал заваливаться набок. Не успел. Пуля, выпущенная из бесшумного снайперского ствола, ударила над левой грудью, опрокинув комнату и окрасив мир желто-чер-ным.

Первое, что увидел Вахтанг Шалвович, открыв глаза, был его собственный, очень доро-гой персидский ковер. Прямо перед лицом застыли два черных ботинка.

Шарики поднял лицо, встретил взгляд стальных глаз: суженные зрачки были похожи на затаившихся в амбразурах стрелков.

– Ну что, Шарик, вот и свиделись? – разлепил толстые губы Кротов.

Вахтангу Шалвовичу было совсем неинтересно думать о том, как могли люди этого выбившегося в авторитеты отморозка снять его охрану, как они вообще могли проникнуть в особняк или даже приблизиться к нему на расстояние полета пули... Боковым зрением он раз-глядел мирно сидящего в кресле мужчину с высокими зальсынами, усатого, похожего на борца былых времен, этакого Ивана Поддубного на пенсионе... Боль мешала быстро стемешить все расклады, но один плюс один он складывать не разучился. И пусть он не знал, на чьей кухне заварилась похлебка, но будущая судьба этого уроды с «гайкой» на пальце ему представилась достаточно ясной... Как и его собственная.

И все же... Надежда умирает последней... Вахтанг разлепил губы.

– Нам нужно поговорить... – прохрипел он, слыша, как воздух с сипением выходит из пробитого легкого.

– Уже не нужно, – ослабился Крот. – Клюв в руках моих мальчиков кололся, как сухое полено!

Вахтанг Шалвович облизал пересохшие губы, выдохнул с натугой, стараясь зацепиться за жизнь последним, что оставалось, – страхом.

– Резо не простит... Кострома, Роман-маленький, Жид, Колун, Афиногенчик... – начал перечислять он имена авторитетов.

– Лишь бы Бог простил, – перебил его из кресла «Поддубный». Добавил, мельком взглянув на часы: – Кончал бы ты его, Кротов, болезного. Делишек у твоих ребяток на сегодня – немерено...

Кротов болезненно усмехнулся, одним движением перевернул раненого на спину, словно жука:

– Что, Шарик, не забыл Краслаг? Вот и я не забыл...

Удар тяжелого, обитого железом ботинка в пах был страшен: Вахтангу показалось, что его просто разорвали пополам...

– Это тебе не девчушкам вставлять... – ухмыльнулся Крот. Посмотрел в мутные, полубезумные от боли глаза противника и решил не тянуть больше, опасаясь, что тот провалится в спасительное беспамятство. – Я тебе говорил, что по полу размажу? Вот и не обижайся – Крот слово держит.

Последнее, что увидел в своей жизни Вахтанг Шалвович Шарикошвили, была ребристая, подкованная медными гвоздиками подошва... Она с хрустом впечаталась в лицо, дробя кости...

– Будет, Кротов, будет... – Стоявший лицом к окну Панкратов повернулся. Голова лежащего превратилась в кровавое месиво, мозги забрызгали весь ковер, а Крот продолжал бить с методичной, непреходящей ненавистью. – Силушку побереги.

– Если б ты знал, Ильич, сколько он мне крови выпил... Каких корешей извел...

– Чему быть, того уж не воротишь, – философично бросил Степан Ильич. – А силу, ее поберечь стоит. Братва готова?

– А то...

– Вот и славно. Пора проехаться по городку Покровску. По-хорошему так, с музычкой.

– С похоронной, – ухмыльнулся Крот, сплюнул на труп и целеустремленно заспешил к выходу.

Степан Ильич проводил взглядом его массивную фигуру. Верно говорят: сила есть – ума не надо. Хотя без ума люди тоже живут. Но в их профессии – недолго. Очень недолго. Оно и к лучшему.

Панкратов еще раз окинул взглядом помещение, сморщился, вспомнив другое расхожее изречение: «Все к лучшему в этом лучшем из миров». Хм... Если этот мир – лучший, что же происходит тогда в худшем? Спокойнее не знать совсем. Меньше знаешь – легче спишь.

Глава 5

Разглядев Крота в подъехавшем серебристом «бентли», Гвоздь радостно отмахнул братве: начали!

Пацаны попрыгали в джипы, Крот двинулся на «бентли». Кавалькада получилась – загля-
денье.

– Круто! – выдохнул водила, коренастый крепыш Сека.

– А то... – отозвался Гвоздь, не выдержал, от избытка чувств выкрикнул: – Й-а-а-а!

– Ты чё? – удивился сидящий рядом Кадет. Он когда-то начинал карьеру в Рязанском воздушно-десантном, пока не влетел за драку с поножовщиной, но сохранил кое-какие армейские заморочки, потому и звался Кадетом. – Детство в заднице булькает?

– Веселуха. Опух я болванчиком, как мерин, в вагоне торчать! – Покосился на сидящего в джипе молодого человека явно не братанского вида, а самого что ни на есть гэбэшного, закончил, пародируя киношный акцент Владимира Ильича: – Конспигация, конспигация и еще газ конспигация! Агхиважно!

Молодой человек в лице не изменился, и Гвоздю в который уже раз стало не по себе. Эти ребята Шерифа – так они промеж себя окрестили крупного с залысынами, усатого неторопливого мужика – были мутными, как молочные бутылки, и скользкими, как ящерицы. И у него, Гвоздя, не было сомнений, что при случае их нужно класть рядком вместе с Шерифом – от греха.

Крот, расслабленно прикрывший веки на заднем сиденье невероятно дорогого бронированного «бентли», был того же мнения. Не нравился ему этот порученец Филина. Как и сам Филин. Как и блондинчик-банкир, этот розовощекий козелок с замашками пидора и видом отличника-стукача. Ну да нужда заставит не только хлеб с маслом кушать, но и с чертом в чехарду играть.

Москва стала слишком тесной для Крота. Целенаправленная разборочная стрельба прошлого года в столице и самом ближнем Подмосковье поставила его перед небогатым выбором: идти под Резо или Романа-маленького. Первое было плохо, второе – очень плохо. Набравший авторитет спортсмен с волей, склонностью к лидерству и манерами отморозка не нужен никому из московских крестных. А потому шишкастая, коротко стриженная голова Крота, казалось, годная лишь для того, чтобы вышибать ею двери и крошить чужие челюсти, на самом деле напряженно кумекала последние полгода над вопросом: как выжить? Понимая, что при отсутствии нужных связей любому из крутых паханчиков он с пацанами может понадобится только как пушечное мясо, да и то ненадолго, Крот порой впадал в тоскливую депрессию, подсаживался на иглу, дурковал по-глупому – чем еще объяснить покупку такой авторитетной «гайки» или такого авто?

Не, для пацанов это было в самый раз, круто, но для людей серьезных – детский сад, ребячество; как говорится, битый фраер спекся, пора выносить.

Тут-то на него и вышел Степан Ильич Панкратов, пару раз поболтали о том о сем... Потом, по принципу – куй железо не отходя от кассы, Ильич притащил его в особняк к Филину, и тот – карты «рубашкой» вниз: так, мол, и так, у нас свои дела в Покровске, заводишки нас интересуют, много не обещаем, но долю малую дадим; а на хозяйстве по городу – свой человек нужен, с авторитетом, но без глупых заморочек, вроде «закона» или «понятий»... Складно так у него выходило, но...

Чуял Крот за всеми этими словесами какую-то муть, потом стал прикидывать: Покровск – городишко аховый, ясно, не Москва и не Питер, но много там чего хорошего, вроде автозаправок, кабаков, рынков... И без заводишков – бабки немереные... И не поучаствовать в предложенном «блицкриге» – это как себе в суп плюнуть! Подмять под себя губернский городок –

дело не маленькое; впрочем, и на Москве он ничего бросать не собирался, оставит положенцев, пока суд да дело... А там... Будут бабки, будет и песня!

Чутью своему он верил; потому, как только дельце провернется, Панкратова с его серыми волками – в расход, и вся недолга. Силу все уважают. И допустить, чтобы у тебя за спиной маячила какая-то шестерка, пусть и козырная, – бездарно и опасно. На этом столько пацанов головы потеряли, что и не перечесть. Кротов свою терять не собирался.

Панкратов организовал все так, как привык в своей конторе, а уж на какую контору он гнул поясницу до пенсионера, один черт ведает. Действительно, загрузил боевую братву вместе с джипами в закрытые вагоны, похожие на железнодорожные автозаки, закрыл вглухую, запечатал; вот в таком виде, как Ленин со товарищи из Немецкины, они и прибыли в Покровск. Признаться, Крот изрядно понервничал: мочкануть их из «калашей» в таком положении было легче, чем два пальца обмочить. И если бы кто из недругов эту комбинацию просек, покروшили бы всех.

Ну да, видно, серые «дети Ильича» язык за зубами держать умели справно. Все прошло как по маслу. А человечек Крота, Шланг, сумел втихую в Покровске подсутиться: промутил хорошенько среди ничейных здешних отморожков, подписал их под Крота. Впрочем, подписал – не совсем верно: пацаны ждали от Крота *действия* – во все времена бойцы любят присоединяться к сильным. Чтобы навсегда. Забыв, что навсегда ничего не бывает. Кроме смерти.

Для самого Крота «моментом истины» в общении с Филиным и Панкратовым было устранение Груздева; понятно без дураков, теперь эти ребята выставили головы и пути назад у них нет. А после мочилова в особняке нет пути назад и для Крота.

Вот только... Эти волки Шерифа – опаснее гремучих змей, это точно. Охрану вокруг дачи Вахтанга сняли так, что никто даже не дернулся; Крот с ребятишками въехал в ворота, как Сталин в Кремль, только что не с салютом. И все одно он, Крот, их кончит. И Шерифа-Ильича-Панкратова первым.

Умный он сильно, этот Панкратов. Ну и пусть думает. Пока он думать будет да вариации просчитывать, заточкой его и приласкать. Нужно только правильный момент выждать. Главное в этой жизни – выгадать время и попасть в самую тютельную. Или – в яблочко. Остро отточенным клинком.

...Кортеж закатил в город на газах. Гаишник на въезде даже не дернулся: кому охота с трехлинейкой на танк переть? Но что отзвонится немедля куда следует и кому следует, это как пить дать. И что изменится? Как там базлал Панкратов? Любой тревожный звонок, будь то в дежурную часть или кому-то из здешних авторитетов, прозвучавший за пяток минут до начала действия, может только деморализовать противника. Тем паче основной «оппонент», Шарик, лежал сейчас в луже собственной крови.

У рынка тормознулись лихо. Защелкали дверцы джипов, братва ломанулась в административное здание рынка – двухэтажный домик. Охранник на входе только привстал и – упал с простреленной башкой: вряд ли он собирался оказывать какое ни на есть сопротивление, но Панкратов настаивал на «показательном выступлении». Да и сам Крот знал: ничто так не ломает противника, как демонстрация силы. И демонстрация не пустяшная, мнимая, дескать, вот сколько у нас стволов и бойцов, демонстрация действенная: стволы стреляют, бойцы мочат. Без сантиментов.

Двери на втором этаже вылетели с грохотом; какие-то тетki прыснули по углам; двоих вылетевших невесть откуда охранников срезали длинной автоматной очередью и полоскали пулями в лоскуты, пока оба не превратились в подобие рваного тряпья.

Маленький лысый человечек в кабинете был белым как полотно. Хозяин рынка Семен Иванович Хорев, в простонародье – Хорек. Крота он узнал. Пытался сказать что-то, да не удалось: открывал по-рыбьи рот, но не произносил ни звука.

Крот застыл напротив на дорогом китайском ковре. Хорев побагровел, выговорил с трудом:

– Крот, я...

– В команде знатоков объявляется замена... – улыбнулся уголком рта Кротов и спустил курок. «Штурмовая» пуля из крупнокалиберной «беретты», попав в переносицу, снесла мужичку полчерепа.

Кротов развернулся, собираясь покинуть место побоища, заметил в углу съежившийся комочек: секретарша покойного. Поднял было ствол, заметил, как побелело и без того бледное лицо девушки... Кинул Кадету:

– Подбери куклу. Вечером поиграем.

Тот кивнул, легко подхватил девчонку под мышку и двинулся прочь вслед за боссом. В семь минут рынок поставили буквально на уши. Местные отморозки, подкрепленные бойцами Крота, мигом прошлись по значным точкам, оставляя за собой трупы и раненых. Слух о том, что Шарик пребывает уже в «мирах иных», облетел всех и вся, и оставшиеся «середняки» и национальные общины, платившие Шарику, сворачивались и спешили упасть на дно, в глубокую захоронку, до выяснения.

Кавалькада машин – пришлых джипов и местных от-морозочных «девяток» – выехала с рыночной площади и веером рассыпалась по городу. Еще в десять минут были разгромлены три бара, в коих любила тусоваться «пехота», компьютерный центр, подсобка элитного магазина «Элект» – место сбора теневых если и не «отцов», то «зятьков» города.

...Степан Ильич Панкратов остановил секундомер. Надо полагать, милицейские, омоновские, фээсбэшные начальнички уже оклемались. Сейчас самое время залечь на дно, чтобы не попасть под горячую карающую руку силовых подразделений. Через сутки и это уляжется, тогда можно будет выполнять третью часть плана. Он поднял к губам рацию и произнес только одно короткое слово: «Отбой».

Через двадцать минут после начала акции автомобили выехали из города и растворились в лесах Клеверецкого района.

Глава 6

Губернатор Илья Иванович Купчеев сидел в кабинете и рассеянно взирал на открывающуюся за окном панораму левого берега Вежи. На улице стояла жара. Свежая зелень изумрудно переливалась под солнцем, Вежа неспешно несла стальные воды. Несколько рыбачков застыли статуями с удилищами, сторожко поджидая добычу – меленького серебристого сенца, а если повезет, то и подлещика. В болотных сапогах или обрезанных по пояс гидрокостюмах они заходили в студеную холодную воду по самое «не балуйся» и стояли так часами. Ни тебе простатита, ни тебе геморроя. Оба недуга Илью Ивановича периодически доставали. Сегодня к вышеназванным добавлялось еще и легкое похмелье.

Да какое там легкое! Пройдя когда-то по комсомольско-партийной лесенке от инструктора райкома комсомола до второго секретаря обкома партии, Илья Иванович прошел соответственно и полагающийся «естественный отбор» на стойкость к алкоголю. И ежели не спился пока вовсе, так это – гены.

Просыпался он не рывком и не сразу. Сначала чувствовал, как ноет поджелудочная, потом – тянущие боли в сердце, следом – вот этот самый геморрой, особенно если хряпнул накануне как следует... И это жизнь?..

А какой вопрос без стаканчика решить можно? Да никакой. Ни тогда, ни теперь. Разве что-то поменялось, если копнуть по существу? Партхозноменклатура, ПХН, в народе именуемая «паханы», переварила дерьмокра-дов не поперхнувшись, как щука – пескариков. Криминальные авторитеты – крутые мужики, не подарок, но с ними ко взаимному уважению обсудить вопрос-другой куда легче, чем с писклявыми пидорами-демократами «перестроечной волны», сильно жадными, не очень умными и до удивления сволочными.

Хе... Жизнь... Раньше съезды, теперь – сходняки... Купчеев снова весело хмыкнул, забыв о недугах, представив на миг лозунг: «Решения XXIV сходняка – в жизнь!» Такие вот настали *реалии*, как выражался Мишка Меченый, ходить ему конем!

Сердечко снова начало покалывать. Илья Иванович тяжело вздохнул. Вытер платком широкое лицо, нажал кнопку селектора:

– Люда, чайку.

– Одну минуту, Илья Иванович.

Люда действительно запорхнула через минуту, выкатывая перед собой столик с подносом. Выставила большой фарфоровый чайник, стакан в старом, сталинских времен, серебряном подстаканнике, вазочку с вареньем, сахарницу с аккуратно наколотым щипчиками кусковым сахаром и блюдце. Илья Иванович любил в одиночестве прихлебывать чаек по-простецки, вприкуску. По молодости он тушевался этой своей привычки, а ныне чего?

Тем более наружности Илья Иванович был самой что ни на есть русаковской. Редкие седые волосы, зачесанные назад, сами собой распадались посередине прямым пробором, широкое лицо с носом-пуговкой, массивная фигура. Если чего и недоставало ему, так это бороды-оклада, как у деда и прадеда; у здешних так завсегда было: волосы с годами на лысину не разменивались, но редели, а борода шла густая, лопатой или окладом, и холили ее купцы, лелеяли, накладывая на широкую грудь поверх гильдейной цепи.

Людмила мельком глянула на патрона: не нужно ли чего еще? Она была не похожа на нынешних обязательно-хрестоматийных секретарш: длинноногих пустоглазых куколок, выполняющих при патронах функции многостаночниц. Ей было слегка за тридцать, она была крепка телом и скоро умом и порой относилась к своему вельможному начальнику с заботливостью сестры; никакого «интима» с секретаршей губернатор себе не позволял; он был счастливо женат вторым браком и семьей дорожил. Впрочем, кто не безгрешен, для радости были у Купчеева и статисточки, поселенные поодаль от любопытствующих глаз в дачном домике в

бору, – будучи вельможей старой школы, никаких шашней на работе ни себе, ни подчиненным не позволял. Слишком много видывал в иные времена карьер, погубленных под секретарской юбчонкой.

Новые были не такие: наглее, нахрапистей, злей и аппаратных правил, в том числе и матримониальных, не блюли; ну да что ему, Илье Ивановичу, до этих новых? Опыт он ведал одно: или впишутся в систему, или система их спишет. Третьего не дано.

– Газеты? – спросила Людмила.

– Через десять минут.

Секретарша удалилась, тихонько прикрыв за собой дверь.

Телефон на столе запиликал призывно. Илья Иванович поднял трубку. Молча выслушал, лицо его поморщилось брезгливо, но ответил он ровным, обыденным голосом:

– Спасибо, что проинформировали, Сергей Сергеевич.

Полковник Сергей Сергеевич Сутеев был доброхотом-стукачом Купчиева в системе УВД, благодарить его, собственно, было не за что, но Илья Иванович прочел когда-то еще гзэшное руководство по вербовке и правилам обращения с агентами и старался этим правилам следовать: агент должен чувствовать, что он не просто дорог куратору, а крайне важен и нужен. А от «спасибо» его губернаторского авторитета не убудет.

Илья Иванович снял трубку – сейчас он вставит милицейскому генералу Серебрякову по первое число: когда это было, чтобы в городе стреляли? Не девяносто второй! Да и Игнатьич нехай почешется: где какой непорядок, а губернатор – в курсе! Потом построить начальников УФСБ и РУБОПа: пусть тоже чувствуют хозяйскую руку.

Телефон отозвался после первого гудка.

– Что у тебя там за бардак, Валерий Игнатьевич? – спросил он, не повышая голоса. – Бандиты опять распоясались? У нас не столицы, нам шуму не нужно. Контролируешь? Вот и славно, что контролируешь. Жду на докладе в два часа.

Илья Иванович положил трубку, налил чаю в стакан – тот был горяч и крепок. Бросил под язык кусочек сахара, отхлебнул. Бандиты... Пацанва из дурных, которые хотят все и сразу. А так не бывает. Ты поусердствуй, послужи, хребет поломай... Не желаешь? Ну тогда по пословице: бандит должен сидеть в тюрьме. И никаких соплей.

Дверь открылась, вошла Людмила с газетами, разложила их на столе:

– Еще чайку, Илья Иванович? Погорячее?

– Давай кипяточку, Люда. Уже сердечко не то, чтобы по два чайника «купца» выдувать. Вторяком раз-бавим.

– Сию секунду.

Илья Иванович чувствовал, как приятная испарина выступает на лбу. Вот так вот, по-дедовски, и никакого похмелья. Вынул из шкафа бутылку коньяку, плеснул на доньшко стакана, выпил одним глотком, кровушку разогнать. И вслед – опять чайку, погорячее.

Людмила вошла с поющим еще чайником, долила заварной крутым кипятком и тут же налила густо-янтарного цвета чай в стакан. Купчиев поблагодарил кивком: ему был приятен заведенный им порядок; в любом порядке должна чувствоваться надежность и солидность, ибо только неизменность, стабильность власти может заставить людей эту власть уважать. А власть, как и все в этой жизни, стоит на мелочах. Их нельзя ни забывать, ни упускать.

После третьего стакана пот прошиб уже основательно, Илья Иванович удалился в апартаменты, помещающиеся сразу за кабинетом, умылся, поменял сорочку. Уф, словно заново родился. Можно и к делам.

Телефон на столе в кабинете звонил долго и требовательно. Прямой. Илья Иванович неспешно подошел, снял трубку.

– Только что поступило сообщение: убит Вахтанг Шарикошвили, – напряженным голосом доложил другой стукач-доброхот, уже из РУБОПа.

– Вот, значитца, как...

Илья Иванович задумался. Вахтанг Шалвович числился в городе преуспевающим бизнесменом, но основной род его занятий тайной ни для кого не был. Если завалили смотрящего, жди неприятностей. Тут есть над чем подумать. На два часа назначено Серебрякову, может быть, стоит вызвать и начальников УФСБ с РУБОПом? Так сказать, загодя прокачать ситуацию?

– Когда? – спросил он.

– С час назад.

– Причины?

– Выясняем. Пока считается – разборка.

– Давно не было.

– Очень давно.

– Что Титов? – поинтересовался губернатор позицией начальника РУБОПа.

– Ему звонил Серебряков. В городе неспокойно. Вводим планы «Невод», «Зачистка» и «Перехват».

– Да? И жить станет веселее?

– Порядок обеспечим, Илья Иванович.

– А вот это правильно.

Купчеев подумал минутку, нажал кнопку селектора:

– Людмила, всех силовиков ко мне на два часа. И мэра тоже.

– Да, Илья Иванович.

Купчеев откинулся в кресле. Вот тебе и тихий денек... Некоторые пеликаны, занесенные в начальственные кресла кто ветром перестройки, кто – ураганом «демократизации», сдуру пыжились от гордыни и считали, что крупный чиновник не должен вникать в дела, находящиеся «ниже его компетенции», в так называемую мелочевку... Чушь! Власть держится на мелочах! Вернее, во власти мелочей не бывает! Наше мирное и законопослушное население может полгода не получать зарплат и вздыбиться разом из-за того, что какой-то дебил мент разбил нос какой-то шлюшке! И – понеслось дерьмо по трубам! Телевизионщики, как вороны на падаль, слетятся! А то у любого спецушного начальничка хватит мозгов сварганить такую операцию самому, да зацепиться на Москве за кого следует, да подставить-подсидеть «отца-губернатора» на полную катушку, подвести под царев гнев, вогнать в немилость! Учены!

Илья Иванович предпочитал в мелочи вникать, потому и был который год «на коне». Пусть не на самом белом, да конек тот стоял на грешной земле всеми четырьмя, как орловский тяжеловоз. И еще, Бог даст, простоит.

За размышлениями Илья Иванович небрежно просматривал газеты. Телефон заголосил снова, Купчеев нервно снял трубку:

– Да?

– Убит водитель Ключева, – проговорил в трубку «контакт» из УФСБ.

– Что? Какой водитель Ключев?

– Извините, я неточно выразился. В лесополосе нами найден труп шофера мэра города. Его автомобиль исчез. Сам мэр тоже пропал.

– Что значит пропал?

– Его нигде не могут найти.

– Вот как? Ищут?

– Так точно. Планом оперативно-розыскных мероприятий предусмотрено... – затараторил, как хорошо обученный попугай, «контакт», не заметив сарказма в губернаторском вопросе.

Тот оборвал резко:

– Когда?!

– Извините, не понял?
– Когда пропал Клюев?
– Это не выяснено. Из дому он вышел в четверть седьмого. Жена полагала...
– Мне начхать, что полагала или полагает его жена! *Когда* обнаружен труп водителя?
– Савостьянова?
– Майор, ты что, тупой? Я не спрашивал, *как* его зовут, я спрашивал *когда* был обнаружен его труп?!

– Секундочку, я уточню... Секундочку!

Кретин!

– В десять сорок пять. В лесополосе за тридцать пятым километром шоссе. Это уже в Лугачинском районе.

– Кто обнаружил?

– Какой-то мужик, он не представился. Просто позвонил в дежурку, так, мол, и так.

– Случайный прохожий? – иронически поинтересовался Купчеев.

– Возможно.

– Тогда почему этот лесник-грибник позвонил дежурному УФСБ, а не по 02, как все нормальные граждане?

Собеседник на секунду замолчал в замешательстве, наконец выдал:

– Не могу знать.

Купчеев хотел выругаться, но сдержался. Перевел дух, спросил:

– Это все?

– Так точно, – по-военному отозвался «контакт». Помолчал, потом добавил: – Генерал Семенов до выяснения всех обстоятельств засекретил полученные данные... Я же информирую вас потому...

– Быть тебе полковником, майор! – снова резко оборвал его Купчеев. – Спасибо.

– Всегда рад быть полезным.

– Держи меня в курсе.

– Есть!

«Ага... Есть! На харе шерсть! Ах, Семенов! Мудрило грешное! Кэзэбист драный! Вспомнил славные семидесятые? Решил в игры поиграться? Я тебе поиграюсь!»

Купчеев со злостью двинул ящиком стола, вытянул пачку сигарет, чиркнул спичкой. Постепенно он почти отучил себя курить, первую сигарету вытягивал после обеда, но сегодня... Нечего сказать: мирный теплый денек! Теплый и мирный!

Итак, Семенов. Этакий застегнутый на все пуговицы гражданского костюма служака. Безукоризненный пробор в волосах, на носу – затемненные окуляры в тонкой золотой оправе. Андропов нашелся! Борец с коррупцией и злоупотреблениями! Чистые руки, холодные уши, горячая похлебка!

Как бы не так... На его, Купчеева, место метит! Федерального он, видишь ли, подчинения, а потому на доклад к губернатору бегать не обязан! Оперативные разработки у него, вишь ты! «До полного выяснения обстоятельств!»

Пальцы Ильи Ивановича нервно перебирали газетные листы, разложенные в строго определенном порядке. Мелькнула знакомая фотография, Илья Иванович подвинул к себе газетный лист, и лицо его начало на глазах сереть...

«Николай Степанович Груздев... Преступная рука оборвала жизнь крупного государственного деятеля, выдающегося хозяйственника... Специально сформированная Генеральной прокуратурой следственно-оперативная группа... На контроле у президента... В который раз нам приходится задавать самим себе недоуменный вопрос: до каких пор организованная преступность...»

Илья Иванович Купчеев не заметил, как сигарета истлела до фильтра и стала обжигать пальцы... Потянулся к стакану, глотнул остывшего чая... Вот, значит, как...

Мысли в голове вырывались из лихорадочной круговерти, укладывались на предназначенные им «полочки»... Вахтанг Шарикошвили... Стрельба в Торговом центре... Труп шофера мэра, валяющийся словно новенький целковый на людной улице... Доброхот-лесник-грибник, нашедший труп и отзвонивший не куда-нибудь, а в УФСБ... Мэр Клюев, покинувший семейное гнездышко ранним утречком и пропавший вместе с автомобилем...

Зуммер селектора прервал размышления.

– Да! – рявкнул Купчеев.

– Илья Иванович, сегодня прием согласно распорядку? – тихо, испуганно прошелестела Людмила.

– Какому распорядку?

– У вас на столе – копия... – еще тише проговорила секретарша. – Поскольку вы не внесли изменений... Отменить?

– Кто там у нас?

– Банкир.

– Что за... – Купчеев наморщил лоб.

Людмила зачастила, словно увидев его лицо воочию:

– КРОНЭКС-банк, член правления господин Савчук Валерий Эммануилович.

– Эммануилович, говоришь...

– Валерий Эммануилович.

Мысли в голове Купчеева неслись прищипоренными лошадьми.

Вот, значитца, какие пирожки с плюшками. Ну-ну... Он разлепил спекшиеся губы:

– Ему назначено на двенадцать?

– На двенадцать пятнадцать.

Купчеев глянул на часы. Было ровно четверть первого.

– Извинись. Скажи: приму через пятнадцать минут.

– Да, Илья Иванович.

Ровно в двенадцать тридцать Илья Иванович Купчеев сидел за пустым, просторным, как теннисный корт, столом. Он успел сделать несколько звонков по спецсвязи в Москву: ни душевного покоя, ни уверенности они ему не прибавили. Тем не менее лицо его было спокойно, глаза, прикрытые набрякшими веками под жесткими кустиками седеющих бровей, смотрели жестко и зорко, руки покоились на крышке стола нерушимо, будто на дворе – не конец девяностых, а середина пятидесятых, а сам он – Великий Кормчий социалистического Китая товарищ Мао Цзэдун. И впереди у него много смертей, но чужих.

Когда-то, еще будучи студентом, Илья Иванович учился с китайскими товарищами. И главное умение, которое он перенял у дальневосточных друзей, было умение сохранить лицо. При любых обстоятельствах.

Глава 7

Молодой человек в дорогом, превосходно сшитом костюме сидел в кресле напротив губернаторского стола. Чувствовал себя он достаточно свободно, да, именно свободно, а не вольготно. Вся его поза словно говорила: «Мы же деловые люди, господин Купчеев, а деловые люди всегда сумеют договориться. Особенно если речь идет о деньгах, представленных в цифрах с семью-восемью нулями после единички».

Губернатор молчал. Глаза, полуприкрытые веками, буравили гостя. Тот понял, что «ходить» придется первым, в деловых разговорах, в отличие от шахмат, это далеко не преимущество. Впрочем, молодой человек знал о своих козырях и о том, что губернатор уже проинформирован обо всем случившемся за последние не-сколько часов в «подведомственном» ему городе. Единственное, о чем не подозревал Валерий Эммануилович, – так это о том, что вместо фирменного банковского значка в петличке его пиджака людьми Панкратова установлен замаскированный сверхчувствительный микрофон и сам Степан Ильич удобно расположился с двумя операторами в уютном микроавтобусе в трехстах метрах от здания администрации и готовился прослушать и записать беседу банкира с губернатором.

Предстоящий разговор забавлял Валерия Эммануиловича. Хотя настроился он на него достаточно серьезно: в бизнесе мелочей не бывает. То, что покажется тебе теперь мелочью, впоследствии может обернуться проблемой, снять которую твои компаньоны смогут только твоей жизнью. Вернее – смертью. Савчук пожевился зябко, вспомнив безличный и холодный взгляд Филина...

Да наплевать на Филина! Пусть он гениальный разработчик и теперешнюю ситуацию смоделировал так, что комар носа не подточит, сейчас начнут говорить деньги! А с этим Валерий Эммануилович Савчук справлялся всегда с присущим ему блеском! Если это признают господа Кодарковский, Обновленский и Ботанин, то какому-то Филину придется это признать! Даже если он и ночная птица! А уж этому монументу за столом, словно ожившему герою кинокартины семидесятых типа «Секретарь парткома», он наматает кишки на палку! Но... Легко и изящно! Вот именно, легко и изящно! С присущим ему блеском!

Валерий Эммануилович чуть откинулся на стуле, улыбнулся мальчишески открытой улыбкой, произнес, играя обертонами хорошо поставленного голоса:

– Уважаемый Илья Иванович! Чтобы напрасно не отнимать вашего дорогого времени, приступлю сразу к теме нашего randevu. Смею надеяться, вы уже изучили те бумаги, что мы послали к вам две недели назад, и у вас появились какие-то соображения по изложенным вопросам. Совет директоров КРОНЭКС-банка уполномочил меня обсудить с вами все интересующие вас вопросы... Мне представляется также, что мы могли бы сегодня же снять все возникшие или могущие возникнуть в будущем недомолвки и недоумения, чтобы разрешить нашу проблему к полному согласию сторон.

Валерию Эммануиловичу понравился произнесенный им спич: просто и изящно.

Но Илья Иванович Купчеев никак не прореагировал на сказанное. Он продолжал монументально возвышаться за столом, буравя зрачками посетителя. Единственное, что мелькнуло в его голове: а этот недоумок сам-то понял, что сказал?

Банкир, не дождавшись ответа, вытащил из кармана золотой портсигар от Картье, осведомился вежливо:

– Разрешите?

Губернатор промычал нечто невразумительное; Валерий Эммануилович счел возможным считать это согласием, чиркнул кремнем такой же баснословно дорогой зажигалки, выпустил идеально ровную струю дыма.

– Итак, поговорим по существу вопроса? – Банкир выделил голосом словосочетание «по существу» и выразительно посмотрел на этого дремучего чинушу. Он был доволен складывающимся разговором. По крайней мере, инициатива была за ним. Сейчас этот медведь и мужлан заерзает, забеспокоится, начнет торговаться за каждую тысячу баксов и заглочет тем временем крючок целиком. А с крючка КРОНЭКС-банка еще никто не слезал. Живым. Да и...

Молодой человек выпустил очередную дымную струйку, затянулся. Теперь он был намерен держать паузу. Сколько бы это ни продлилось. Кажется, у Станиславского он читал: главное качество, отличающее великого актера от посредственности, – это умение держать паузу. Себя Валерий Эммануилович считал блестящим актером. И не только он один так считал. Если спросить у банкира Кодарковского, каким образом...

– Ты это... – нарушил тишину хриплый голос губернатора.

– Что, простите?..

– Ты, Савчук, из этих?.. Из жидков будешь?..

– Простите?

– Ты чего, глухой, прости Господи?.. Из еврейчиков будешь, спрашиваю?

– В смысле...

– Да в прямом!

– Я – русский. Но родом с Украины. Из Одессы.

– Вот то-то. В Одессе в той у вас все еврейчики и есть. Так?

– Ну почему же все?

– А пес вас знает! И среди банкиров, что ни нос, то в полтора аршина... А пейсы чего не носишь? Не модно, знать, ныне?

Пусть на секунду, но Валерий Эммануилович растерялся: он что, полный дебил, этот губернатор? Речь идет даже не о деньгах, а о Деньгах! Савчук не без труда подавил готовое вспыхнуть раздражение, улыбнулся достаточно непринужденно:

– Если вы, Илья Иванович, насчет отчества интересуетесь...

– Я насчет отчества интересуюсь! – грубо оборвал его губернатор. – Наобещаешь тут, напакостишь там, а потом – в свой Израиль подашься, к раввинам грехи замаливать, так? Гражданство-то, поди, оформил уже на случай? Чтобы, как крыса, сбегти с земли русской, когда припечет?

Валерий Эммануилович вынул платочек, промокнул пот со лба... Этот губернатор не просто дебил, он махровый дебил! Кретин в квадрате, вот кто он! Каких дегенератов плодит еще земля русская, Боже ж мой! И с этим мастодонтом нужно вести разговор о сорока миллионах долларов? А на самом деле речь идет о полутора миллиардах?! Куда все катится?!

Стоп! Не время для эмоций! Он справился с лицом, глянул на этого краснорозега ублюдка, по какой-то непонятной прихоти судьбы занимающего такой ключевой пост, собрался, проговорил, чуть понизив голос:

– Вы правы, Илья Иванович. Я уважаю ваши убеждения и, если хотите, разделяю их. И относительно мирового еврейства – в том числе. Но... – Молодой человек слегка развел руками: – Вы же понимаете, в их руках сосредоточены крупнейшие мировые финансовые центры...

– А ты что, Эммануилович, себя чукчей числишь? Или этим, камчадалом? Папашка, поди, тех самых, голубых кровей, даром что Савчук? А мамашка – вообще Гогельбрюхер какая-нибудь?

Банкир заметил, что тон собеседника чуть сменился с напористо-агрессивного на насмешливо-снисходительный. Это Савчук счел хорошим предзнаменованием. Как учит сайентология, любую фразу, сказанную собеседнику, лучше всего начинать со слов «вы правы».

– Вы правы, Илья Иванович, но признайтесь, у вас имя тоже... Не того...

– Да ты что, банкир, сдурел совсем за барышами?! – громыхнул Купчеев. – Да я в аккурат на Илью Пророка, третьего августа родился! Как меня родители мои православные могли наречь? Марком, что ли? Или Фемистоклом?!

– Вы правы, Илья Иванович! Вот и у меня – та же ситуация! Мой покойный дедушка весьма увлекался философией немецкого мыслителя Канта, открывшего, как известно, шестое доказательство бытия Божия и тем самым дополнившего самого Фому Аквинского, отца схоластики... Так вот: в честь прославленного немца этот мой дедушка, Алексей Миронович, и нарек моего папу таким странным по тем временам именем! А родителей, как известно, не выбирают! И мой отец, Эммануил Алексеевич, был членом ВКП(б) с со-рок девятого года, а тогда, как известно, иудеев не сильно жаловали...

– Ну будет, будет, – совсем уже смягчился «грозный» губернатор. – Вы, хохлы, тоже не сахаром помазаны, только и норовите нашего брата русака объегорить...

– Да полноте, Илья Иванович... Мы же деловые люди...

– И коньячок делу не помеха, а? – хитро, по-крестьянски, прищурился Купчеев.

Валерий Эммануилович внутренне ликовал: вот что значит мастерство! Все будет так, как он задумал! Торг. Этот Купчеев, конечно, дремучий мужик, но хитрый. Хотя... Как формулировал Ларошфуко, хитрость – признак недалекого ума. Дебют он, Валерий Савчук, выиграл вчистую. Осталось сделать следующий шаг. И – поставить мат.

– Людмила, приготовь-ка нам с гостем чайку, эдак по-русски, с коньячком, буженинкой, севрюжкой... – услышал Валерий Эммануилович распоряжение губернатора. Прикрыл глаза, вдохнул глубоко, задержал дыхание, стараясь сосредоточиться. Именно так древнекитайский целитель Цзу Джи рекомендовал восстанавливать тонкую энергию «цы» после напряженного интеллектуального поединка. Который ему еще предстояло завершить победой. Полной победой.

Если бы Валерий Эммануилович видел брошенный на него губернатором вскользь взгляд, он ощутил бы только одно чувство: страх. Страх, одинаково поражающий все зверье, будь оно ползучее, рогатое или двуногое. Страх нерассуждающий, слепой, смертельный. Ибо смотрел Купчеев на подсадного банкира профессионально-оценивающе, с прищуром, будто убийщик на готового к закланию бычка, будто стрелок на дичь – сквозь вороненую прорезь прицела.

Глава 8

Панкратов дослушал разговор Савчука с губернатором, выключил запись. Из автомобиля он видел, как банкир, самодовольный, сияющий, будто новенький гривенник, вышел из дома администрации, медленно двинулся к машине.

Телохранитель, здоровенный качок по имени Костик, по негласной классификации Панкратова – «амбал-вредитель», вроде того, что был у мэра, предупредительно встретил шефа с мобильником в руке. Сейчас Савчук будет докладывать Филину. Но Панкратов ошибся.

– Владлен Ефимович? – произнес Савчук в трубку.

Этот полудурок звонит самому Обновленскому по прямому? Холодная испарина обильно оросила лоб Панкратова. Он был рад, что выключил запись. Если он пропустил контакт банкирика с олигархом, Филин не просто по голове не погладит... Он ее и оторвать запросто может.

Или Савчук не такой уж олух? Раз решил играть свою игру? И вся его беседа с губернатором лишь прикрытие, и предназначена для его, Панкратова, ушей, и о прослушке он знает априори? Хм... Если хватило ума с Обновленским связаться, то такое не мудрено. Или это олигарх играет свою игру? Теплее. Поживем – увидим, а на нет – и суда нет.

Степан Ильич продолжал напряженно слушать.

– Я обговорил предварительные условия КРОНЭКС-банка с Купчеевым. Хитрит. Да, те, что я вам передал. Думаю, ваше предложение придется ему по душе. Только, если вам интересно мое мнение... Этот губернатор весьма ограниченный человек, к тому же – махровый антисемит... Да... В КРОНЭКС-банке все еще полагают, что... Хорошо, Владлен Ефимович. До свидания.

Довольный собой и жизнью Савчук опустил в прохладу кондиционированного салона, и автомобиль помчался прочь из города.

В машине Панкратова прозвучал зуммер спецсвязи.

– Первый слушает, – отозвался он.

– Докладывает Второй. Блондинчика обставили.

– Давно?

– После встречи с губернатором.

– Насколько плотно?

– Да внаглую: не понять, представительская охрана или – наоборот. Две машины. Возможно, есть еще несколько – это их город.

Панкратов задумался: да, это могли быть и люди губернатора, не так он прост, вернее, совсем не прост... А мог и милейший Владлен Ефимович Обновленский подстраховаться: слишком большие ставки на кону. Нет, все же Блондинчик каков! Вышел на контакт с олигархом настолько втихую, что...

– Второй, вы не спалились?

– Пока нет. Ведь мы не предпринимали активных действий.

– Сможете сопровождать объект?

– Так точно.

– А не засветиться перед чужой наружкой?

– Если мы их срисовали, то и они нас прояснят непременно. Но какое-то время – сможем.

– Постарайтесь это время продлить.

– Есть.

– Конец связи.

– Конец связи.

Панкратов задумался. Поднял трубку с тяжелого ящика, кодировавшего переговоры:

- Панкратов вызывает Филина.
- Слушаю, Степан Ильич.
- Контакт с губернатором у Блондинчика прошел.
- Да? И как твое мнение?
- Честно или откровенно?
- Лучше – как на духу.
- Геннадий Валентинович, где вы разыскали этого долбаного урода?
- Савчука?
- Я по наивности полагал, природа подобных дураков больше не производит.
- Природа и не на такое способна, – хмыкнул Филин. Добавил: – А вообще ты прав, Степан Ильич, пришлось попотеть. Я его полтора года обкатывал, пока в правление КРОНЭКСа ввел. Встреча прошла на «ять»?
- Купчеев переиграл нашего дитятю на все сто. Во-первых, залепил молодому человеку голимую чернуху...
- Степан Ильич, а без жаргона...
- Никак не получится – в этом суть явления. Выставил себя «черной сотней», «памятником», баркашевцем и ярилопоклонником в одном лице! Заставил оправдываться на предмет чистоты кровей... Мои слухачи обтекали от хохота, а наш банкирчик сожрал все без соли, кетчупа и пыли – за чистую монету.
- Тебя что-то беспокоит?
- Не слишком ли?.. Я совсем не уверен, поверил ли Купчеев. Мужчина он очень серьезный.
- А никто его за пацана и не держит. Но пока – плевать, поверил не поверил! Главное – забеспокоился!
- Это так.
- Вот и славно. А мы усилим беспокойство. У вас все готово?
- Да... – Панкратов помедлил немного, но все же решился: как знать, может быть, никакого разговора с Обновленским у Савчука и не было и все, что он слышал, просто «проверка на вшивость» Филиным его, Панкратова? С этой совы станется... – У нас возникла проблема.
- Слушаю.
- Банкирчик только что переговорил по прямому с Обновленским.
- Вот как! А ты говоришь – дурак... Ласковый телок двух мамок сосет. Ты прозевал контакт?
- Виноват. Недоработка, – произнес Панкратов.
- Ну? Что ты замолчал? Что-то еще?
- Да. Банкирчика плотно и демонстративно обставили после контакта с губернатором.
- Кто?
- Возможно, люди самого Купчеева, возможно, господин Обновленский решил перестраховаться... Мог и любой из местных спецов из ФСБ или РУБОПа: на кого кто здесь работает, мы пока не знаем...
- Но по ходу пьесы узнаем...
- Да. Тогда уже не скроешь.
- Что предлагаешь?
- Может быть, стоит поиграться с господином Обновленским?
- Используя втемную Савчука?
- Да.
- Филин не ответил. Молчание продолжалось секунд тридцать. Наконец в трубке прозвучало:

– Нет. Перемудрим. Обновленский не та фигура, с которой можно будет долго играть втемную. Да и местные бароны – тоже не подарок. Сейчас главное – завершить «Тихий омут» по схеме. Чьи бы это люди ни были, больше огня – больше и дыма. А за дымовой завесой куличики выпекать – одно удовольствие. – Филин замолчал, добавил: – Подтверждаю штатный вариант.

– Есть.

Панкратов дал отбой, связался с группой наблюдения:

– Первый вызывает Второго.

– Второй слушает Первого.

– Штатный вариант.

– Есть штатный вариант. Когда?

– Сейчас.

«Мерседес» с банкиром вели жестко, в три машины. Когда Илья Иванович Купчеев позвонил Дмитрию Олеговичу Алентову, в недавнем прошлом не самому крутому, но и не последнему оперативнику Покровского управления ФСК, а ныне – пенсионеру и директору частной охранной фирмы, работающей исключительно на интересы губернатора, то выразился просто:

– Сядь ему на хвост и не слезай! Внаглую! Пусть этот байстрюк долбаный палево на своей заднице почувствует! Проводи так до Москвы, а твои ребята пусть раскладку мне на него приготовят: с кем из одного корытца лакает, а с кем – в один горшок ходит! Понял?!

Дмитрий Алентов понял. Поэтому сейчас они шли на «БМВ» в пятидесяти метрах от банковского «мерса». Увязавшемуся позади «жигуленку», по странному совпадению не отстававшему от заморского чуда автотехники, Алентов, за громадьем планов и масштабностью задач, не уделил должного внимания. Ему было чем заняться: его «БМВ» и два джипа попеременно шу-гали и прессовали банковский «мерседес», который размеренно пылил по шоссе, похожий на иноходца в окружении паленых волков.

– Ну-ка, прибавь! – приказал Алентов водителю, и «БМВ» начал тихонечко, но неотвратимо нагонять «мерседес», в то время как один из джипов перестроился назад, а другой – рванул вперед. Хотя «охота на банкира», вернее, его травля была и показательной, ненастоящей, все «загонщики» увлеклись не на шутку: азарт есть азарт.

– Может, прижать чуток? – оскалился водитель. – К обочине?

– Нет. Подойди вплотную, светом поиграй...

– Да у «мерсова» водилы, поди, итак нервы не железные.

– А мне нужно, чтобы его шеф кипятком писал, понял? Прибавь!

– Щас...

До «мерса» оставалось метров десять. Что произошло дальше, Алентов не успел ни понять, ни уразуметь: шедший впереди автомобиль подняло в воздух, чуть накренило и – будто упругий огненный шар расцвел, разбух, корежа металл, раздирая его в клочья...

Алентов метнул безумный взгляд водителю, тот вдавил педаль тормоза, машину развернуло и поволокло в метавшуюся впереди огненную плазму. Грохнул второй взрыв – рванул бензобак «БМВ», и останки автомобилей сверглись под откос, не оставляя ничего живого в месиве из огня, земли и покореженного металла.

«Жигуленок» мирно прижался к обочине метрах в тридцати от места катастрофы. Водитель, малорослый, средних лет мужичок вместе с пассажиром не поленились выйти и поспешить к невысокому откосу, с которого свалились объятые пламенем «мерседес» и «бээм-вэшка». Мчавшиеся по шоссе с двух сторон вереницы машин тоже останавливались одна за другой, водители подходили посмотреть на то, что осталось от двух шикарных автомобилей и пятерых мужчин.

Но люди из «жигуленка», похоже, особым любопытством не страдали. Убедившись, что в живых никого не осталось, спокойно удалились к своему автомобилю, разместились в салоне; «жигуленок» лихо развернулся и пошел обратно, в сторону города, на самой благонамеренной скорости. Пассажир поднес к губам рацию и коротко произнес:

– Второй – Первому. Ваш товар упакован полностью.

Глава 9

Слава Богу, нам не дано знать, прожили ли мы большую половину жизни, но как часто все мы уверены, что уже прожили лучшую ее часть!

Лето – не самое благоприятное время для умствований, рефлексии и прочей перетряски скопившегося душевного хлама; летом обычно тянет на приключения; беспутные и бездумные дни летят хороводом, длинные, как детство, и теплые, как слезы... И только когда разом упадет хрупкая изморозь, когда полетят прозрачные сети паутинок над нежно-зеленой стрелчатой озимью, когда бабье лето засветится бледно-голубым далеким небом сквозь вытянувшиеся деревца, когда холодные нити дождей заструятся с оловянного казенного неба, когда еще вчера блиставшие золотом листья разом превратятся в линялые бесцветные тряпки – станет понятно, что лето кончилось и его не будет уже никогда, по крайней мере, такого... И все, что пряталось в тайниках и дальних закоулках души, вдруг проступает самой что ни на есть явью, и мы снова и снова переживаем несбывшееся и мечтаем о том, чего никогда не случится, но оттого это «будущее грез» не становится менее манящим или желанным...

Есть люди, которым на роду написано быть богатыми. Богатство для них так же естественно, как воздух. Есть люди-устрицы: на мир они смотрят из рябой скор-лупки собственных представлений, водрузив на нос очки в невероятное количество диоптрий, а потому тумут, что произрастает вокруг и гнездится в их собственных душах, принимают за жизнь. Да и то до поры, пока какой-нибудь шустрый хищник не скушает их под белое винцо... Хотя... Такими можно и поперхнуться.

Впрочем, недавно я совершил открытие. Небольшое, но, как всегда, гениальное. Спроси любого, что он доброго сделал за день? Мало кто ответит внятно. Чаще вздыхают: летят годы... Двадцать лет упорхнуло, как не было... А если прикинуть на калькуляторе, оказывается, двадцать лет – это всего лишь семь тысяч триста пять дней. С копейками. Лермонтов не прожил и десяти тысяч дней. Пушкин – тринадцать с половиной тысяч. Могут возразить: не все Пушкины, нужно и просто пожить... Ну да, а потом – просто помереть. Жизнь не в жизнь, так, словно приснилось что-то не очень приятное... Так что ежели в днях – получается совсем немного. Но... На калькуляторах люди считают не дни, а деньги. В этом и состоит вся трагедия мира.

Ну а зачем я, Олег Дронов, появился тридцать с изрядным гаком лет тому назад на белый свет и болтаюсь по странам и весям, как сапог в проруби, – сие «тайна великая есть». В смысле – покрытая мраком. По крайней мере, для меня самого. Как одни люди магнитом притягивают к себе деньги, я притягиваю к себе неприятности. Даже в таком тихом, как омут, и неторопливом, как сахарский верблюд, губернском городке, как Покровск.

Кой леший толкнул меня под руку, под ногу и под все другие места выползти из съемной квартирки на Божий свет именно сегодня, повернуть именно на улицу Константиновых и зависнуть в подвальчике с сомнительной репутацией и скромным названием «Встреча», я не знаю. Видно, почудилось бородатому озорнику, что зачах я плесенью в крайние две недели и ежели не встряхнуть меня как следует, то порасту паутиной, прикинусь ветошью и стану как многие: жующе-жвачным и тихо-склочным.

И не мудрено. На съемной квартирке я засиделся. К тому же меня еженощно мучили кошмары: я искал квартиру. Лестницы, переходы, темные улицы, а я слонялся и слонялся между ними, без цели и без смысла. И просыпался измочаленным настолько, что впору было взвыть. По утрам, вместо того чтобы, как и положено физкультурнику, проделывать комплекс полезных для органа упражнений или топтать трусцой от инфаркта, я таращился зачумленно в окно и мозги первую минуту после пробуждения посещала лишь одна паническая мысль: «Иде я нахожуся?!»

Да еще и пейзажик за окном... Крашенная рыжей краской крыша макаронного цеха, кое-как местами залатанная на скорую руку уже прихваченной ржавчиной жестью. В губернском Покровске это предприятие, как и все прочие, было прежде чистой «оборонкой»: производимые им макаронные изделия класса «спагетти советико» употребить можно было только солдату-пер-вогодку срочной службы, да и то лишь по приказу. Причем лучше в сухом виде: невзирая на то, что макароны трещали под крепкими солдатскими зубами, как выламываемые из забора жерди, отваренные, они напоминали черноморскую медузу балыковского возраста, и даже угроза дисбата не помогала протолкнуть эту трясущуюся скользкую массу в глотку... А теперь на радость всем цех выпекает булочки и плюшки, пончики и пирожки, стараясь превратить жизнь сограждан в чистый если и не мед, то сахар. Над рыжею крышей вьется горячий ванильно-сладкий дымок, превращая стоящие поодаль девятиэтажки в подобие средневековых башен, а сам этот провинциальный расейский град – в жаркий пустынный мираж.

В этом сладком мираже я и припухаю собственной персоной третью неделю: очень умный и почти ученый. А также – скромный, русский, беспартийный. Вся биография, особенно первая ее часть, если писать лаконично и разборчиво, уместится на четвертушке школьной промокашки. «Жил я славно в первой трети двадцать лет на белом свете по учению...» Даже и не двадцать, а все тридцать с небольшим. А вот далее чистая допрежь, аки шкалик «Столичной», объективка: не был, не привлекался, не состоял, не участвовал – мутнеет: и был, и участвовал, и привлекался. Судьбоносные перемещения в российской политической и экономической элитах накрыли меня, как цунами эсминца «Стремительный»; из передраг, в которых очень богатые бодались с очень-очень богатыми, выскочил, прикинувшись прогулочным яликом на Патриарших прудах.

Определившись с бодуном и «привязавшись к местности», на время успокаивался; и тут голову посещала следующая по порядку, но не по значению, мысль: «Как я здесь оказался?» При этой второй мысли мне становилось горько и грустно; выходил, брал пару пузырей чего покрепче и зависал в ближайшей к дому забегаловке с каким-нибудь алканом: поболтать за жизнь. Ибо «воспоминания и размышления» здорового оптимизма с собой не превносили и меня, как индивида, к этой самой жизни особенно не привязывали. Три недели я вел себя размеренно, несуетливо и бездумно, как тупой механический «полароид»: жил настоящим, не желая ни вспоминать прошлое, ни надеяться на будущее.

Но этот день начался необычно. Вместо того чтобы свернуть в безымянную забегаловку направо, где меня уже уважали, я пошел налево, движимый вполне здоровой мыслью: снять затаившуюся алкогольную интоксикацию литром молока. Ну и происками того самого лучшего, видно командированного из чащоб и буреломов как раз по мою душу.

Промчавшиеся мимо милицейские авто с мигалками и следом – зарешеченная машина ОМОНа не произвели на меня, как на добропорядочного индивида, особого впечатления. Хотя именно в эти часы один столичный райотдел на уши становится, чтобы меня разыскать! Припухший и небритый, я выглядел вполне здешним. И паспорт, правда сложенный вдвое, покоился в заднем кармане джинсов. Но предъявлять его никому не хотелось. Впрочем, чего бояться человеку в родной стране, в тихой провинции, если он не лицо кавказской национальности? Нильских крокодилов? Так нет в Покровске никаких крокодилов. Потому что их дворники раз-гоняют. Но, как выяснилось, насчет полного разгона упомянутых рептилий я поторопился.

В ближайшем гастрономе уперся в очередь. За прилавком громоздилось несуетливое создание лет сорока с изрядным гаком, на монументальном корпусе коего неловко прилеплась маленькая головка, украшенная перманентом, сквозь который просвечивала лоснящаяся от жира кожа. Смотрела мадам на посетителей бессмысленным коровьим взглядом, неспешно колыхала безразмерными телесами и выдыхала отработанный кислород со свистом компрессора – стояла последняя августовская жара.

Нет, я был не прав, назвать эту мадам крокодилом – оскорбить рептилию: на самом деле аллигаторы быстры и агрессивны. Дама же тратила на каждого из очереди никак не менее десяти минут, словно решила в один присест здесь же, за прилавком, передумать всю оставшуюся жизнь. Чем я не понравился тугой телом и духом продавщице, не ведаю. Но чувство антипатии у нас возникло скорое и взаимное. Если бывает любовь с первого взгляда, у нее при моем появлении перед прилавком с первого же взгляда возникла идиосинкразия. Хотя я вовсе не виноват в ее несложившейся личной жизни.

Только я открыл было рот с целью справиться о пакете молока, дама плавно отплыла в недра подсобки. Ее не было десять минут... пятнадцать... двадцать... Нет, она появлялась, шествовала вдоль прилавков, как громадный белоснежный лайнер вдоль берегов с маявши-мися от собственной никчемности дикими аборигенами, и пропадала снова. А «берега» те, состоящие из страдавших от духоты и невнимания людей, раскалились почище сковородки. Очередь гудела. Мадам появилась снова. На недовольные замечания граждан, страждущих молокопродуктов, значимо огрызнулась:

– Товар я принимаю.

Очередь закипела. Понятно: дама была энергетическим вампиром – лучше дурная агрессивная энергия, чем никакой. И теперь вот купалась в волнах негативных эмоций, как упырь в крови. Ну а меня замкнуло. Я никогда не стою в очередях, мне в них физически плохо. И если теперь я уперся в прилавок, то только потому, что идти мне было просто-напросто некуда, не к кому и незачем. Когда тебе очень уж слегка за три-дцать, а тебя никто нигде не ждет, это плохо.

– Чего вам? – нарисовалась отогретая в эмоциональном накале возмущенных покупателей рептилия над прилавком.

– Пакет молока.

– И все?

– И все.

– Три семьдесят.

– Мне «Лианозовского».

– Его только привезли. Еще цены нет.

– Если вчера оно стоило шесть десять, то сегодня столько же.

– Это товаровед решает.

Спорить я не захотел. Бросил на прилавок четыре рублевые монетки:

– Давайте что есть.

– Находите без сдачи. У меня сдачи нет.

– Округляйте.

– Как же! Одному округлишь, другому...

– В свою пользу округляйте.

– А потом ты жаловаться пойдешь, да? Оно мне надо?.. Деньги разменяй, тогда получишь.

Я закрыл глаза и глубоко вздохнул два раза. Пульс был как при забеге стометровки. «Вампириша» качала из меня энергию, словно земснаряд – песочек. Пора спасаться бегством. Я развернулся и поспешил прочь от прилавка.

– Копейки свои забери! Ротшильд нашелся!

Она что-то добавила, но я дальше не слушал. Выскочил как ошпаренный из магазина. Сказать, что на свежий воздух, – это вряд ли. Солнце постепенно накаляло асфальт.

Мысль о том, что нет в мире совершенства, не грела, а где-то в глубине груди затаилась острая, как стилет, холодная тоска. Ну да... Сейчас все покупатели, получив продукт, разойдутся по домам, пожалуются домашним на хамство в магазине, на непомерные цены, на задержанную зарплату или пенсию... Погладят по голове внука или внучку, приложат руку к лобику – здоровы ли – и успокоятся: да, нет в мире совершенства; глупости и хамства в этой жизни

еще хватает, но не это главное, главное – дети и внуки здоровы, без хлеба не сидим, ну и слава Богу. Бывало хуже. Перемелется, мука будет.

Мне же рассуждать даже мысленно ни о чем не хотелось. Я повернул налево и довольно бессмысленно зашагал по занавешенной листвою деревьев улочке, пока не набрел на ту самую надпись: «Встреча». Название показалось обещающим, и я нырнул в полумрак заведения. Не получилось с молоком, с коньяком получится. Пусть не отменного качества, но получится.

Заведение было небольшим, замызганным, но отсутствие дневного света полностью компенсировало этот недостаток. Здесь было пустынно, прохладно и пахло скисшим вином. У стены за бокалом полынного вермута томилась совсем молоденькая девчушка да полусонный бармен уныло пилился на бесконечную перестрелку в третьесортном боевике по видеку.

Я подошел к стойке. Как ни странно, выбор напитков был вполне приличный, как и цены. Бывавшая здесь публика не терзалась категориями чистоты и блеска, но напитки предпочитала не просто крепкие, но престижные. Мне приглянулся джин.

– Хозяин, мужик с волынкой у тебя «свой»?

Бармен оторвался от видека, бросил на меня беглый взгляд: видимо, я не вписывался в категорию завсегдатаев, потому как он, снова вперившись в экран, ответил:

– А то...

– С можжевельной ягодкой?

– С ней, – выдавил он сквозь зубы, демонстрируя пренебрежительное раздражение. И уставился на меня тупым взглядом телка на первом выгоне: дескать, алканок, забрел ты сюда случаем, разуй глаза, рассмотри-ка цены. Ущучил? Ну и пыли себе клячей за портвешком, не отвлекаяй.

Впечатления я не производил никакого. Особенно «уважаемого». Изрядно ношенные джинсы, кроссовки, тенниска под легкой курточкой. Телосложение крепкое, но не бычье, никаких «голд», «гаек» и прочих «украшений для настоящих мужчин». Единственное, что роднило меня с крутыми мира сего, – небритая физиономия. Но без сопутствующего небритости лоска, будь то костюмчик от Босса или хотя бы камуфляж-комби от Минобороны, такой вид способен навести лишь на размышления о безвременных денежных затруднениях, равно как и моральных метаниях поросшего щетиной субъекта. И то правда: если с первым пока более менее сносно, то второе... «Я пью один, со мною друга нет...» И уже не будет. Никогда.

Устав меня рассматривать и прикинув, что по каким-то своим причинам уходить я не собираюсь и намерен опохмеляться всенепременно здесь джин-тонином, бармен выдавил:

– Плеснуть, что ли, грамм сто?

– Не-а. Чистый бокал, тоник, лед и шкалик джину, – произнес я и выложил на стойку денюжку.

– Может, поесть чего сготовить? – смягчился разом работник прилавка, рассмотрев бумажку.

– Может.

– Эскалопчики жарим отменные, свининка парная. С картошечкой. Как раз Настя только заступила, плиту разогревает.

– С эскалопчиками повременим, а бокал пусть будет чистый, ладно?

– Да Боже ж мой! Тогда орешков?

– Валяй.

Через минуту я уже сидел за дальним столиком. Бармен проявил уважение соответственно количеству оставленных ему щедрых чаевых: включил музыку.

Я открутил ненашенскому напитку «голову», налил джина в бокал со льдом, с удовольствием втянул аромат можжевельной ягоды, плеснул чисто символически тоника и сделал большой глоток. Еще один. Еще... «Я пью один, со мною друга нет...»

Хриплый, грустный голос из динамиков негромко напевал стихи:

Бродяга скромный и печальный
Слонялся городом нечаянным
И в перекрестье улиц шумных
Он был удачей для стрелка:
Ведь не бывает пуль случайных,
Для одинокого отчаянья
Нет ничего опасней умных,
Округлых сказок дурака.

Бродяга шел не озираясь,
Слепой судьбы не опасаясь,
Ни перед кем ни в чем не каясь —
У всех свой крест и свой насест.
Он заблудился в стылых лицах,
В глазах безжизненных, как блицы,
И наплевал на здешний принцип:
Кто не работает – не ест.

Но почему такой голодный
Вид у довольных и дородных?
И слепо бьется пес безродный
Среди чужих, спешащих ног...
И почему-то так тоскливы
Слезливых глаз собачьих сливы...
На что со скорбью молчаливой
Смотрел отвергнутый Ван-Гог?

День обветшалый на исходе.
Ласкает ветер непогоде.
Восьмая пуля на излете
За сердце тронула огнем.
И в перекрестье улиц шумных,
Жующе-склочных и бездумных,
Он видел море в бликах лунных
И маленький беленый дом...
Бродяга скромный и печальный¹.

Алкоголь ласково коснулся мозга, я прикрыл глаза, и передо мной, будто в калейдоскопе, закрутились картинки прошлого, дальнего и не очень... Стоит только закрыть глаза...

¹ ПЕСНЯ ПЕТРА КАТЕРИНИЧЕВА «БРОДЯГА».

Глава 10

Стоит только закрыть глаза, и я вижу, как по песку, удаляясь, идет девушка. На ней легкое платьице, ветер играет волосами... И цвет волос переменчив... Солнечные лучи словно перебирают пряди, делая их то светло-русыми, то золотистыми, то каштановыми... Девушка босиком, и я слышу шуршание песка под ее ступнями... Фигурка ее почти невесома в лучах, волны прибоя подбегают к ногам и ласкаются белыми курчавыми щенками...

Лека выросла. В ее новом, совсем взрослом мире места мне не нашлось. И она исчезла, растворилась на просторах великих американских равнин, будто мираж... Но теперь это не вызвало у меня ничего, кроме усталой грусти: невозможно любить мираж. Или... Или мы все, живущие на этой земле, любим лишь созданные нашим воображением миражи, фантомы?..

Мы встретились в таком просторе
в таком безмолвии небес,
что было чудом из чудес
пересечение траекторий...

Как бы ни было жалко, но... Двум редким птицам не усидеть в одной клетке, даже если она величиной с мир...

Мы с удивленьем вдруг открыли,
что птица птице не под стать:
стремительные наши крылья
в полете могут нам мешать...²

Кассета крутится, мелодия сменяет мелодию... За-крываю глаза...

...Я бегу по пустыне. Под ногами камни, красные, раскаленные испепеляющим солнцем. И еще – они отливают золотом. Чистым червонным золотом. А солнце неправдоподобно быстро поднимается в зенит, и вот уже все пространство вокруг сияет.

Эльдорадо... Золотая долина, устеленная тысячами стреляных латунных гильз... Золотая долина, превращающая плоть солдат удачи, этих старателей смерти, в чистое червонное золото, в чей-то яркий, порочный и недолговечный, как век мотылька, успех, в чью-то мирскую славу, в чье-то бесчестие...

Мир вокруг становится нестерпимо-белым, и весь его жар концентрируется на единственной чужеродной точке: на мне. Я падаю, раскаленная масса летит мне навстречу, и я успеваю понять, что, как только коснусь ее – мгновенно обращаюсь в пар, в пустоту, в ничто... Тяжкое удушьё сковывает мозг, и сил избежать падения уже нет...

– Вам нехорошо?

– Что?

Раскрываю слипшиеся веки. Ну да, я заснул, уронив голову на руки. Заснул в забегаловке, убаюканный хриплым баритоном неведомого певца.

Рядом с моим столиком стоит та самая девушка, что скромно наливалась красным вином в укромном уголке. Ее огромные серые глаза смотрят на меня встревоженно, а я – улыбаюсь. Как славно, что о тебе хоть кто-то тревожится, как славно, что эта девочка еще не разучилась тревожиться хоть за кого-то, кроме самой себя.

– Вам нехорошо? Вы стонали.

² Из песни Александра Дольского.

– Я уснул.

– Извините. – Девушка как-то сникла разом. – Я не хотела вас потревожить. Извините. – Она тихо повернулась и пошла туда, в сводчатые сумерки подвальчика, за свой пустынный столик, к зеленой бутылке, в которой еще оставалось вино.

Я же плеснул себе джина, тоником разбавил совсем уж символически, выпил. «Я пью один, со мною дру-га нет...»

Если радость на всех одна,
На всех и беда одна.
Море встает за волной волна
И за спиной спина.
Здесь, у самой кромки бортов,
Друга прикроет друг.
Друг всегда уступить готов
Место в шлюпке и круг³.

Путь к причалу... А где он теперь, этот причал? Снова закрываю глаза. И темные своды питейного подвала исчезают, вместо них – блеклое, распухшее от жары небо и серо-коричневые камни под ногами. Вокруг – горы...

...Я бегу вверх по тропе. На плечах – раненый Дима Крузенштерн. У него перебиты, посечены осколками обе ноги. Ступни замотаны на скорую руку, но кровь сочится: бинты местами совсем побурели. Схожу с тропы и аккуратно опускаю раненого на землю. Достая пластмассовую аптечку, из нее – шприц-стручок, укалываю в бедро прямо через штанину. Дима открывает глаза:

– Хорошо гуляем. Горы, свежий воздух...

А взгляд – мутный от боли.

– Потерпи, Круз...

Дима пытается улыбнуться потрескавшимися губами:

– Буду.

А через два часа я снова укладываю его между камней. Димино лицо серо от боли и пыли. Разрезаю бурые бинты. Вместо ступней – распухшее, в черных сгустках крошево. Плескаю на грязную рану оставшейся водкой из фляги, присыпаю антибиотиком из облатки, прикладываю марлю, затягиваю.

– Дрон, что там?.. – спрашивает очнувшийся Дима.

– Осколок, сволочь... – вру я, глядя в землю. – Потерпи, сейчас.

Открываю аптечку. Пусто. Обезболивающие кончились. Набираю шприц из ампулки с надписью «вода для инъекций». Укалываю в бедро:

– Ну вот, скоро полегче станет.

Димыч пытается улыбнуться сквозь намертво закусенную губу:

– Уже легче.

Подхватываю Круза на плечи, в глазах мутно от жары и усталости. Нужно бежать. Вперед и вверх. Только вперед и вверх. Иначе ничего не будет. Ни жары, ни усталости. Ничего.

– Держись, Димыч.

Зрачки у Круза расширены, он произносит едва слышно:

– Буду.

Я поднимаюсь вверх по тропе. Только вперед и вверх...

³ Песня из кинофильма «Путь к причалу».

...Открываю на мгновение глаза, опрокидываю в себя стаканчик джина и снова укладываю голову на руки. В мире воспоминаний ничего радостного, но в окружающем меня – хуже. В нем – вообще ничего.

«Я пью один, со мною друга нет...»

Меня наконец настигает видение, не отпускающее мою усталую память уже месяц, возвращающееся с монотонным постоянством работающего поршня и перемалывающее потихоньку волю к жизни...

...Дима, прихрамывая, идет к автомобилю. Улыбается беззаботно выглядывающим с балкона жене и дочкам, машет им рукой... Отворяет дверцу. Садится. Водитель запускает стартер. И тут... Автомобиль разбухает, начиненный огнем, и разваливается в пламени разрыва. Звук я почему-то никогда не слышу. Вижу лишь белые от ужаса глаза Тамары, закрывающей ладошками глаза Димкиным дочуркам... Нет, я не видел этого взрыва. Просто так я себе его представил.

Диму Крузенштерна убили больше месяца назад.

Я тогда сидел безвылазно в дальней деревеньке под Москвой и страдал от тупости и ничегонеделания... Дима там меня спрятал, как раньше спрятал в Штатах. Задача была проста, как апельсин: пересидеть какое-то время, пока московские мои приключения не забудутся «могучей кучкой» новых царевых шутов да окольных, пока не изгладится из оперативной памяти узкого круга ограниченных лиц моя скромная, как статуя вождя в горкомовском скверике, фигура... Мы оказались завязаны в очень скверную историю, связанную с вечной жестокой борьбой за русский престол. Который не терпит обязательств ни перед кем. Мы победили. Кто-то – проиграл. Этот «некто» потребовал компенсаций. Ему нужны были головы. Скромный утешительный приз проигравшему Большую Гонку за власть и золото. Вернее, один из ее этапов.

Финт удался: меня забыли. Тем более за очередным накатившим на страну громадьем судьбоносных планов сие было не мудрено. Благо велика Россия и делить ее не переделит.

После моего возвращения из Штатов мы и увиделись лишь однажды. По настоянию Круза дома я появляться не стал: снял в деревеньке в дальнем Подмоскovie недорого дачу, вернее, обычный деревенский дом. Развлечения я нашел себе соответственные: читал любимых Пушкина, Бунина, Гоголя и Хемингуэя и бегал кроссы по пересеченной местности, забираясь в совсем дальние чащобы, где можно было вдоволь пострелять. Был у меня старенький, надежный «макар»; патронов я запас гору и тренировался в стрельбе навскидку часами – с глушителем и без такового. Наверное, это был спорт. Под девизом: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд...» За три с лишним месяца я добился результатов, которые одобрил бы любой понимающий человек.

Туда, в эту деревеньку, и приехал однажды в конце лета Круз. Инкогнито – без охраны. Посидели в лесочке за костерком. Выпили водочки, поговорили. Если бы знать...

Вечер был прохладным.

– Чего такой смурной, Дрон? Красота-то вокруг какая!

– Угу, – вяло согласился я. – Речка течет, лес шумит. Согласно расценкам. Анекдот помнишь?

– Ну?

– Приезжает порученец от нового русского на Средиземноморское побережье. Снимает весь отель целиком на месяц. Идут с управляющим осматривать пляжик. «Знаете, босс любит, чтобы песочек был белый, маленький, песчинка к песчинке, по миллиметру каждая». – «Вы понимаете, здесь особый микроклимат, природный биоценоз...» Порученец открывает чемодан, достает пачку баксов, передает управляющему. Тот: «Сделаем». Порученец дальше: «А чтобы вон там гладкие валуны беспорядочно эдак громоздились, лучше – из фаросского гранита, с красным таким отливом. Идея вам понятна?» – И передает следующую пачку денег.

«Дизайнер постарается». – «Да, и что-то шумливо у вас. Волна прибоя должна биться о берег с ритмом семь-восемь наплывов в минуту. И ветер, пожалуйста, умеренно охлажденный, типа «бриз». – «Да как же мы...» Порученец передает еще несколько пачек. «Сделаем». – «Ну вот. Да, и еще... Боссу нравится, чтобы вон там вот, у горизонта, три чаечки парили, лениво так, сонно...» Администратор, уже без споров, принимает очередную пачку баксов.

Через неделю новый русский приезжает в отель, выходит прогуляться на пляж, устраивается в шезлонге, перебирает пальцами сыпучий песок, любуется на гру-бовато-дикое нагромождение гранитных валунов чуть вдалеке, слушает размеренный шелест волн, подставляя лицо прохладному бризу... А там, у горизонта, парят три чайки... Новый русский шуруется блаженно, вздыхает, произносит: «Да-а-а... Такую красоту за деньги не купишь».

Дима Крузенштерн улыбнулся невесело, спросил:

– И к чему ты?.. Сейчас мы сидим вполне как «старые русские». Ни охраны, ни омаров.

– Да брось, Дим. Тебе не надоело жить «за забором»? Охрана, закрытые заведения, закрытые встречи... Чтобы нам вот так вот запросто за шашлычком с водочкой посидеть, проводишь целую операцию по «скрытному проникновению на объект». Да и я тут... Как шпион-подпольщик. Это в родном-то Подмосковье. «А в Подмосковье ловятся леши, водятся грибы, ягоды, цветы...» Дим, это и есть теперь «новое русское счастье» – жить в родной стране «за колючкой»?

Круз внимательно посмотрел на меня, сказал серьезно:

– Что делать, Олег. Мы играем на деньги. Это очень большие деньги. Очень. Да и... Если бы только деньги... Ты ведь и сам понимаешь.

Глава 11

- Понимаю. Тем более – сколько мне здесь сидеть?
- Тебя необходимо поберечь.
- Куда уж больше. Шизею.
- Что так?
- От безделья.
- Может, тебя на курорт отправить?
- Не-а.
- Дронов... А если бы я попросил тебя пошизеть еще маленько, а? Ты как?
- Можно. А зачем?
- «Отмыться».
- Во-первых, черного кобеля... ну, дальше ты знаешь. А в-десятых, был бы «заляпан», уже давно бы отпели.
- У нас на тебя виды. Нужно, чтобы был чистеньким, как ангелочек.
- Да я в Штатах уже «отмылся» до костей! Даже хотел было на работу пристроиться.
- По специальности?
- В супермаркет. Сторожем.
- Сильно ты там нужен...
- Вот и я так подумал. Круз, я ничего не делаю.
- Тебя ведь не это на самом деле беспокоит.
- Не-а. Не это.
- Во-о-от. Жениться тебе надо.
- Ага.
- Домом обзавестись.
- Большим. С бассейном.
- Ну, на бассейн у тебя не хватит, а вообще-то со временем...
- Сильно ты умный.
- А то... Банкир должен быть психологом.
- Или – психиатром.
- Или так.
- Пока ты будешь психологические изыски строить, я как раз и стану натуральным психом. Так чего еще мне нужно поиметь со временем?
- Дрон, не заводись.
- Со временем... Над временем невластен никто, даже банк. А оно убегает. Как вода сквозь пальцы.
- Олег... Я же сказал: мы имеем на тебя виды.
- Хм... Звучит заманчиво. Как предложение руки и сердца.
- Ты хоть как-то за прессой следишь?
- Символически. Эпизодически. В дачный сезон это неактуально. Совсем.
- А что актуально?
- Две недели подряд, пока дождички полоскали, – народ по грибочки подавался. А сейчас – не знаю. Загадка русской души.
- Мы расплескали еще грамм по пятьдесят, выпили.
- Круз, историю хочешь? – спросил я.
- Мировую?
- Да нет, из жизни.
- Валяй.

- Еду я как-то в электричке...
- Куда это ты ездил?
- На садовый участок.
- Решил обзавестись недвижимостью?
- Не-а. Помогал семье Васнецовых крестьянствовать. По-соседски.
- Сложно мне это представить...
- Что помогаю?
- Что с соседями общаешься.
- Это они со мной.
- А-а-а...
- У них девица на выданье.
- Велика ли девица?
- Сорока пяти еще нет.
- Ну... Тогда...
- А дочке ейной – все восемнадцать.
- Так тебя за кого садоводы сватают – за маму или за дочку?
- Пока не разобрался. Да и они, видно, еще не решили.
- Когда решат, сообщишь?
- Дима Иваныч, прекрати сбивать с сути вопроса. Я тебе историю рассказываю.
- Вот, значит, как.
- Ну.
- Весь внимание.
- Проезжаем какой-то городишко районный. Задками, понятное дело. Чтобы тебе легче представить – что-то вроде Наро-Фоминска, но поободраннее.
- Считай, что представил.
- Знаешь, сталкеровский такой сюжет. Пути. Брошенные цистерны. Свалка неизвестно чего. Какие-то шалаши из дерьма и жести – бомжатник. Пестрые ленты по ветру – кто их развесил, зачем, неведомо. Торцевые красные кирпичные стены каких-то жилищ. Край огорода – на нем ничего не может расти; посередине – лужа солярки. Слепой домик врос в землю по самые окна, ставня отодрана с мясом, но со двора дымок вьется, живут там. Смотрю на все это и произношу произвольно вслух: «Странный город».
- Девчушка там играла на соседней лавке, маленькая совсем, лет шести. С куклой. Рас-слышала мое замечание, глянула за окно, махнула рукой совсем по-женски, как ее мама или бабушка сделала бы с приговором: «Чего от них ждатель», и произнесла: «А, поломанный он». Ты понял, Круз?
- Чего ж тут не понять...
- По-ло-ман-ный! словно жестокие дети порезвились. Как с игрушкой. С чужой игрушкой! А нам теперь можно или починить, или выбросить! Поломанный город. Поломанная страна.
- Дронов... Может, тебе действительно...
- Может. Это я на «измену подсел». В хорошем смысле этого слова. Пройдет. Вместе с жизнью. Знаешь, зачем я тебе это рассказал?
- Воспитываешь.
- Ну. А то вы, банкиры, далеки от народа, как декабристы в декабре. Кстати, выросло поколение, которое не знает ни кто такие декабристы, ни кто такие октябристы. Октябрят с пионерами тоже не знает⁴.

⁴ Д е к а б р и с т ы – офицеры-заговорщики, устроившие 14 декабря 1825 года попытку захвата власти и выведшие подчиненные им войска на Сенатскую площадь в Санкт-Петербурге. О к т я б р и с т ы, или «Союз 19 октября», – партия крупной

– Узнают, кому нужно.

– Понимаешь, Круз... Я растерялся. Столько времени в Штатах просидел, чувствовал себя как на Луне. Думаю, прикандываю домой, полегче станет. Фигушки. Здесь я – как на Марсе. Ни хрена не понимаю. Что-то с головой.

– У тебя?

– Да окосел я сидеть уже в этой тмутаракани и изображать, что такой же, как все! И так уже, как рыба камбала, слился с местностью, вывернул глазенки на один бок и тупо лупаю ими в верхние слои: я не я и хата не моя. Как известно, камбалу акула хватается не глядя, да и смысла глядеть нет: ее действительно нельзя заметить, но... Когда грозная акуля тень движется по дну, камбала боится, трусит смертельно, и эти самые флюиды страха, будто волны, расходятся вокруг; их каким-то восьмым чувством улавливает хищница и хватается застывшую от ужаса рыбешку с хрустом и вкусом. Поперек хребта.

Одним махом я накатил лафитник водки, разжевал кусочек ветчины, выдохнул:

– Бояться мне здесь некого и незачем. Но от такой насыщенной жизни и помереть недолго, а?

– Дрон, прекрати! – возмутился Круз. – Работой мы тебя пока не загружаем намеренно, нам осенью понадобится твоя голова, максимально свежая. Но раз ты так исстрадался... Хорошо. Придумаю я тебе трудотерапию. Разберись покамест с Покровском. И тебе занятие, и нам не без пользы: есть у нас там свой пиковый интерес.

– Покровск?

– Да.

– Что там? Опытный завод? Объединение «Ураган»? «Точприбор»?

– Ну вот, а говоришь, буквы забыл, газет не читаешь.

– Завод электрооборудования тоже?

– Этот группа Раковского уже к клешням прибрала, плетью обуха не перешибить.

– А попытаться?

– Верным путем идет ход ваших мыслей, товарищ!

– А то... – пожимаю плечами.

– Компьютер у тебя с собой?

– Обязательно. Ржавеет в груди тряпья.

– Через пару дней подошлю тебе материал. На лазерных дисках.

– Иваныч, раз такое дело, мне бы самому по городку побродить, местную прессу почитать, на рынке потолкаться...

– Там есть кому толкаться. Ты у нас думный боярин. Вот и думай.

– Круз, я не боярин, я пролетарий умственного труда. Мне доставляет удовольствие сам процесс. К тому же... Никакие «ноги» и никакой чужой подбор не заменят такой штуки, как интуиция. Может, я за какое объявление на заборе зацеплюсь и...

– Раскроешь антинародный план «First Boston Group» по превращению Покровска в Клинтонград?

– Может, и не так круто, но...

– А что там у нас с карасиками?

Карасиков я самолично натаскал из пруда на хлебный мякиш ранним утречком, а по приезде Димы, после отведывания столичных изысков и поедания обязательного шашлыка, рыбку мы закопали в остывающие угли.

– Должно быть, готово.

русской буржуазии, образованная после Высочайшего Манифеста Николая II. О к т я б р я т а – детская организация «вну-
чат Ильича»; в нее входили школьники с первого по третий класс. П и о н е р ы – детская организация, созданная наподобие
скаутской, но основанная на коммунистической идеологии.

– Ну и славно. А под карасиков «Померанцевой», ага?

– Расчехляй.

Дима Крузенштерн уехал рано утром. Вяло помахав ему ручкой, я завалился дрыхнуть дальше.

Через два дня никто ни от Димы, ни из «Континенталья» не приехал. Прошло еще три дня. И в передаче про распоясавшийся криминал дикторша, равнодушно глядя красивыми коровьими глазами в камеру, сообщила, что преступность в очередной раз обнаглела и скоро примут меры...

Диму Крузенштерна взорвали в машине у подъезда дома, на глазах Тамары и детей.

«Я пью один, со мною друга нет...» Когда уходит близкий человек, чувство потери возместить нельзя ничем. И вспоминаешь, что мы так и не поговорили о самом важном в этом мире. Зато мы умели об этом помолчать. «Если радость на всех одна, на всех и беда одна...»

В Москву я сорвался в ту же ночь, электричкой.

Часть вторая

Дым отечества

Глава 12

Киевский вокзал встретил обычной здесь, несмотря на время суток, суетой и бдительной милицией. Документы у меня спросил первый же патруль. Благо паспорт у меня был при себе, я и предъявил его рьяно, но спокойно. Сержант долго сличал фото на документе с «подлинником» и, видимо, остался недоволен последним. Хорошо хоть, «макаров», не значившийся ни в одном реестре, я оставил завернутым в масляную тряпочку под гнилой дощечкой на веранде. Статью бы, пожалуй, не навесили, а вот на пару суток приземлили бы точно.

– Откуда следуете? – спросил сержант.

– С дачи.

Еще раз оглядев мою небритую физиономию, сержант козырнул и удалился вместе с напарником.

Встреча с блюстителями меня отрезвила, хотя я и не пил накануне: куда я двинул в ночь, зачем? Тем более место происшествия «остыло», да и я не опер, чтобы собирать в полиэтиленовые пакетики важнецкие улики. Надо думать, вся служба безопасности «Континенталья» кинута на такую суровую «заказуху»...

Но тем и отличается моя дурная бестолковка от прочих умных, что, когда нужно действовать, я действую. А думаю по ходу. Или не думаю вообще. Как там в популярной передаче? «Бывают дни, когда ты тупой и безмозглый... Когда все против тебя, а ты за мир!» Именно в такие дни логическое мышление, которое в простонародье по какому-то недоразумению называется умом, у меня отключается вовсе. И я начинаю интуичить.

Единственное, что я сделал после встречи с неприветливой милицией, – так это обзрел свою физиономию в зеркале витрины. Служивый был прав: такого субъекта нужно задерживать и лучше потом уже не отпускать – глаза дикие, блестят, словно индивид кушал коноплю расписными хохломскими ложками, да еще и пересыпал героином, аки сахарной пудрой!

И я принял мудрое, по-мужски логичное решение: поехать домой и переодеться. А с раннего ранья навестить по всей форме руководство «Континенталья», подключиться к команде, поработать извилинами, вычислить не только киллера, но и заказчика и примерно наказать обоих. Ибо, как нас учит Федор Михайлович, наказание должно следовать за преступлением с неотвратимостью падающей гильотины, иначе... Иначе мы получаем то, что имеем.

То, что для банка найти и киллера, и заказчика не просто жизненно необходимо, но дело чести, я почему-то не сомневался. Да и один в Москве – не воин, если, конечно, он не мэр Лужков или не Георгий Победоносец.

Случайный мотор доставил меня к Юго-Западу; квартал до дому я не доехал: привычка. Подошел к родному небоскребу, в коем не бывал черт-те сколько времени, и потому в хату не поспешил: если когда-то и после недолгого моего отсутствия ее успели выставить ленивые лохи, то после длительного, в свете новых реалий, ее могли навестить люди вполне квалифицированные и поставить на меня если не капкан, так силки. Поймать Додо? Как писал классик, Птица-Говорун была умна и сообразительна, но всех Говорунов истребили. Ну что ж... Когда ты числишься без вести живым, да еще и в единственном экземпляре, это обязывает.

Перед входом в подъезд пришлось помаячить: бдительные жильцы от бомжей, вроде меня, обзавелись шифровой защелкой. Чуть-чуть повозившись, я и вскрыл оную с помощью перочинного ножа и ежовой матери.

Лифт по поздне-раннему времени не работал, и я потащился на искомый седьмой этаж на своих двоих. Ступал мягко, ибо кроссовки всегда предпочитаю модным ныне «лягушиным лапкам» – ботинкам с широкими носами, сильно модельным, а потому негнущимся в принципе. На этаже было тихо. Массивная бронированная дверь отделяла меня от родимого обиталища, в коем я не был столько, что и домом его назвать сложно.

Всякие приамбаласы для предотвращения проникновения в квартирку нежелательного уголовного и прочего элемента ставил в свое время лично Дима Крузенштерн, но я помню и наставление другого моего друга, Саши Регента: на всякий замок найдется свой взломщик. Поэтому вынул из кармашка миниатюрный приборчик и просканировал поверхность бронированного чуда техники – береженого Бог бережет. Нет, никакого заряда мне к двери, похоже, не приспособили. Осталось выяснить малую малость: не ожидает ли меня в тиши жилища «мой черный человек»? Уютно расположившийся в дареном кресле-качалке и ожидающий «на номере» редкую птичку по прозванию Додо?

Мнительный я стал, прямо как Сидор Лютый! Вопрос «что делать?» мучит меня ничуть не меньше, чем всю страну в последние полтора столетия!

Позвонить в дверь и открывшему в четвертом часу ночи громиле радостно объявить голосом почтальона Печкина: «Вам телеграмма от вашего мальчика»? Глупо. Но не глупее, чем в нерешительности топтаться перед дверью собственного жилья. Предчувствие? Или усталость? Да пошли они все! Вынимаю ключ и вставляю в замок. Мне стало безразлично, есть ли кто за дверью. Вернее... Присутствие живого существа, будь то человек или кошка, нельзя не почувствовать. Мое восьмое чувство молчит, как рыба об лед. Откуда тогда такое беспокойство?..

Отмыкаю замок, отворяю дверь: тихо. И мирно. Самое противное, что еще и чисто. Как в морге. Кто тут мог прибраться в мое отсутствие? Нет, как и положено, я оставил ключи соседям Сенкевичам: кошки у меня нет, маргариток с фиалками на подоконниках – тоже, но... Так принято: ежели труба протечет или еще что. Но с какой стати им у меня прибираться?

Впрочем, мог заходить и Дима Крузенштерн. У него ключ был. И все же, поднося руку к выключателю, невольно затаил дыхание и зажмурился. Зачем, спрашивается? Если уж рванет, то ощутить я это не успею. Как говаривал кто-то из древних, смерти бояться глупо: пока ты жив, ее нет, а когда она приходит, нет уже тебя. Ну что ж, бодрит... Этот древний умник не жил в судьбоносное время в судьбообразующей стране, а то не так запел бы!

Свет зажегся, ничего не рвануло, и не сказать, что я испытал большое разочарование. Как правило, в шпионских фильмах герой, проверяя «чистоту» помещения, внимательно осматривает сдвинутые или не так лежащие вещи, слои пыли, ну и тому подобную дребедень. На самом деле человек, вовлеченный в тайную войну, либо изначально допускает, просчитывает возможность контроля и действует соответственно, либо такой возможности не допускает. Потому что профи обысков не оставляют никаких следов, равно как профи убийств – никаких шансов выжить. Надеюсь, последний случай пока не мой.

В квартире действительно чисто. В самом общечеловеческом понимании этого слова. Натертый паркет блестит – ни пылинки, – естественно, там, где его не покрывают персидские ковры: подарок Крузенштерна ко дню Рыжего Джокера. Но возможность контроля я допускаю.

Прохожу в кухню. С опаской отворяю холодильник. Ну да, было чего бояться! Набор продуктов под девизом «Брежнев на охоте». Такому позавидовал бы сам автор Продовольственной программы СССР. А чего я, собственно, дергаюсь? Возможно, Дима переменял решение и, вместо того чтобы подвозить материалы о Покровске в глухую деревню, затеял, наоборот, вытащить меня в Москву и, чтобы покинутая с год назад квартирка не пугала запустелостью, велел прибраться и наполнить холодильник продуктами. Материалы о Покровске... Что за материалы? Нужно будет запросить все в «Континентале» завтра. А пока... Раз ничего лучшего не предстоит, устроим поздний ужин. Или – ранний завтрак. И то и другое – с крабовым

салатом, «Оливье», грибочками с лучком. Все яства приготовлены заботливой женской рукой. И пропустим рюмку-другую «Посольской». Для куражу. Одно жалко: что сия рукодельница, умница и, надо полагать, красавица не дождалась индивида, для которого приготовила столь отменный ночной стол.

Но отчего беспокойство?! Черт! Хватит дергаться! Если бы меня решили убрать, то сделали бы это безо всяких фокусов и выкрутасов! Или... Или меня все-таки ведут? Никакой слежки от Киевского я не заметил, но то, что ее не было, – не факт. Тогда... ждали у дома? И ждут сейчас? Контролируют квартирку с помощью аудиовидео-аппаратуры, которую не может прищучить мой простенький сканер? Возможно. Не могу я отместить свое вроде бы «беспричинное» беспокойство как блажь, не могу, и все! Ну что ж, тогда буду вести себя адекватно. Так сказать, до выяснения. Наливаю в пузатую рюмку ледяной водки, опрокидываю единым духом, маринованный грибочек на вилочку и – следом. Хорошо? Хорошо. А-де-кват-но.

Какая к шутам адекватность?! У меня, крутого умного мужика, убили друга, а я сижу и закусываю «Посольскую» водочку крабовым салатом, притом отменно приготовленным! А что я должен делать? Нестись к мэрии с плакатом и протестовать против распоясавшейся преступности? Изыскивать домашний телефон месяц назад вступившего в должность нового президента «Континенталя» Лаврентия Игнатьевича Шекало (ну и фамилья! То, что в школе Шакалом кликали – двадцать слонов против одного таракана!) и призвать его самолично рыть носом землю? Лазить с фонариком и лупой на месте совершения? Прикидывать ихний хрен к собственному носу?

Да! Я просто не верю в гибель Димы Крузенштерна. Не верю, и все! Первое, о чем я подумал, когда узнал о взрыве: сложная это штука, борьба за власть! Особенно если это власть над капиталами с таким количеством нулей после единички, что сама единичка становится несущественной и мнимой. Даже если обозначает человека, личность. Что человечек без нулей? Ничто. Может быть, Иваныч решил, что так вернее исчезнуть с игрового поля на время, провести нужные приготовления «под ковром», раз уж борьба вступила в силовую фазу? И я веду себя так, словно боюсь выдать эту догадку, если сейчас за мной ведется скрытое наблюдение. А на душе скребут кошки, да что кошки – львы!

А почему, собственно, я неадекватен? Если судить по здравому размышлению, для большинства людей, в том числе считающих себя «элитой», собственный прыщик на носу куда болезненней десятков «раненых и убитых» где-то далеко, пусть даже парни эти сложили головы за их собственные деньги. Если *они* рассмотрят мое поведение в этом ключе, то... Ну да, погиб некий Крузенштерн, с которым этот Дронов приятельствовал когда-то, но наверняка завидовал нынешнему куда более высокому и прочному материальному положению... Известие о гибели давнего товарища немного взволновало, но не более того, вернее, взволновало только в следующей связи: а не грозит ли что-то ему лично? Вот парень и примчал в первопрестольную. Логично? Вполне.

Ну а раз так, то и моя завтрашняя, вернее, уже сегодняшняя активность по выяснению «обстоятельств трагедии» будет выглядеть вполне достоверно. Тогда почему бы мне и не подьесть умело приготовленный крабовый салат?

Наполняю третью рюмку, махаю залпом. Зажевываю кусочком хлебца, собрав по тарелке майонез. Водка не действует абсолютно. На сердце муторно до глухой, сосущей тоски. В чем я себя обманываю?... Нет, надо баиньки. Утро вечера мудренее. Закуриваю сигарету, встаю, бросаю посуду в мойку. Надо бы помыть, ибо если я исчезну на такое же неопределенное время, что и в первый раз, то плесенью зарастет не то что кухня, весь подъезд! Но меня греет надежда, что посуду помоем та же, что и салаты приготовила мастерски. Одним движением тушу сигарету в пепельнице. Пора почивать. Только от предвкушения – как славно сейчас растянусь на крахмальной простыне – сводит скулы, хочется зевать, а сознание само собою заволакивает сладкие предсонные грезы.

Вхожу в спальню, щелкаю выключателем. И – замираю на месте. Понимая лишь одно: поспать мне сегодня не удастся.

На постели лежит девушка. Она мертва. Из одежды на ней – только чулок, лишь один. Другой обмотан вокруг шеи и стянут так, чтобы пережать сонные артерии. Подхожу, прикасаюсь к руке. Теперь никаких сомнений. И убили ее не больше двух-трех часов назад. Летом определить точное время смерти невозможно. А это значит... Это значит, что алиби у меня нет. Ехал я в пустой электричке или кувырчался с нимфеткой в постельке – сие на усмотрение господ присяжных. А что они решат, «кивалы»? Догадываюсь.

Вглядываюсь в застывшие черты лица. Она была очень молода. И – хороша собой. Но в то, что покойная страдала нарциссизмом, разделась у меня в спальне, выпила в одиночестве полбутылки, занялась мастурбацией и удушила самое себя в порыве безудержного экстаза, я не поверю. И никто не поверит.

Осматриваюсь. Ее одежда разбросана в беспорядке по комнате; у кровати – бокал и пустая бутылка шампанского. Что еще? Ну да, незадолго до смерти девушка занималась сексом, вот только по собственной инициативе или была изнасилована? И еще один, главный вопрос: откуда она вообще взялась в моей квартире? И кто был ее партнер? Или – партнерша? А вообще-то это не мои вопросы, а следователя.

Словно в ответ на эту, последнюю, мысль, во дворе засветился проблесковый маячок оперативной машины. Менты, они, как дети, не могут без шику! А то, что коляска подкатила по мою безгрешную душу, я уже не сомневался. Как не собирался и излагать им свою версию событий; боюсь, сценарий задержания, ареста и последующего «раскола» сексуального маньяка Дронова уже кем-то прописан.

Пора делать ноги. Из квартиры я успел захватить только капроновый шнур и альпинистский карабин. Вышел в коридор, закрыл дверь – нечего облегчать служивым задачу, пусть помучаются, пока снимут это крепостное сооружение! Побежал по лестнице вверх, перепрыгивая через ступеньки. Кроссовки-мокасины на натуральной каучуковой подошве ступали бесшумно. И еще не оставляло чувство опасности. Таящейся там, наверху.

Так и есть. Два здоровенных битюга, бездарно изо-бражавшие бомжей, примостились на площадке край-него, шестнадцатого этажа. Хм... Чтобы нажрать такую ряху, как у любого из этих, честный трудящийся бомж должен выжирать в день по два мусорных контейнера со всем содержимым, включая картон, стеклотару и целлулоид! То, что они должны были страховать крышу именно от меня, – никаких сомнений, но мое бесшумное появление оказалось для них неожиданным. «Бомжики» встали, один пробурчал нечто нечленораздельное, видно не вполне выйдя из образа, сделал шаг вниз, ко мне. Дождаться, пока этот шкаф сграбастает меня, как кучу рухляди, не было ни желания, ни времени. Отмахнул правой с зажатым в ней шнуром, отвлекая внимание, а левую, со стиснутым в кулаке карабином, апперкотом воткнул здоровяку в причинное место. Мне показалось, по локоть. Внутри гиганта что-то не то булькнуло, не то треснуло, и он мешком свалился на ступеньки. Скорее всего после болевого шока он выживет, а вот «злыднем писюкастым» ему уже не стать. Как и отцом семейства.

Второй с неожиданным для его комплекции проворством махнул ногой, целя мне в голову, – ушел на чистой интуиции, уклоном; ветерок от удара пошевелил волосы. Противник поднялся еще на ступеньку; глаза смотрели зло и беспощадно. Он собирался играть только наверняка, а у меня... У меня совсем не было времени; надо думать, служивые уже подтянулись к квартирке и гужуются перед чудом крепостного искусства, по недоразумению названным дверью.

– Никуда ты не уйдешь, дурик... – просипел «бомж». – Ща менты тебя скрутят, и – в прессхату... Обидно? Удовольствие получили другие, а ответишь ты!

Вступать с ним в дискуссию в мои планы не входило. Никак. Было бы побольше времени, да зайди я в спальню пораньше, да догадайся, что «пастухи» сидят сиднями на крайнем этаже, ужо я бы потолковал с ними на сухую...

Придется подставяться.

Делаю шаг вверх по лесенке. Соблазн достать меня ногой у «бомжа» слишком велик, тем более пользуется он собственными нижними конечностями мастерски.

Удар я, естественно, не увидел. Угадал. Но и угадав, уйти от него полностью не смог; единственное, что успел, – это захлестнуть шнуром ступню противника. Спинай влетел в стену, хотя и вскользь, а больно, но шнур не выпустил. Как там в считалке? «Ловись, рыбка, большая и маленькая...» Мне досталась большая: Противник не выдержал рывка, вторая нога оторвалась от пола, и он спиной приземлился на бетонную площадку. Успел сгруппироваться, купировать удар, готов был встать... Вот этой возможности я ему уже не предоставил: успокоил коротким ударом ноги в висок. Возможно, что и навсегда.

Замер, прислушался. Легонечко отворил дверцу на крышу. Пробежал к торцевой стене. Закрепил шнур и карабин на нем. Огляделся. Тишина и покой. Видно, те, кто задумал операцию, не ожидали от меня такой скорой прыти. Жалеть об этом я не собираюсь, перешагиваю низенький парапет, и по шнуру – вниз.

В чем-то я погорячился. Со скоростью приземления с шестнадцатого этажа, с неправильно закрепленным карабином или со всем этим вместе... Чуть пригнувшись, бегу через занавешенные деревцами дворы, дую на сожженную до мяса ладонь, а в голове плавает одна только фраза, вздорная, но оптимистическая, и вполне в духе суровой действительности: «Сухая кожа – здоровый малыш».

Глава 13

Остаток ночи я провел в «ракушке». Невзирая на борьбу мэра с «этим позорным явлением», «ракушек» в московских дворах убавилось ненамного, наоборот: растет благосостояние наших граждан. И это радует.

Выбравшись из мини-гаража, нашел в зарослях одного из дворов распивочно-доминошную лавочку и устроился за сигаретой. Жаль, что без кофе, но лучше, чем ничего.

Так, что мы имеем по утренней поре? «Ищут пожарные, ищет милиция...» Ищут новоявленного сексуального маньяка по фамилии Дронов. Бывшего аналитика неведомой службы, бывшего бойца в «горячих точках», бывшего сотрудника банка «Континенталь», в результате сомнительных афер оторвавшего просторную квартиру на престижном Юго-Западе. Маргинала-неудачника, свихнувшегося на почве отсутствия войны, привыкшего к насилию... пригласившего к себе красивую девушку. Девушка была сим злым очарована. Маньяки, они «шарман» плести умеют! Наготовила изысканных кушаний, но маргинал-параноик еды не дождался, потащил ее в спальню, завалил бедную девочку на постель и придушил во время коитуса. Получил, так сказать, полное и незабываемое удовольствие. Потом преспокойно уселся на кухне, в одиночестве выпил три рюмки водки, закусил деликатесами, смакуя полученное удовольствие. Милицию вызвал, понятно, кто-то из случайных прохожих или соседей; что-то ему показалось там в ветвях – крик, свет, да это и не важно. Вызвавший по понятным причинам пожелал остаться неизвестным.

Насильник Дронов при появлении милиции ушел через крышу, попутно завалив двух мирно спящих бомжей: убивец, он убивец и есть! И сейчас представляет скорую и непосредственную угрозу для тихо себе работающих в офисах и иных зланных местах гражда-ночек.

Дабы любимый город продолжал спать спокойно, в районе проведено усиление.

Вот такие у нас вводные на раннее утречко. Что еще? Судя по ощущениям, температура воды в Москве-реке градуса двадцать два, воздуха – двадцать пять. Денек обещает быть жарким.

Это – их версия. А моя? То, что меня подставляют по профилю, понятно еноту. Вопросы «кто?» и «почему?» пока не прояснены, но ответ на них слегка брезжит, как свет в конце туннеля.

И я вспоминаю об Игорьке Крутове. Когда-то мы были друзьями не разлей вода, несколько лет назад, когда я попал в передрыгу с Организацией, Крутов оказал мне быструю и очень эффективную помощь, освобождая жену и детей того же Димы Крузенштерна. С тех пор мы не виделись. Единственное, что я знаю точно, – будучи начальником в РУБОПе, он получил-таки вожделенные генеральские погоны. И это не карьеризм: плох тот полковник, который не мечтает стать генералом. Ну а подполковник, с отсутствием тех же устремлений, мне вообще малопонятен. Сам, по правде говоря, стал бы генералом, да думаю, такие погоны плечи жмут пожестче, чем наручники – запястья.

Итак, нужно встретиться с Крутовым. Но это второе. А первое – слить из злчного района. Благо пока еще час волка: оставшиеся летом в Москве законопослушные и работающие граждане спешат на службу посредством метро, и в этой ситуации милиции фильтровать поток затруднительно. Особенно районной. Труба зовет! Пора выбираться из этого милого распивочного уголка за помощью к компетентным органам по прозванию РУБОП.

Кусты раздвинулись, и прямо передо мной оказалось двое барыг-алканов. Эти, в отличие от ночных, – самые настоящие. Но помня, что белая фата – отнюдь не гарантия девственности, бегло изучаю нарисовавшихся мужичков. Ибо был в моей не столь давней южной ссылке случай, когда бомж-санитар оказался очень скверным дядькой.

– Распиваем? – гаркнул я начальственно.

– Ты чего? – Мужики шуганулись от меня с натуральным похмельным испугом – такой наиграть невозможно.

– Да я это... – произношу совсем другим тоном. Вдыхаю, тряско вытягиваю сигарету из пачки. Жаль, что «Лаки страйк», а не «Прима», ну да алкоголизм клиентов не разбирает: вчера мог гулевать по-крупному, а сегодня, выгнанный дражайшей половиной, трястись в неопохмеленно-потрясенном состоянии на зачуханной лавочке. Жизнь – штука переменчивая, и алканы знают это лучше других.

Мужички, рассмотрев меня как следует, успокоились.

– Водяру с портвешом, видать, вчера мешал? – сочувственно осведомился один.

– Сначала – да. А потом... – Сокрушенно опускаю голову, давая понять, что не помню ни-че-го. Добавляю с известной каждому нашему интонацией «а вот вчера были о-о-очень большие»: – Салат крабовый хавал ложкой... – и снова вдыхаю.

Мужики переглянулись. В сумке у них позванивало.

– Стакан тебе надо накатить, – авторитетно произнес первый. Заметив, как я алчно заблестел глазами, добавил: – У тебя это... Хоть чего-то осталось? А то мы не профсоюз – бесплатные путевки раздавать...

– Ну... – Вытряхиваю из кармана рублей восемь мелочи.

– Вот это дело! – повеселел один. – А фиг ли маешься, здесь на стаканюгу грязного – вполне!

– Витек, не приставай к человеку! До ларька, до него еще доплыть надо. Вишь, не в себе он! Сам такой же был час назад. Лучше плесни!

Витек пожал плечами: дескать, и то верно, вынул из истертой сумки бутылек мутного портвейна с темно-синей этикеткой, опалил спичкой пластмассовую пробку, снял, долил пластиковый стаканчик доверху:

– Причащайся.

Стаканчик я умахнул единым духом, с сожалением проводил взглядом. Витек поразмыслил, налил второй:

– Валяй. Чтоб сразу отлегло.

Я «завалил». И, прямо скажем, отлегло.

– Тебя как звать-то? – спросил тот, что постарше.

– Олег.

– Меня – Мишка. А его – Витек. Ну чё, крикнули? – посмотрел Мишаня на Витьку и потянулся бутылкой к подставленному стакану.

Пока мужички выпивали, я молча курил. Уходить не спешил по старой прибаутке: двое расхристанных алканов берут в оборот зачуханного очкарика: «Мужик, на троих сообразим?» – «Да я не...» – «Давай трояк». Тот дает. Мужики берут пол-литра, утягивают очкарика в скверик, наливают в замызганный стакан: «Пей!» «Да я не...» – пытается сопротивляться интеллигент. «Пей, кому сказано, не задерживай!» Тот, давась, пьет. Один алкан достает из кармана обгрызенное яблоко: «Закусывай». – «Да я...» – «Закусывай, тебе сказано!» Очкарик с грехом пополам жует фрукт. Мужики тем временем выпивают степенно. Интеллигент робко спрашивает: «Ну, я пойду?» В ответ ему: «Куда?! А позвиздить?!»

Вот потому и не тороплюсь: разговорить давешних «бомжей» у меня времени не достало, да и условия были совсем неподходящие, а с этими мужичками самое время «позвиздить». О чем будет «звиздеж» – догадаться несложно.

Мужикам подошло.

– Ты сам-то местный, Олег?

– Ну, – неопределенно киваю. – У бабенки одной, Ленки Прохоровой, присоседился.

– Это какая Ленка? Та, что с косой прошлый год ходила?

– Не, она стриженная. Щас блондинкой покрасилась. На рынке шмотками торгует. Да должны вы ее знать!

– Да видать видывали, а всех не упомнишь... – философически изрек Мишаня, прописав меня как «своего». – Ты во сколько вчера к своей заявился-то?

– Я чего, на часы смотрел?

– Это да... Выгнала?

– Ну. Пятый день запой, собака, крутит.

– Это бывает, – поддакнул Витек. – А ночевал где?

– Да здесь и ночевал. На лавке.

– Менты-то здесь не шустрили?

– Покамест нет. А с чего?

– Да сволочь одну ищут. Девку у себя дома задушил.

– Ну?! – делаю круглые глаза.

– Угу. Насмерть. В восемнадцатом доме.

– Крутой дом.

– Ну. Там всякие богатеи живут и прочая шушера. Уже совсем с жиру озверели, падлы. Ну, понравилась девка, так трахай, душить зачем?

– Погодь, Мишаня, бабы у подъезда судачили, девка та – малолетка, да на наркоту подсаженная. Ее хахаль трахнул и придушил чулком.

На наркоту... Ну что ж, все организовано достоверно. Особенно в здешнем районе, славящемся рынком наркотиков. Итак, в моей безвременно оставленной квартирке служивые наверняка обнаружили и это зелье, а убитая девчонка – малолетка и начинающая наркоманка; для завершенности отрицательного образа я оказался еще и наркобарыгой. Слава Богу, не в Сингапуре живем⁵, но ежели меня словят, служивые пропишут мне «до суда и следствия» так, что мало не покажется! Поэтому попадаться нельзя – с целью сохранения здоровья и способности к плотским утехам и деторождению. Как-никак я еще не женат, нельзя сказать, что собираюсь, но, как говаривал кто-то из древних, ничто человеческое мне не чуждо, и из этого «не чуждого» общение с прекрасной половиной человечества составляет лучшую часть моей неупорядоченной жизни.

– Может, это негритос был? Они как раз этим и промышляют. А за наркоту девка не то что негру, кому угодно даст.

– Не, бабы базарили, местный. Нашенский. Какой-то бывший вояка.

– У этих крыша протекает по полной программе...

– Ну используй девку по назначению, но губить-то зачем?! – не унимается Витек. – Яйца бы таким отрывал!

– Под корень! – искренне соглашаюсь я.

– А менты чего? Им ханыг каких ловить для плана, вроде нас, это как здрасьте! А этого теперь – ищи-свищи!

– Не, – авторитетно возразил Мишаня, – словят. Если маньяк, то словят. У них с этим строго.

– Может, и так. – Витек глянул на остатки вина в бутылке: – Ну чё, еще за одной слетаю? Ссыпай, что ли, свою мелочь...

Я высыпал рублевищи в подставленную ладонь:

– Не, я больше не буду.

– Чего?

– Хватит.

⁵ Знодательство Сингапура отличается в отношении наркоторговцев исключительной строгостью.

– Как знаешь.

– Опохмеляться – это искусство. Неправильный опохмел ведет к запою, – философически заметил Мишаня. – С бабой замиряться пойдешь?

– Ну, – кивнул я. – На рынок.

– Вот это правильно. Если не дура, сама же и нальет еще.

– Не, Ленка не дура.

– И отдери ее хорошенько. В смысле – оттрахай. Чтоб визжала! Бабы за это все простят! Силенки-то есть?

– Покамест не жаловался. У меня после пьянок стояк крутой!

– Это да... А мы с Витьком – по винцу. А, Витек?

– Ну. А фигли делать в такую жару?

Встаю с лавочки, собираясь отвалить. Но умиротворенную летнюю тишину нарушает урчание мотора – средних размеров джип вламывается в тихий распивочный уголок как мамонт. Из джипа вываливается детина, роста невеликого, но накачан так, что кажется надутым мощным машинным насосом. В майке и коротких штанах, на могучей шее – «голда».

– Досиделись до уродов, – упавшим голосом произнес Витек.

– А чего им до нас? – спрашиваю я.

– Ща морды бить будут. Для куражу. Видать, «папы» ихние велели. На район менты после убийства усиление опустили, им – убыток. Вот со зла на нас и оторвутся... Ноги надо делать...

Но что-то мешало моим сотрапезникам «делать ноги». Во-первых, от этих спортсменов с пропитой печенью не так просто и убежать. Ну а во-вторых... Униформа. Стриженные маленькие головы на коротких шеях, массивные цепи, поросячье выражение глаз... Все это внушает мирным гражданам такое чувство, какое нашим родителям – расхлябанно-развинченнная походка шпаны пятидесятых, на глаза – косая челка, золотая фикса во рту и, как пелось в песнях, «в кармане финский нож». Признаться, те шпанюги рядом с нынешними мордоворотами – просто тихие и незлобивые романтики... Так что Мишаня с Витьком смекнули правильно: не бегать – побить побьют, но не до смерти. И все же и тот и другой напряжились, готовые ломануться через кусты – наудачу. Логика логикой, а ноги зудят: срываться!

Тем временем из джипа выпрыгнул второй, повыше и пожилистей. Словно угадав намерения алканов, прикрикнул:

– И не вздумайте бегать! Кости перекрошу колесами к ежевой матери! – Глянул на накачанного напарника: – Развелось всякой твари, а, Бутуз?

– Как грязи!

– А ну-ка, подошли сюда! Живо! На полусогнутых!

Вот чего не люблю у нынешней стриженной молодежи, так это напористого хамства! Пацанчикам по двадцать два от силы, оба мужичка им в папашки годятся, силу на них мерить – как-то запахло, и слова другого не подберу! Есть в этих новых корешках то самое подло-отморженное: сила и здоровье всегда победят немощь и разложение! Вот эта «премилая» философия и погубила Третий рейх; поддатые мужички вовсе не арийской наружности, разозлившись, размотали к едрене фене белокуро-конопатых бестий по пням и кочкам!

Ну, да это философия. А теперешний расклад мне просто противен.

– Да мы тут просто бутылочку распить... – тихо, стараясь сохранить хоть остатки самоуважения, заобъяснял Витек.

– А ну, пасть закрой! – Короткий крепыш сгреб Витька за ворот давно не стиранной рубахи так, что она треснула, ткнул костяшками в нос... Раздался противный хруст, Витек осел, крепыш отпустил его, давая упасть на землю и намереваясь всласть помесить ногами... Мишаня не выдержал: ломанул-таки через кусты. Но никто за ним и не погнался, развлекауха у парней уже была. Жилистый направлялся прямо ко мне:

– А ты чего, болезный, бороденку запустил? Побриться некогда, алкотня зассанная?

Он шел мягонько, пружиня тренированными ногами в дорогах кроссовках; видимо, бить меня руками он брезговал, решил оттянуться «на дальних подступах», но всласть. Добавил, куражась:

– Ща я тебе яйца посчитаю, чтобы таких вот выблядков больше не плодил!

Ну, это... На святое замахнулся...

Одним прыжком я оказался в метре от него и воткнул кулак правой точно под сердце – такой удар по эффективности превосходит удар в солнечное сплетение, тем более пресс спортсменчику я мог и не пробить.

Челюсть у отморозка слегка отвисла, но вдохнуть он никак не мог; парень вытаращил на меня лупатые глазки, полные удивления и боли. А я тем временем поддел незащищенный подбородок крюком снизу, чуть отпрыгнул, подхватив крутого за цепь, и левой же, четырежды, как на тренировке, пробил по чисто выбритой, пахнувшей дорогим одеколоном физиономии, превращая ее в нечто однородное. Отпустил цепь, добавил правым снизу, и жилистый упал к ногам, как матрас. В чувство он придет минут через сорок, но не вполне: личико к тому времени заплывет по типу «Москва – Пекин: дружба навек!».

На весь мордобой ушло не более четырех секунд. Коротышка-здоровячок успел лишь единожды пнуть под ребра бедолагу – Витька, скосил масенькие глазки и увидел вовсе не то, что ожидал: вместо пахнущего дрянным портвешком небритого субъекта у лавки валялся «друган, братан и корефан».

– Ах ты, бляха... – Бутуз решил, что я – спивающийся тренер-каратист, и потому вынул из недр широченных коротких штанин складной нож, щелкнул кнопочкой: – Придется тебя, пидор, расписывать, как Айвазовский «Цусиму»!

Ну надо же! А ведь Бутуз этот – парниша из хорошей семьи, может, даже интеллигентной! Слово «Айвазовский» выговаривает складно, а вот про «Цусиму» – наврал! Вывод: образование индивида осталось незавершенным. Сейчас я его завершу, чтобы мальчик с пальчик ведал, что больно – не только когда ты бьешь, куда больнее, когда бьют тебя.

А Бутуз тем временем сделал шустрый и вполне профессиональный выпад: от ножа я едва ушел! М-да, парнишка не одно токмо железо по жизни качал; да и глазки стали злыми, будто налились враз тяжелой влагой.

Ну что ж, на войне как на войне. А войны у меня за плечами столько, что этому пацанчику и не снилось...

Снова выпад, длинный, пластичный... Но выпендриваться и ловить шуструю ручонку во всякие там хитрые захваты я не стал. Физически здоровячок меня превосходит: сцепись мы, помнет, как медведь зайку! Потому я просто отбил его руку хлестким щелчком. Снова выпад, снова отбив. Занервничал? Вот и славно!

Бутуз понял свое преимущество в физической мощи и ринулся на меня, как танк на пехоту, стремясь прижать к лавочке и деревянному столу, но притом передвигаясь мягко и пластично. Ну а мне было уже не до пластики: прыжком запрыгнул ему за правую руку и хлестко пробил по «бороде». Задел. Голова у парня поплыла, он замахал перед собой лезвием плавными круговыми движениями, стараясь не подпустить меня ближе. А мне ближе и не нужно: делаю шаг и пинаю его стопой в голень. Бутуз неловко взмахнул обеими руками и грохнулся на спину. Нож у него вылетел куда-то в сторону, но здоровяк не растерялся: раскорячился, чуть крутнулся на спине. Наверное, это боевая «лёжка» неведомого мне стиля. Сейчас каждый забор изобилует названиями мудреных школ, но в них учат всему, кроме драки. А закон драки гласит: побеждай!

Потому я не впадаю в ответную стойку, не пытаюсь достать крепыша, оказавшегося таким прытким, – недаром у него «голда» на полпальца толще, чем у сотоварища! Одним движением хватаю стоящую здесь неизвестно зачем металлическую урну и впечатываю в грудь лежащему. Послышался противный хруст, и мой противник наконец-то по-настоящему расслабился:

ручонки четвертьметровой толщины обмякли, голова бессильно откинулась на землю. Судя по моим куцым знаниям анатомии, я переломал ему грудину – это больно.

А может, оно и к лучшему? Для него же? С такой травмой к приобретенной профессии вернуться сложно; а может, возвратится крепыш в семью да будет себе помалеху изучать жизнь и творчество упомянутого живописца? Да еще и диссер накропает?

Не, я – неутомимый оптимист!

Обозреваю «картину битвы» и ощущаю запоздалое раскаяние. Может, стоило без этих фокусов «сделать ноги»? Мужички получили бы слегка по шеям, им не привыкать, а я бы был уже далекохонько от родного района, где меня по-прежнему «ищут пожарные, ищет милиция...». Теперь к служивым прибавятся вольноопределяющиеся из неведомых мне бригад от неизвестных мне авторитетов: давненько не бывал я в первопрестольной!

Ну и что дальше? А то... Не пешком же мне в центр топать. И на метро – небезопасно: час рабоче-служащего закончился, вполне могу в ситечко залететь, как неразумная рыба плотва. Так что тачку придется угонять. Благо и ключ в замке.

Усаживаюсь – уютно. Запускаю движок.

– Ну ты и крут... – подал голос из кустов Мишаня, выбрался, подобрал стонущего Витька. – Пошли мы... Ты извиняй, если что не так.

Уже скрываясь в кустах, обернулся, спросил с тяжким вздохом, потупясь:

– Ты бы обозвался, что ли, залётный... А то эти оклемаются, с нас спрос будет...

Вот это вряд ли. Для навороченных молодцов все «овцы» – на одно лицо. Что их и губит. Ну да подводить мужиков мне в любом случае не хочется: сами они закладывать не побегут, ну а если спрос действительно будет, что ж... Пусть ответят.

– Скажете, был Додо.

– Кто?

– Дрон.

– Это чего, погоняло такое?

– Это птица. Редкая.

– Навроде Феникса, что ли? – проявил осведомленность Мишаня.

– Навроде. Но круче.

Глава 14

По правде сказать, какой из себя был тот самый хрестоматийный дронт с острова Маврикий, я представляю смутно. Говорят, мирная была птичка. Возможно, с веткой в клюве. Миротворец. В переводе на американский – «Peacemaker»⁶

В размышлениях об умной науке орнитологии на заемном авто достиг центра дорогой столицы. За время моего отсутствия она стала еще дороже.

День, надо сказать, завязался жаркий. Две разборки с пристрастием за одно утро, да еще и термометр в тени показывает не менее тридцати. Когда такой накал, нужно быть сдержаннее. Или как говаривал грузчик дядя Гриша после третьего стакана собутыльникам: «Ребята, давайте быть культурнее».

Покидаю чужую машину тихо, как птенчик. И направляюсь в ближайшую аптеку. Потому как с разбитыми напрочь костяшками одной руки и сожженной ладонью другой чувствую себя не вполне комфортно: не в смысле боли, такую боль легко игнорировать, но когда клешни кровоточат и мысли – саднят. Как мудро обобщили наши предки: на хромых ногах и душа спотыкается.

С перебинтованными лапами я стал выглядеть как работяга-моряк, неловко притравивший трос. Вот за что люблю Москву, так это за то, что здесь никому ни до кого нет дела. «Лягушка, у тебя что, проблемы?» – «У меня? Проблемы? Да мне звиздец!»

Подхожу к автомату, втыкаю в щель кредитную карту, набираю номер. Трубку поднимают после третьего гудка:

– Крутов.

Хотя голос и положение генерала к шуткам не располагают, удержаться не могу:

– Здесь продается славянский шкаф?

– Шкаф? – не узнал меня Игорь.

Меняю «шифр»:

– А что, братец, невесты в вашем городе есть?

– Кому и кобыла невеста! Дронов!

– Он самый.

– Давне-е-енько не слыхивал твоего начальственного баритона.

– Повода не было.

– Теперь появился?

– Ага. Телефон «чистый»?

– Этот – как стеклышко. Так что за повод?

– Женщина.

– Я не удивлен.

– Убита в моей квартире три-четыре часа тому назад. Перед этим – изнасилована.

– Вот как...

– Тебя не информировали?

– Дрон, я занимаюсь организованной преступностью, а это...

– Подходит под проделки «писюкастого злыдня».

– Кого?

– Сексуального маньяка.

– И кто он?

– Боюсь, по мнению твоих коллег, я. Больше некому.

⁶ «Peacemaker» («Миротворец») – название самой популярной в США модели револьвера С. Кольта.

– Хорош...

– Кто?

Молчание длилось с полминуты.

– Дрон... Ее убил ты?

– Нет.

– Честно?

– Как на духу.

– Так. Идем дальше. Но – при личной встрече. Сможешь подъехать в управу?

– Да.

– Документы с собой? Я закажу тебе пропуск.

– Лучше обойтись без него.

– Чего так?

– Следить не хочу.

– Ты же понимаешь, Додо, если тебя с вахты сопровождает сам начальник управления...

– Генерал Крутов, – продолжил я почтительным тоном. – Понимаю, «смежники» будут озадачены.

– Еще как.

– Игорь, не выдумывай велосипед. Пошли какого-нибудь доверенного выюношу встретить индивида на контакте и провести в вашенские апартаменты черным ходом. Ведь должен же быть у вас черный ход?

– А как же... И не один. И выходов столько же. Олег... Может, лучше вообще не в управе? На свежем, так сказать, воздухе? Тем более ветер, судя по всему, крепчает...

– Хорошо, что не маразм. Нет. Не лучше.

– Хозяин барин. Ты в центре?

– Да.

– Делаем так: сядишься в кафешке «Тополя», что на Сретенке, и ждешь. Мой человечек тебя подберет.

– Сколько ждать?

– Сколько нужно. Контрольное время – тринадцать ноль-ноль.

– Понял.

– Дрон...

– Да?

– Расслабься. Судя поговору, ты напряжен, как солдат-первогодок перед присягой. На которую ни одна шалава к нему не приехала.

– Ценю твой генеральский юмор.

– Еще бы. Будь.

– Буду.

До контрольного срока почти час, времени – вагон; но Крутов мудр, «маячить» в кафешке невозможно, потому через десять минут я уже сижу в вышеозначенных «Тополях» – обычной полусквериковой забегаловке – и разминаюсь самым буржуйским, по понятиям семидесятых, занятием: потягиванием через соломинку коктейля под маловразумительным названием и весьма сомнительного качества. Заодно разглядываю проходящих. Не с целью выявления «мышки-наружки» – из чистого любопытства, граничащего с любознательностью.

Естественно, привлекают девушки. И то, как они одеты. Или скорее раздеты. Впрочем, как сформулировал кто-то умный, основополагающий принцип моды как раз в том и состоит, чтобы носить одежду, вызывающую у лиц противоположного пола желание поскорее с вас ее снять. Москвички в этом преуспели. Еще больше они преуспели в этом на море... Вздыхаю: жаль, что сейчас я так далек от моря, очень жаль, что я не Казанова, и втройне жаль, что душа моя отягощена бездной комплексов так давно отлетевшей юности, начиная от впитанной под-

коркой песни «а я боюсь услышать «нет» и заканчивая философичным из Макарыча: «Он был старше ее, она была хороша...» Все это, вместе взятое, и мешает мне броситься вслед очередной нимфе в воздушном одеянии. Нет, мешает еще одно: очень боюсь, прелестное создание откроет красиво очерченный рот и отрыгнет такое выражение, что... Короче, чтобы не было разочарований, лучше не очаровываться. По крайней мере, в ближайшие сорок минут.

Через столик от меня расположились две девчушки. Пепси они уже не выбирают, пьют что покрепче. Вот предыдущее поколение молодых: пепси было внове, а кока еще не вошла в обиход; уже не было комсомола, а водка и кухонно-философские разговоры «обо всем» стали неактуальны; царствовали Виктор Цой, Арбат, Шевчук...

Краем уха ловлю щебет девчонок... М-да... По сравнению с теперешними молодыми те кажутся просто романтиками.

Каждое поколение, каждый век лепит своих кумиров, отдавая дань неофициальному культу. В тридцатые – Чкалов и Отто Юльевич Шмидт, в шестидесятые – Гагарин, Окуджава, Визбор, Вознесенский, Стругацкие, в семидесятые – восьмидесятые – Высоцкий, Макаревич, Пугачева, Цой, «Наутилус», Шевчук... Но вот настали девяностые, набрали скорость, век летит к закату, к закату движется тысячелетие... И – что? Не считать же всерьез культовыми мальчиками «нанайцев» вкупе с интернациональными Иванушками, а культовыми девочками «лицеисток»... Или – считать?

Похоже, мы все вернулись в предысторию, в эпоху «шаманидов», и единственной культовой фигурой, «героем нашего времени», является могучий напряженный фаллос, на который, как на кассовый чек, нанизаны долларовые бумажки самого значимого достоинства. Если, конечно, единичку с нуликами, даже прорисованную на хорошей бумаге, вообще можно считать достоинством.

– Вы крутите головой, как вентилятор!

Сначала я заметил ноги под коротеньким легким платьицем, поднял глаза на девушку: веснушки на носу, смеющиеся зеленые глаза, густые выгоревшие волосы уложены в «ренессансный» каскад. Красиво, добротно, хорошо!

– Меня предупредили, что вы легкомысленный, но не сказали насколько. Пригласите присесть?

– Приглашаю. – Энергичный жест рукой и кивок, больше похожий на движение только что разнузданного коня, должны подтвердить мое недоуменное удивление.

Девушка присела, представилась:

– Настя Сударенкова. Лейтенант. – А в ее глазах плескалось столько солнца, что...

– Ну, тогда я, как водится, генерал. От инфантерии.

– Вас никак не примешь за пехотинца...

Ну надо же! Милая барышня не только представилась по званию, но еще и знает значение слова «инфантерия»! Поторопился я с эпитафией юному поколению!

– Олег Владимирович, не рассматривайте мои ноги так откровенно!

– Вас это отвлекает от несения службы, лейтенант Настя? – невинно поднимаю я брови. И уже догадываюсь, чьи это генеральские шутки! Сосредоточиваю взгляд на девичьих лодыжках, шепчу заговорщически: – Исключительно для конспирации... Шампанское вы пьете, лейтенант?

– Для конспирации?

– Для нее.

– Не в это время дня.

– Что для вас принести? Сок манго?

– Чтобы жизнь сразу – сахаром?

– Намек понял. Тогда грейпфрутовый?

– Лучше – лимонный. Но не сейчас. Сейчас нежно возьмите меня под руку и идем к машине: темно-синий «фолькс». Крутов нас ждет.

Девушка обаятельно улыбалась, слова произносила тихо и задушевно, словно завлекала меня в постель величиной с Сахару. И это правильно: случайные «уши», вроде девчонок-малолеток, реагируют не на смысл слов, а на тон, каким они сказаны, и если слова «боковым слухом» часто не улавливаются вовсе, то тон – всегда. И что они решат? Что к куцему мужичку подкатила шикарная телка «по договоренке», видать, от мужа гуляет, повлекла его в свою тачку, судя по прикиду, «разгонную», и отвалила с шиком.

То, что ход их мыслей я смоделировал правильно, доказывали теперь уже прямые, оценивающие взгляды подружек, направленные нам в спины: надо же, альфонс не альфонс, а за ним такая краля подкатила! Видно, в штанах что-то особенное! Знали бы эти милые крошки, что перед ними сейчас сам «маньяк-душитель», поперхнулись бы своим мороженым!

Девушка села за руль, с шиком отъехала и повела машину по бесконечной анфиладе московских переулков так лихо, что я сразу произвел ее из Насти в Анастасию. На таких «американских горках» любой хвост отвалится сам собой. Подумалось: умеет Крутов подбирать кадры... Но мысль сию я тут же отбросил, как отдающую завистью. Зачем мне это?

То, что Анастасия порулила не в управу, я догадался; ну что ж, Крутов генерал, ему виднее.

Вышли мы в Замоскворечье. Проскочили хитрой чередой проходных, через реконструируемые дома, пока не впилились в обитую допотопным дерматином дверцу заброшенного, прошлого века, купеческого домины за литой, проломанной во многих местах оградой. На стук открыл сторож, бегло оглядел нас, пропустил, прикрывая дверь; двигал он ее слишком тяжело, чтобы не закралась мысль: под дерматином, содранном с натуральной двери пятидесятих, укрывалось литое пуленепробиваемое сооружение.

По запущенной лестничке поднялись на второй этаж. Девушка пропустила меня через «приемную», открыла дверь в кабинет. Доложила:

- Доставила.
- Хорошо. Хвосты?
- Чисто.
- Были или сбросила?
- Не было.
- Подожди внизу.
- Есть.

Как только дверь за девушкой закрылась, Крутов встал из-за стола, подошел ко мне, мы крепко пожали руки.

Игорь указал жестом на два старых, годов шестидесятих, кресла у журнального столика в углу. Расселись.

Крутов погрузнел, заматерел. Плечи у него и раньше были немаленькие, теперь – казались вовсе огромными; белоснежная сорочка от Босса, галстук и костюм от Версаче, туфли от Армани – все это сидело на Игоре так, словно он носил сие великолепие не то что сызмальства, но родился в нем. Легкие отклонения от принятого «протокольного» стиля только подчеркивали респектабельность: вещь для человека, а не человек для вещи. Перехватив мой взгляд, насмешливо бросил:

- Хорош?
- Как икона.
- Клиент пошел солидный. Нужно соответствовать.
- Понимаю.
- Коньячку? Для разговора?
- Соточку.

Крутов выудил из-под кресла початую бутылку любимого им великовозрастного коньяка «Армения», разлил по двум простым советским «слезным» стаканам.

– Закусить?

– Чтобы коньяк испортить?

– Это верно. За встречу.

Мы стукнулись донышками, неспешно выщедили янтарную жидкость. Закурили.

– Убитая девчонка у тебя в квартире – ведь не причина, а следствие, так? – Крутов испытующе смотрел на меня желтыми тигриными глазами. Вот взгляд у него не изменился, это точно.

– Так.

Игорь затянулся, выдохнул:

– Рассказывай.

Глава 15

- Рассказывать? Лучше я буду спрашивать.
- Это как знаешь. Мне нужно знать только одно: нынешняя подстава связана с твоим прошлым?
- А что у нас не связано с прошлым?
- Крутов поморщился:
- Олег, давай без философий и по существу. Уж очень люди тобой всегда занимаются конкретные.
- Да и мы не абстрактные, нет?
- Я точно нет, а с тебя – станется. Где ты был в последнее время?
- Сначала в Штатах. Потом в Подмоскowie.
- Безвылазно?
- Да.
- Чего тогда сорвался?
- Я прикурил очередную сигарету от бычка, спросил:
- Игорь, теракт в отношении вице-президента «Континенталья» – это твой профиль?
- Крутов кивнул:
- Да. Значит, все так, как я и предполагал: подстава связана с убийством Крузенштерна.
- У тебя есть досье на нового президента банка?
- Господина Шекало?
- Да.
- Очень скромное.
- Чист как стекло?
- Хуже. Как ангелочек с крылышками. – Игорь поднял глаза к потолку. – Шекало Лаврентий Игнатьевич. Имечко же ему родители дали...
- Да и фамилия красивая.
- Ну. Тридцать пять лет, московский финансово-экономический, руководство приватизацией и прочими радостями где-то в провинции.
- Не Покровск?
- Нет. Тверь, Вятка, Самара? Сейчас не упомяну. Уточню. Да и подвизался он там недолго. Переезд в Москву. Среднее местечко сначала в госналогслужбе, потом в Минфине, потом где-то при президентской администрации.
- Обрастал связями?
- Почему нет? Потом – переход в «Континенталь», по неизвестным мне рекомендациям, вхождение в совет директоров, наконец, как апофеоз, президентство. «Континенталь» ведь банк не из последних.
- И из очень непростых.
- Это я догадался, – хмыкнул Крутов.
- Ты приглядывался к делу об убийстве Круза?
- Нет.
- Не любопытен? Или дело того не стоит? Или опасаясь нарушить профессиональную этику по отношению к отделению милиции, на чьей территории произошел теракт?
- Олег, не ерничай. К тому же это не теракт. Такой вид преступлений давно характеризуется как за-казнуха.
- Какой ты умный, Блин Клинтон...
- Дело сразу забрал ГУБОП.
- Ты же знал Круза.

– Дрон, в ГУБОПе работают профессионалы.

– Верю.

Крутов поморщился: разговор у нас явно не клеился.

– Олег... И ты, и я знаем, что «Континенталь» не простая контора. И разработку проводит как через спецов ГУБОПа, так и самостоятельно. – Глянул на меня, добавил: – Ты прав: если, конечно, это не инициатива господина Шекало.

– Или тех, кто поставил этого клоуна.

– Или так. – Игорь посмотрел на меня внимательно: – Ты уже влез в это дело?

Пожимаю плечами:

– Я влез в «это дело» тридцать с лишним лет назад. Когда родился.

– Опять философствуешь?..

– Эту «игрушку» можно или починить, или выбросить.

– Ты о чем?

– О стране. Но ведь для нас она не игрушка, а, Крутов?

– Дрон... Не гони.

– Виноват. Это я о своем, о женском.

– Вот о твоём, о женском, давай и поговорим.

– Слушаю.

– Ты знал девушку, что оказалась задушенной у тебя в постели?

– Нет.

– Ты уверен?

– Абсолютно. У тебя есть сомнения?

– У меня – нет. У тех, кто занялся этим делом...

– И кто?

– Местный райотдел.

– По типу «маньяк»?

– По нему. Дронов, ты никогда не задумывался, что идеально вписываешься...

– Задумывался. По всем имеющимся объективкам: солдат удачи, маргинал, темная лошадка...

– Подбираешь несовершеннолетних девочек в подъездах...

– Ты имеешь в виду?..

– Да. Сашу Лисовскую. Потом поселяешь у себя, потом устраиваешь в интернат...

– Надо же, быстро раскопали.

– И подшили. В нужном кому-то ракурсе. Кстати, где она теперь?

– Саша?

– Да.

– Полагаю, на море. Сейчас лето, а это очень дорогой интернат.

– Так вот: убитая, Макарова Наташа, училась в том же интернате, что и Саша Лисовская.

В старшем классе.

– И формально...

– Не формально, а предположительно... Да. Ты вполне мог с ней познакомиться и пригласить к себе. А учитывая твой «моральный облик»...

– Но я же...

– Дрон, ты дрался из-за Лисовской с парнями из пеньковской группировки?

– Это была не совсем драка.

– Тем не менее один из вьюношей, он ныне припухает в Бутырках, святым духом был за часы найден и дал премиленькие такие показания: девочку, Лисовскую, *продали* тебе пеньковские – для утех. Но вы не сошлись в цене, что и вызвало конфликт с мордобоем.

– Сволочь!

- Работа у него такая.
- Игорь, я с Сашей Лисовской не спал.
- Верю. Но кто еще поверит?
- Ее можно спросить.
- Этого делать никто не станет. Дрон, кому-то нужно набрать на тебя «лыка в строку».
- Грязную компру. И пока набирают. Успешно. Мне продолжить?
- Валяй.
- Эта девушка, Наташа Макарова, открыла квартиру своим ключом.
- Ей могла дать Саша...
- Мог кто угодно. А мог и ты. Дальше?
- Ага.
- Пришла с полными судками готовых кушаний, загодя заказанных по телефону аж в «Праге». Кем бы ты думал?
- Мной?
- Да. Пришла, прибралась в квартире, все приготовила... Ее пальчики везде.
- погоди, Игорь! Но ведь кто-то был с ней?
- Нет. Она девственница. Девочку раздели, или она сама разделась, и придушили. Впечатляет?
- Не особенно.
- Никаких других отпечатков, кроме твоих и ее. Причем ты, как особо циничный субъект, с аппетитом откусывал водочки с крабовым салатом после убийства... Маньяк? Маньяк. – Игорь помолчал, спросил: – Ну, что скажешь?
- Ничего. Лучше коньячку еще хряпну.
- Хозяин барин.
- Я плеснул себе коньяку, вопросительно посмотрел на Игоря, тот покачал головой. На нет и суда нет. Хотя пьянство в одиночку, пусть и в компании, признак начинающегося алкоголизма. Впрочем, одному не только пить плохо, но и жить. Одиночество чем-то сродни смерти.
- Чего мрачный? – спросил Игорь.
- А есть повод веселиться?
- Мы живы. А с остальным – разберемся.
- Как я понял, ты таки подписался, Крутов.
- Игорек сидел в кресле неподвижно, как огромное каменное изваяние.
- Да, я подписался, – произнес он одними губами. – Очень не люблю, когда душат девчонок. Достану и исполнителей, и заказчика.
- По закону?
- По понятиям.
- Крутов плеснул себе коньяку на доньшко, выпил глотком:
- Дрон, почему ты хотел встретиться в управе?
- Я хочу поговорить с Тамарой.
- Вдовой Крузенштерна?
- Женой.
- С женой?
- Я не уверен, что он убит.
- Игорь помрачнел:
- Олег, погоди... Я понимаю, Круз был твоим другом... Я читал ориентировку. Все ясно как день. Никаких разночтений. Шанса спастись у него не было.
- Я не поверю, пока не переговорю с Тамарой.
- Ты полагаешь...

– Да. Полагаю. Дима вполне мог сам организовать собственное «убийство». Особенно если была вероятность настоящего при новом руководстве «Континенталья».

– Так.

– Возможно, что так.

– Ты настаиваешь на встрече с Томой?

– Да.

– И как ты это себе представляешь? Она с детьми сейчас не просто под колпаком, она под тройным колпаком!

– Ты генерал, тебе виднее.

– Я не могу ни к себе ее вызвать, ни к ней тебя отвезти.

– Думай. В ГУБОП на допрос как свидетеля ее вызвать могут?

– Могут. Если она и приедет, то с кучей охраны и с бандой адвокатов от заботливого Шекало.

– Отсечь?

– Чтобы достоверно – маловероятно.

– В туалет она может захотеть?

– В туалет?

– Ну. Расплакаться, потом пойти умыться. Следовательно, что ведет дело, по положению генерал?

– Нет.

– Тогда пусть беседует с ней в генеральском кабинете.

– Это ты к тому, что...

– В генеральском кабинете должен быть туалет. И душ. Нет?

– Да.

– Вот там я и буду ее ждать.

– Хм... Гладко было на бумаге...

– А вот дальше думай ты.

– Угу. – Крутов уже о чем-то напряженно раз-мышлял. – Положим, в здание ГУБОПа я тебя про-веду...

– Не сомневаюсь.

– И с кем надо договорюсь...

– Надеюсь.

– Тебе нужно имидж сменить. Ты сейчас в «горячем» розыске, а бдительного сержанта не может просчитать никто.

– Нужно – сменим. Может, мне «сексуальным меньшинством» нарядиться?

– Может.

Крутов оглядел меня оценивающе. Встал. Открыл дверь:

– Настя?

Настя Сударенкова объявилась в довольно мрачной комнате-кабинете во всем блеске и великолепии. Блеск был куда большим, чем на московской улочке: единственной конкуренткой красавице лейтенанту здесь была потускневшая кустодиевская купчиха на стареньком календаре, второй век занятая бесконечным чаепитием. Женщина, конечно, в соку, но я небольшой любитель полненьких. Может, еще время не пришло понять всю прелесть домашних купеческих див?

– Посмотри на этого господина и подумай, что можно с ним сделать.

– Думаю, многое, – усмехнулась девушка. – Шампанское он мне уже предлагал.

– Я в смысле имиджа.

– Изменить до неузнаваемости?

– Скорее до невозможности идентифицировать.

Крутов подошел к столу, открыл папочку, извлек оттуда листок. На листке был я, собственной персоной. Молод и отчаянно хорош собой. Черно-белая фотоксерокопия под достойной красной шапкой: «Внимание! Розыск!»

– Надо же, успели! – удивился я.

– Люди готовились загодя, – скривил губы Крутов.

– Ну что? Делаем из меня красавца блондина? Чтобы два метра ростом, косая сажень в плечах и бакенбарды. Кавалергард, а?

– Если только карликовый, – хмыкнул Крутов.

– Ну не такой уж и карликовый... – «обиделся» я.

Девушка глянула на фото, пробежала глазами текст, подняла на меня завораживающие зеленые глаза:

– Ну надо же! Никогда не имела дело с маньяком.

– В этой жизни все когда-то впервые.

Глава 16

Через три четверти часа на меня из зеркала смотрел седовласый господин. Краску Настя наносила аккуратно, и седина смотрелась натурально. Остается надеяться, что контрабандный краситель сработал не на Малой Арнаутской и после первого же дождя не даст «радикальный зеленый цвет». Волосы мне девушка зачесала назад, уложила феном; небритость превратилась в короткую бородку. Мокасины пришлось сменить на литые итальянские ботинки, в коих, по мнению создателей, индивид должен чувствовать себя твердо стоящим на земле.

Облаченный в собственные джинсы и в светлый пиджачок фирмы «от Крутова», выглядел я теперь достаточно импозантно. Вошел Игорь, сличил индивида с фото на розыском листе, хмыкнул:

- Хорош.
- Крут?
- Как пороссячий хвост.

Лейтенант Настя, не обращая внимания на наш треп, прищурилась, оглядывая «произведение». Вообще-то она молодец. Ибо основной принцип маскировки таков: менять надо не внешность, а имидж. Сейчас я был не бывшим разведчиком-аналитиком и хрестоматийным маргиналом с навыками массированного рукопашного боя и хорошей оперативной подготовкой, а уважаемым ученым, сумевшим неплохо устроиться в этой новой реальности, называемой на три буквы: СНГ.

А девушка произнесла:

- Глаза.
- Наглые? Это у меня с детства.
- Да нет...

Я прищурился, пытаюсь изобразить китайца:

- А так?

Девушка прыснула:

- Лучше не бывает. – Посерьезнела: – Я имею в виду цвет.
- Хм... Хорошо бы небесно-голубой, а?
- Вы умеете носить контактные линзы?
- Не пробовал.
- Анастасия, не мудри, – вмешался Крутов. – Надень на него «хамелеоны».

Очки нашлись: в стиле семидесятых, умеренно затемненные, они выглядели как мой вполне давний атрибут, носимый «ученым-экономистом» по близорукости.

- Доволен? – спросил Крутов.
- Угу. Только одно замечание. Ученый? В пиджачишке за штуку?
- Почему нет? – отреагировала Настя. – Сейчас многие работают экспертами-советниками у важных персон. Приобрели и состояния, и респектабельность.
- Во-во, – поддакнул Крутов. – Лившиц. Вылитый.
- А может, меня, раз такая пьянка, в рыжий цвет перекрасить?
- Граждане не поймут.

Ну что тут возразишь? Генерал. И мыслит по-генеральски.

Крутов прошел в кабинет, сделал несколько телефонных звонков. Вернулся:

- Через три часа будьте у управы.
- В шестнадцать? – уточнил я.
- Да. Раньше не получится. Мне сейчас нужно уехать. Сударенкова останется с тобой.
- И чем нам заняться?
- Чем хотите. Только по проспектам не маячьте.

- У тебя тут компьютер имеется?
- Обязательно. И кудесник-программист при нем.
- Интернет?
- Да.
- Красиво жить не запретишь. И на какие шиши?
- Дронов, ты что, налоговая полиция?
- Просто жаба давит. Отхватили ничейный особняк в центре родной столицы, напичкали аппаратурой и прикидываетесь шлангами. Преступность почему не искоренена?
- Дронов, если такой зануда, подавайся в нардепы и промывай мозги коллегам. Мне своих начальников хватает.
- У генералов есть начальники?
- Больше, чем я мог представить, когда был вольным полканом.
- Нет в мире совершенства.
- Никакого.
- Разве только коньяк.
- Коньяк хороший.
- И – девушки.
- Дрон!
- Все. Уже замолчал.
- Ты меня загрузил за утро по самое «не хочу». Займись лучше своим прямым делом.
- Ви, мон генераль. Каким?
- Думай.

Хорошо сказано: «Думай». По-генеральски. Некоторые наивно полагают, что разница, скажем, между полковником и генералом всего в одно звание. Фигушки. Как говорил покойный Скалозуб, дистанция огромного размера. На всю длину лампас. Генерал – это нечто почти фольклорное. «Он был титулярный советник, она – генеральская дочь...» Или: «Что я голым скакал, что я песни орал, а отец, говорил, у меня – генерал!» И жена генерала – это не просто женщина, а генеральша!

- Над чем задумались, Олег Владимирович?
- Комплексую, Настасья.
- Чего?
- Вот уже и седой вашими стараниями, и пенсне надел, аки «интеллигент собачий», а люди – в генералах. Почему такая несправедливость?
- Игорь Петрович очень умный.
- Да? А я, выходит, очень глупый?
- Олег Владимирович, хотите по секрету?
- По женскому? Весь внимание.
- Игорь Петрович на самом деле вас очень ценит. Чрезвычайно.
- Еще бы! Не ценить такого молодца! Умный, красивый, в меру упитанный и в очках!
- Я не вполне точно выразилась. Игорь Петрович считает вас не просто умным, а... Как он когда-то выразился, вы из тех редких птиц, без которых людям не выжить.

Признаться, я несколько растерялся от такой ее откровенности. Приятно, конечно, тем более что умереть от скромности мне точно не грозит, но... Культиви-ровать собственную значимость – это загнать себя в угол. А история нас учит: у Грозного появляется Малюта, у Сталина – Лаврентий, у Горбачева – Раиса Максимовна.

- Милая барышня, он шутил.
- Крутов?
- Ну. Когда мы были молодыми и чушь прекрасную несли...
- Что?

– Пардон. Это из песни. Так вот: мы с Игорем Петровичем занимались в драмкружке. При Театре юного зрителя. Причем Крутов играл в постановке шелудивого розыскного волка, а я, как водится, горного орла. С тех пор он и сохранил по отношению ко мне некоторый комплекс неполноценности.

– Комплекс чего у Крутова? – подняла девушка брови.

– Ее. К тому же в английском языке звук «th» ему никогда не давался... Тут и корова закомплексует!

– Дронов!

– Да?

– Вы все же ужасный балабол!

– Это я от застенчивости. Такая красавица, да еще и лейтенант! Я представил вас в мундире на нагое тело и...

– Олег Владимирович!

– Да?

– Крутов прав: займитесь своим прямым делом.

– Каким?

– Думайте. А я приготовлю вам кофе.

– Нам, Настя.

– Хорошо. Нам.

Хм... И почему даже хорошенькие девушки уверены, что думать – мое основное занятие? А помечтать? Ну да... Мечтать не вредно. Как и думать. Но иногда поздно. Надеюсь, мне пока не поздно.

Думай. Над чем? Все дело в том, что... Обозрев свою жизнь за крайние пяток лет, могу лишь искренне во-просить: ну и что? Рисковал, подставлялся, упирался, и – что? Богатые – богатеют, бедные – гундят, молодые колют иглы в вены с таким остервенением, как будто это обещает им Царствие Небесное... А чем нас радует пресса? Очередные угольки бессменно и без-надежно голодают, общежитие будущих инженеров-оборонщиков повально торчит на игле, в общежитии будущих педагогов-воспитателей сифилиуга бродит шальной волной, как призрак коммунизма по Европе... Похоже, даже молодым окружающий мир опротивел до самой последней степени.

Ну а то, что происходит во власти и вокруг нее, я если и понимаю, то даже опасаясь формулировать. Без того тошно.

Так что все промелькнувшее «житие мое» укладывается в простенькую русскую поговорку: «Бодался теленок с дубом». А может, и хорошо, что я не дуб? Наверное. Жаль только, что не экскаватор. С вертикальным взлетом. А то бы мы посмотрели, кто кого перебодал бы!

Впрочем, сослагательное наклонение применительно к собственной жизни употребляют только придурки. Этак любую жизнь можно превратить в сплошное несчастье, стоит только начать вспоминать, что ты в ней упустил. Лучше – думать о том хорошем, что действительно было. Это и есть праздник, который всегда с тобой.

Думай. Над чем? Кто и почему меня подставляет? Ответов пока – воз и маленькая тележка. Видимо, приезд Димы Круза ко мне не остался незамеченным. Как и его интерес к Покровску. Вопрос: это его интерес, интерес банка «Континенталь», интерес господина Шекало лично или тех, кто стоит за ним? Чьи интересы пересеклись или оказались задеты в неведомом мне По-кровске? Какая роль отведена мне? Если просто меня хотели бы убрать, то застрелили бы безо всяких фокусов с подставой убитой девчонки. Зачем они это делают? Кто – «они»?

Как там в студенческом эпосе неизвестного мне автора?

«Эйк лежал в ванне и ловил глюки. Глюки ему не нравились, в них было мало секса. Последний глюк был особенно противный. Эйк посмотрел на стрелки кумметра. Кумметр

показывал двадцать мовсесянов. Эйк открыл газету «Суровая правда» и начал интуичить. Проинтуичив пару парсеков, он снова посмотрел на стрелки кумметра: кумметр показывал двадцать мовсесянов. «Дрюм-дрюм-ту-ту!» – грязно выругался Эйк и заколебался».

Дрюм-дрюм-ту-ту. Ни один из поставленных вопросов не решить без детальной проработки и ознакомления с ситуацией. Ни один из вопросов не решить, не выяснив, жив ли Дима Крузенштерн. Круг.

Круг – самая одинокая фигура. Состоящая из бесконечного множества бесконечно малых прямых, замкнутых в бесконечности. Круг, или, как его обозвали бы математики, окружность – символ сознания и мироздания, как и вечности. Ибо бесконечно малые прямые – это точки, стремящиеся к исчезновению. Вот такая вот странность: он есть и его нет. Мираж, ставший колесом. Колесом истории, фортуны, мироздания. Кругом бытия.

М-да... «Эйк лежал в ванне и ловил глюки. Глюки ему не нравились... А в это время из звездолета вышел робот по кличке Железный Чувак».

– Кофе готов. – Настя появилась с подносом и поставила его на столик. Присела в соседнее кресло.

Нет, зачем красивые девушки с замечательными веснушками на милом, чуть вздернутом носике становятся лейтенантами, мне не понять. Красота сама по себе столь редка, что место ей в музее. Вернее, на подиуме: терпеть не могу краеведческих музеев, где под запыленным стеклом бережно хранится, скажем, носовой платок, в который сморкался проездом сам Николай Гаврилович Чернышевский! Ничего в такой экспозиции нет, кроме провинциального чванства: дескать, не в одних столицах творится история! С последним я согласен, но... В музеи порой идут люди работать «старичками» и «старушками». От возраста это никак не зависит. Зато живут долго, как черепахи!

А женская красота... Она преходяща, недолговечна, уязвима, трогательна и неуловима, как музыка, как дуновение ветра, как легкая дымка летним теплым днем... А мужики... Ее-то они как раз чаще всего и не замечают. И делятся на коллекционеров и эстетов. Коллекционеры вылавливают бабочек да накалывают на булавки; эстеты рассуждают и думают о символах, а не о людях.

– Олег, кофе остынет.

– Не успеет.

Отхлебываю, поддвигаю к себе телефон:

– Защищен?

– Да. Технари «чистят» здесь все два раза в день.

– Как Маленький Принц – вулканы?

– Вулканы?

– Ну да. Маленький Принц чистил вулканы. Чтобы они не разорвали его планету. Впрочем, мы все этим занимаемся. И ты, и Крутов, и я, грешный.

– Где-то я слышала...

– Это Экзюпери.

– Ну да. У меня и книжка есть. Я даже пыталась ее прочесть. Но дошла только до слоненка в удаве. И мне стало страшно. И жалко слоненка. Вот я и не стала читать дальше.

Я рассмеялся:

– Аналогично. Я начинал Экзюпери и в десять лет, и в двенадцать. И тоже закрывал на слоненке. Прочел только в двадцать два, когда, так сказать, окреп физически и морально. Впрочем... Я до сих пор боюсь змейку, которая ужалила Принца. И еще мне жалко Лисенка. Странно... Слова «жалить» и «жалость» похожи.

– Вы о чем, Олег?

– Теперь уже сам не знаю.

Глава 17

И что теперь? Чтобы хоть как-то прояснить ситуацию, нужно звонить в «Континенталь». Впрочем, в свете новых веяний и назначения господина Лаврентия Шекало это может быть чревато. Хотя чего бояться в этой жизни, кроме мух? А мухи – это маленькие птицы! Только умнее.

Ну да! А кто умнее мух и прочей летучей твари? Конечно Николай Николаевич Кулдаков! Я познакомился с ним в позднем отрочестве, через Круза: они вместе занимались то ли в радиомодельном, то ли в электротехническом кружке. Вообще-то, несмотря на убойную фамилию, он был классическим маменькиным сыном: рыхловатый, веснушчатый и шибко умный. Да и прозвище у него было вовсе не Кулдак, а Ника. Даже не прозвище – уменьшительное от Николай с легкой руки матушки пристало к нему пожизненно, хотя Ника уже после двадцати до красноты злился, когда его именовали именно так. Но что поделать, Ника, он Ника и есть.

Как-то он пришел к Димке в гости, попаять что-то там жутко умное и коротковолновое, уходил вечером, и угораздило его нарваться на нашенских мальчуганов, Кишку и Злыдня. Ника легкую такую проверку на вшивость профукал полностью, и быть бы его холеным щекам битыми, да Димара вовремя вышел на балкон втихарика от предков выкурить заныканный бычок – вы-скачил, вопрос разъяснил.

У меня, по правде сказать, душа к Нике Кулдакову не сильно лежала, но впоследствии я философически отнес сие к отроческому максимализму, когда трусость является наименее простительным недостатком, а крепкие кулаки – наиболее предпочтительным достоинством. Дима меня убедил: не все рождены бойцами, и при заячьей душе мозги могут быть золотыми и даже бриллиантовыми. Он – учен, ему – виднее. В тот же «Континенталь» Ника Кулдаков был пристроен по Диминой настоятельной рекомендации, быстро выдвинулся и занял пост начальника технического отдела, ставшего вскоре именоваться пышно: компьютерный центр. Вот его-то номер я и набрал. Подвиги Рембо от него я требовать не стану, а вот кое-какую информацию – пожалуй.

– Вас слушают, – раздается в трубке женский голос, похожий на скрип ножа по стеклу.

– Мне нужен Николай Николаевич.

– Извините?

– Кулдаков. Директор компьютерного центра.

– Кулдаков у нас давно не работает. Уже год.

– Да? И где он работает?

– Я не знаю. Может быть, мы сможем вам помочь? Вы по какому вопросу?

– По личному. У меня кобель неповязанный, у него – сучка породы «грэм магиструм».

Каурой масти.

– Это банк.

– Очень приятно.

Вешаю трубку, не дожидаясь коротких гудков отбоя, – меня это всегда нервирует. Набираю домашний Ники. Трубку берут после восьмого гудка.

– Вас внимательно слушают, – вещает вежливый голос.

– Вероника Матвеевна, это Дронов.

– Кто? Дронов? Разве вы не уехали?

– Я уже приехал.

– И где вы были?

– В Штатах.

– О, мой Ника ездил в Штаты, по работе, и мог бы возглавить здешнее представительство довольно крупной фирмы, название я теперь запомнила, и что же? Эта его ненормальная...

Ненормальной мама Кулдакова называла любую женщину, имевшую счастье связать себя с ее сыном.

– Эмма?

– Эмма? Нет, Эмма ушла к Конечкому. Вы же помните, Олег, что это была за девица! Но не успела эта непутевая Эмма отстать от бедного мальчика, так что вы думаете? Его тут же окрутила некая Наталия, весьма молодая и весьма эксцентричная особа. И где бы, вы думали, они сошлись? На фирме! Служебный роман с секретаршей, вы можете себе это представить? Ника ее и называет на странный манер: Натали. И эта потаскуха, я вам скажу, совершенно запустила Николенку! Вы же знаете, с его желудком есть все эти гамбургеры... Она ничего не желает готовить! Я была у них, и – что же? Вместо нормальной еды Нике приходится кушать эту отраву, эту копченую осетрину из пакетиков! Там же консерванты! Я вам скажу: чтобы хорошо жить, нужно хорошо кушать, а хорошо кушать можно только приготовленное... Но разве эта мерзавка хочет что-то слушать? Разве она может заботиться о моем сыне? Вы можете себе представить, Олег, Ника поправился, нет, скорее погрузнел, и полнота его какая-то нездоровая! Когда он жил дома...

– Вероника Матвеевна, я могу ему позвонить?

– Нике?

– Да.

– Конечно. А вы помните Голембиовских?

– Голембиовских?

– Ну да, они ведь были наши соседи по даче. Вы же бывали с Димой у нас на даче?

– Пару раз.

– Ну, тогда вы не можете не помнить Голембиовских!

– Возможно... Но смутно.

– Ну как же, Стасик Голембиовский был красавец мужчина, он даже немножко ухаживал за мной, но Кулдаков, я имею в виду Николая Карповича, никогда не ревновал меня к Стасику, к Стасику вообще невозможно было никого ревновать, он был такой обходительный, но ревновать к нему женщину не имело смысла, вы меня понимаете? Так вот, его отец, Вацлав, он был тогда уже очень старый, вернее, выглядел таким, а что вы хотите, двадцать лет сталинских лагерей? Его взяли туда прямо из Львова, в тридцать девятом, но, несмотря на это, он всегда выглядел как настоящий пан и очень любил, когда его так и называли: пан Вацлав. Он хотел на старости лет съездить на родину, в Краков, но вы же помните, сначала этот Валенс с «Солидарностью», потом Ярузельский с военным режимом... Кошмар, что творилось! Вы помните?

– Вероника Матвеевна, я...

– Да, вы правы, речь не о них. Но у Вацлава, кроме Станислава, имелась еще и дочь, Оленька, когда вы были детьми, она была еще совсем малюткой, крохой, но посмотрели бы вы на нее теперь! Преподает в консерватории, вращается в приличном обществе и не замужем. Нет, и у нее есть свои недостатки, но у кого их нет? Ольга, по крайней мере, может держать себя в обществе, играет на фортепиано и умеет готовить, представьте себе! А эта Натали? Разве она пара Нике? В конце концов, он не стриженный новый русский, он человек интеллигентной профессии... А в такой профессии карьера мужа часто зависит от такта жены, от умения создать ему условия... Ему нужна достойная партия, и Ольга мне представляется как раз такой. Но Ника ничего не желает слушать, ничего! Может быть, вы его убедите, Олег? Вы женаты?

– Нет, но я...

– Это поветрие среди современной молодежи. Просто поветрие. И называется «гражданский брак». Как будто мы с отцом Ники жили в церковном! Отец Ники, если вы помните, был заместителем председателя райисполкома, и позволить себе венчаться тогда – это означало погубить карьеру! А сейчас? Все стоят со свечками, и это похоже на выездное заседание парткома в церкви! Вы не находите?

– Вероника Матвеевна, я по делу, мне нужно спешить...

– В этом беда всех в наше сумасшедшее время. Вы думаете, Ника проявляет хоть какую-то внимательность ко мне после появления этой Натали? Да я не видела его целую вечность! Нет, он знает, что я не одобряю его выбор, но разве это повод, чтобы забывать мать?

– Вероника Матвеевна, вы не могли бы дать мне его новый телефон...

– Телефон?

– Да. Номер телефона.

– Они с Натали живут где-то на Сретенке, но я там не бываю. И никогда туда не звоню. – Я представил, как Вероника Матвеевна обиженно поджала губы. – Эта девица, она... А впрочем...

– Вероника Матвеевна, он, по-видимому, сейчас на работе...

– Да, да... В свое время мы тоже работали, но разве мы забывали своих родителей? Вы по-прежнему работаете в банке?

– Нет.

– Ника тоже уволился. Я просто счастлива, что мой Ника оттуда ушел! Вы же знаете уже эту ужасную историю с Крузенштерном?

– Да.

– Да-да, я помню, вы же дружили... Ни для кого теперь нет ничего святого. Человеческая жизнь ничего не стоит! И они еще ругают прошлое застоём! Когда Николай Карпович Кулдаков был председателем райисполкома, ничего подобного произойти не могло! Наше поколение было ответственным. А сейчас? Взорвать автомобиль посреди бела дня! Это кошмар! У меня даже случился приступ! Я вам скажу, пока банком руководили Иноземцев, Гридин и Крузенштерн, это было солидное заведение для состоятельных людей! А что теперь? Этот Шекало... Его никто не знает в Москве, но вы же представляете себе этих провинциальных выскочек, выдвиженцев... Их и в прежние годы хватало, но раньше они подчинялись хоть каким-то правилам, а теперь... Я даже говорить не хочу ни о чем!

– Вероника Матвеевна, а где Николай работает теперь?

– Он директор. Предприятие называется «Контекст», и я вам скажу, это весьма респектабельное предприятие с совместным капиталом. Если бы еще Ника не связался с этой мерзавкой Натали! Вы же знаете Нику, он красивый и благородный мальчик из хорошей семьи, и любая вертихвостка готова затащить его в постель и женить на себе! Притом совершенно наплевав на его здоровье, забывая, что мальчику нужна прежде всего забота! Вы же знаете, как теперь это делается у нынешних девиц...

– По-моему, так делалось во все времена.

– Ну уж нет! В наше время...

– Вероника Матвеевна, Николай сейчас, я думаю, на работе.

– Ах да. Вам нужен номер телефона. Записывайте. – Она продиктовала номер. – Только сразу должна вас предупредить: это телефон секретарши, этой длинноногой пигалицы... Что до меня, то я Нике вообще не звоню, под ее влиянием он стал совсем груб, да и... Сначала слышишь ее визгливый голосок, потом... А однажды Ника меня натурально отчитал! Дескать, не нужно ему звонить, он уже вырос из коротких штанишек и обходится без слюнявчиков! Разве можно так говорить с матерью?

Кажется, Вероника Матвеевна загрустила, ушла в себя, потеряв запал и инициативу в разговоре; я поспешил воспользоваться этим, чтобы вежливо окончить бесконечное:

– Спасибо, Вероника Матвеевна. Я ему дозвонюсь.

– Да-да, Олег... – отозвалась Вероника Матвеевна, продолжая горевать о своем. Вдохнула: – И напомните ему, пожалуйста, что в понедельник день рождения Гоши!

– Обязательно напомню. До свидания.

Кладу трубку и долго тупо взираю на телефонный аппарат.

– Еще кофе? – сочувственно спрашивает Настя.

– Угу. И какао с чаем. И можно без хлеба. Анастасия, у вас в каком компьютере база данных?

– Во всех.

– Тогда заводим генеральский.

Через минуту я уже высветил фирму «Контекст». С дежурной характеристикой. Впрочем, мне совершенно по барабану, кто держит в «Контексте» «крышу» и с кем проводит свободное от контекстуальных занятий времечко ее соучредитель, гражданин Нидерландов Леопольд Ленц. В нынешних фирмах антураж и содержание нередко не просто не совпадают, но противоречат друг другу. Если я что и почерпнул, так это информацию к размышлению. Торговля компьютерами и программами. Таких по Москве – тысячи.

Набираю номер.

– Фирма «Контекст».

– Это Наташа?

– Да-а.

– Будьте любезны, Николая Николаевича.

– Кто его спрашивает?

– Дронов.

– Минуточку.

Голос у «этой мерзавки Натали», так раскормившей Николя копченой осетриной, оказался вполне мелодичным, с легкой характерной хрипотцой и спокойной игривостью светской стервы, знающей себе цену; но и увидеть ее мне тоже любопытно. До встречи с этой милой барышней Ника предпочитал дам-с не моложе сорока пяти – всеведущая материнская забота сыграла с ним эту шутку.

– Олег? – Голос Ники в трубке звучал испуганно-озабоченно. Или мне показалось?

– Он самый, собственной персоной. Почему так неуверенно?

– Ты откуда звонишь?

– Из центра.

– Из какого центра?

– Тайного масонского клуба «Зеленые панталоны». Имени и под руководством Юстаса Алексовича Штирлица.

– Шутишь...

– Хочу скрасить тебе жизнь.

– Ты вроде был за границей...

– А теперь внутри ее.

– Ты... Ты знаешь про Крузенштерна?..

– Да.

– Жуткая история...

Тон Ники, варьирующий от тихого в стиле «умирающий лебедь» до очень тихого: «простуженный удав», говорил о том, что Кулдаков напуган. И может быть, даже не чем-то конкретным, а вообще по жизни. А телефон, по коему мы вели пока не ставшую задушевной беседу, скорее всего «грязный» по определению. Тем более чем занимается фирма «Контекст», судя по вялой аналитической раскладке в генеральском компьютере, – тайна, покрытая даже не мраком, а бесконечной рябью помех по оч-ч-чень мутной водиче. В ней, как известно, хорошо ловить всякую рыбку, но можно и заиграться. Это для индейца Амазонии аллигатор является закуской; нормальный же гражданин, встретившись с этим противоречивым пресмыкающимся, уходит на корм собственной персоной.

Но антимонии разводить мне было совершенно некогда.

– Ник, мне нужно с тобой увидеться, – проговорил я самым нейтральным тоном, на который был способен.

– По поводу убийства?

– Да.

– Но... Какой в этом смысл?

– Я хочу кое-что выяснить. Ты ведь успел поработать под началом Шекало Лаврентия Игнатьевича?

– Совсем недолго, и...

– Тогда я спрошу так: с самим Димой ты давно общался?

– Нет. Не очень. Не знаю даже...

– Когда именно?

– Недели две назад. Или три.

– Он не был чем-то взволнован? Испуган? Озабочен? Может быть, упоминал какие-то проекты? Города? Снежногорск, например, или Покровск?

– При чем здесь Покровск! – сорвался Ника. – Крузенштерн взорвали, убили, понимаешь, а ты звонишь мне и начинаешь задавать странные вопросы... Олег, ты давно не был в Москве, ты многого не знаешь... И это не телефонный разговор.

– Вот и давай встретимся. И поговорим тет-а-тет в любом назначенном тобою месте.

Снова пауза. На этот раз – длинная.

– Понимаешь, Олег... – начал по-интеллигентски Ника, голос его стал похож на шепот премудрого пескаря перед поимкой. Потом Ника исчез, объявился Николай Николаевич Кулдаков, директор процветающей фирмы с многообещающим названием и неясными перспективами... Вот этот второй и произнес: – Это невозможно. Да и вообще это не наше дело, есть милиция, прокуратура, ФСБ, наконец!

– Ты что, Ника?! Димку убили! Или ты думаешь, что я буду сидеть и ждать, пока прокуратура будет доказательства причастности собирать?! Для суда присяжных? Да, меня не было в Москве больше года, я плаваю здесь, как карась из Патриарших – в Амазонке, ну так просвети меня, тупого, что здесь к чему и что почему! Назначай место встречи, гнида, палец мамин, или я приеду сам и расхреначу тебе всю рожу!

Дальше была пауза. Пусть не минутная, но... Неплохой, хотя и боязливый парень Николка боролся с начальником и обеспеченным господином Николаем Николаевичем Кулдаковым. Да, Дима Крузенштерн некогда очень помог Нике и с работой, и с перспективами, и с квартирой; да, Олег Дронов некогда отмазал Нику от разборки с ревнивым мужем зарвавшейся гулящей бабенки, который был в те поры инструктором московского горкома и коему для того, чтобы стереть в мелкий порошок сластолюбца Николку Кулдакова, усилий нужно было приложить не больше, чем улитке для переползания по влажному листу... Да, все это было, но в этой ли жизни? И какое отношение сие имеет к преуспевающему Николаю Николаевичу, к сорока с лишним годкам познавшему наконец любовь и ласку «мерзавки» моложе сорока пяти, разъезжающему на скромном «саабе» и нездорово полнеющему от кушаемой не в меру осетрины? Да и... Нет больше Димы Крузенштерна, а смерть списывает моральные обязательства куда надежнее, чем материальные... А Олег Дронов... Кто он, собственно, такой? Непонятного залета птица, готовая черной тенью зависнуть над покойной и обеспеченной жизнью директора и фирмача Кулдакова...

– Нет, Олег Владимирович. Не вижу ни смысла, ни необходимости, – подвел черту под хлипкими сомнениями трусоватого паренька Ники преуспевающий Николай Николаевич. Даже для верности меня «Владимировичем» обозначил, скотина! Дескать, как в песне: «Улетели деревянные лошадки, пароходики бумажные уплыли...»

Врезать бы ему сейчас, суке! Но я сдержался даже от матерщины: что толку, если душа – калека? Ладно, отец буржуй – дите невинно. В данном конкретном случае то, что сын у

Вероники Матвеевны вмес-то мужика вырос трусливым и жалким обормотом, не столько ее вина, сколько беда.

– На нет и суда нет, – выдохнул я. – И кстати... Матушка твоя просила передать, что в понедельник день рождения Гоши.

– Гоши?

– Ну да. Жоры, Геры, Юры, Георгия... Уж как вы его величаете в узком семейном кругу...

– Гоша – мамин попугай.

– Пожелай ему от меня счастья в личной жизни, – произнес я и повесил трубку.

Глава 18

– Разговор не задался? – осторожно спросила умная лейтенант Настя, войдя в кабинет, лишь мельком взглянув на меня.

– Да разговор – леший с ним! Человек жизнь свою на осетрине проел. До костей.

– Ну и леший с ним, с таким человеком, – в тон ответила Настя, глядя на меня распахнутыми зелеными глазами.

– Леший с ним не поведется. Разве только домовой. Да и то – расстрига. Как нам разыскать в ваших «банках» родной «Континенталь»?

– Секундочку.

Девушка побегала «мышкой» по «коврику», вышла на «панель», нашла бегунком искомую строчку и нажала «ввод». Эротичность ее действий меня просто завораживала.

Приник к экрану. Пролистал несколько страниц файла. Поднял недоуменно глаза:

– Что это Крутов здесь намудрил? Это даже не объективка на банк, это речевка для октябрят моего детства!

– Информация достоверная. Все телефоны и фамилии...

– Анастасия, не фармазонь и не мети пургу! – ввернул я ей тест на профпригодность. – Меня интересует реальная информация, а не слабительные для обермененных властью! – Надо же, чуть не сказал «беременных» – это было бы почти неприлично!

– *Реальную* информацию Игорь Петрович в компьютере не держит. «Обермененным властью» она показалась бы слишком.

– А над любым генералом есть другой генерал.

– Не считая чиновников. Хотя их-то как раз считать приходится. И не по головам, а по членам.

– А где держит? – прервал я умную девочку. – В сейфе?

– В голове.

– Резонно, – согласился я. Ибо стараюсь поступать так же, хотя не генерал и проверка и «выемка» от бравых парняг из управы собственной безопасности мне не грозит. Да у меня и дома-то нет. Дом предполагает блестящий никелем и кафелем сортир, малиновый борщ, постель с крахмальным бельем и слоников на комод. Или нэцкэ. Или дизайн от Гильфердинга. Это кому что по средствам.

А может, я – бродяга по жизни? Давным-давно, в незапамятно-юношеские времена один приятель обозвал меня «бездорожником». В хорошем смысле этого слова. Да еще и в стихотворной строке: «Бездорожник упрямый, бездомник...» Пятнадцать лет минуло. Это много. А вот пять тысяч четыреста пятьдесят восемь дней, их составляющих, – всего ничего. Как разменные деньги. Тем более редко кто мыслит категориями тысяч даже в деньгах: в основном от зарплаты до зарплаты. А золотые песчинки дней просыпаются как мелочь сквозь пальцы. В никуда.

Время... Чтобы поспеть за меняющимся временем, нужно быть хоть на чуть-чуть впереди него.

Что изменилось за пятнадцать лет, кроме мира во-круг? Ну да, дефиницию «бездорожник» теперь лучше заменить «внедорожник». А это слово переводится на чистопородный англо-американский благородно: «Landrover». Массивный, маститый джип из самых-самых, с широкими протекторами, табуном коней под капотом и никелевым блеском над желтыми тигриными зрачками противотуманных глаз...

– Над чем так напряженно задумались, Олег Владимирович? – склонилась ко мне Настя.

– Жалею.

– О чем?

– Ни о чем. Себя.

– А нужно?

– Конечно нет.

– Знаете... Я думаю, вы давно были бы генералом. Если бы захотели.

– Я тоже так думаю. Вам нравятся «лендроверы», лейтенант Настя?

– Не особенно. Вернее, машины нравятся. А вот сидящие в них люди – не очень. В таких машинах должны ездить археологи, геологи, короче – ученые. А не бандиты.

Хм... Прямо не в бровь, а ниже. Профессионалов используют. Все и вся. Спекулируя на разном: от чувства долга и чести до семейно-денежных проблем. А вот интересно, кто и с какой целью намерен на этот раз использовать внедорожник под названием «Дронов»? И с какой целью?

Вопросы к оперативной разработке. Жаль, что не ответы.

– Хотите еще кофе? – спрашивает девушка.

– Лучше шампанского. На брудершафт.

– Я за рулем.

– А за знакомство?

– К тому же здесь нет шампанского.

– Дольем коньяк минеральной. Митькиг бы одобрили.

– Кто такие «митькиг»?

– Это вопрос не одного часа. Читайте Довлатова. Так что? Я не вижу иного способа перейти на «ты».

– Лучше не стоит. Вы – мой патрон.

– Патрон?

– Ну да. Крутов приказал вас охранять.

– Что?! – Вот такой подлянки от Крутова я не ожидал: она даже не генеральская – маршальская!

– Охранять. Или вы считаете, что я не способна?

– До сих пор полагал, что охранять – прерогатива мужчины.

– Это ошибочно. К тому же в этом вы – непрофессионал.

– Да? И почему, лейтенант Настя, ты сделала такой вывод?

– У вас руки разбиты. Значит, вы дрались. Так?

– Не без этого.

– Профи не дерутся. Профи противника отключают или устраняют.

Смотрю в глубокие зеленые глаза очаровательной девушки, и мне становится не по себе. Нет, я понимаю, что специальная подготовка может сделать из любого человека со способностями боевую машину пехоты с вертикальным взлетом... Я понимаю, что в войне нет места сантиментам, а в тайной войне женщины порой успешнее многих мужчин. Но эмоционально принять этого не могу. Эмансипация кажется мне для мира не менее губительной, чем алкоголь: женщина должна быть нежной, мужчина должен хотеть ее защитить, а не наоборот; иначе мужики перестают быть мужиками, быстро деградируют: кто – в нюнь, кто – в самцов, а мир превращается в ухоженный бардак.

– И тебе приходилось «отключать» и «устранять», лейтенант Настя?

– Я не стану отвечать. Олег Владимирович... Знаете, как называются ваши вопросы? «Скрытая половая дискриминация».

– Половая – чего?

– Дискриминация.

– Поня-а-ал, – глубокомысленно произнес я, сделав ударение на последний слог.

В Штатах эта самая «дискриминация по половому признаку» именуется даже специальным термином «sexism». Усомниться в возможностях милой девушки отслужить в морском

спецназе и завалить в рукопашке десяток супостатов – сексизм. Поднести даме тяжеленную сумку – сексизм; заплатить за нее в кафе – тоже. Вот и бродят неприкаянные мужики сами по себе, боясь оскорбить «слабый» пол вниманием, и, поразмыслив, покупают гуттаперчево-силиконовых кукол с сертификатом соответствия на все завлекательные места: все «как в жизни», только без излишних бабских затей и мужеских обязательств.

Тамошние тетки тоже получили все, за что боролись: прокладки, исключаящие протекание даже в тропический ливень, вибраторы, настроенные на суперменскую частоту фрикций, подгузники, оберегающие кожу малышей, и – заботу государства, выплачивающего пособия на деток при разводе, дабы свободная личность женщины могла свободно их не воспитывать, а развивать свои таланты, умения и навыки в согласии с природой. Кучеряво задумано!

Закуриваю сигарету и вздыхаю: ну и гундосый я стал! Может, Крутов решил позаботиться обо мне в такой вот изысканной форме? Зная склонность индивида к немотивированным поступкам? А у девушки, помимо классной фигурки, замечательных глаз, веснушек, умения рукопашного боя и простейших навыков конспирации, еще и легальный ствол и крутая ментовская ксива: последние две вещицы могут особенно надежно охранить в московских джунглях от многих неприятностей! Если, конечно, мое противостояние неизвестно с кем не перейдет из латентной фазы в скоротечную. Чего, собственно, и добиваюсь.

– Выходит, Анастасия, ты мой ангел-хранитель?

– Выходит, так. И не надо иронизировать и комплексовать, Олег Владимирович, я действительно классный специалист.

Это кто из нас комплексует? Хм... Наверное, оба.

– Верю. Тогда тем более необходимо выпить на бру-дершафт! Анастасия, ты просто обязана перейти со мною на «ты» – в целях полной скрытности и особой секретности патронажных отношений объекта и субъекта! Убедил?

Девушка пожала плечами.

Я тем временем плеснул в стаканчики коньяк.

– Только символически, – предостерегла меня Настя.

– Да я иначе и не пил никогда!

Долил коньяк модной патриаршей минерально-ключевой с пузырями:

– Голь на выдумки хитра. Не «Клико», но свой аромат имеет! За знакомство?

– За него. – Настя слегка смочила губы.

– А целоваться?!

– Что, прямо сейчас?

– А когда? Традиция!

Осторожно дотрагиваюсь губами до мягких, влажных губ девушки, помня золотое наставление эмансипэ Америки: поцелуй в губы – дело куда более интимное, чем половой акт! И любой средний американец, неосторожно покусившийся на самостоятельную тетку таким вот образом, рискует получить – нет, не по зубам! – повестку в суд с иском, в зависимости от благосостояния клиента! Это не страна, это сборище сутяг и стряпчих в юбках и без оных!

Уф, пронесло. Зубы на месте, и девушка довольна.

Щеки ее слегка порозовели.

– Это и есть «традиционный дружеский поцелуй»?

– Угу.

Телефонный звонок прервал идиллию. Девушка сняла трубку, выслушала кивая, как примерная ученица, передала мне, шепнув:

– Крутов сердит.

– У аппарата, – рявкнул я как можно более начальственно.

– Трупы в проходном дворе – твоя работа?

– Какие трупы? – спросил я, а сам вспомнил тихих и незлобивых мужичков-собутыльников. Неужели их достали-таки калединские отморозки? Или это двое битюгов-террористов, карауливших меня на верхотуре собственного дома? Но каким образом их сумели упаковать и доставить в распивочный дворик?

Да и не оставлял я покойников, по голове настучал, да и только.

– Какие? – взъярился Крутов. – Калединские стриженные в «голдах», вот какие! Мужичок-моховичок обьяснения в районке уже дал: дескать, так и так, был такой-то и такой-то, помесил братанков играючи, потом представился: валите, дескать, все на серого! На Дрона, дескать, птицу редкую! Навроде Феникса. И физию твою описал один в один, и ухмылялся притом старлею-следаку нагло и с ухмылочкой. Знаешь почему?

– Не-а.

– Решил, что ты – наш. Из славного отряда теневых борцов с оргпреступностью, не связанных буквой закона. «Белый орел», мля!

– Да этот слух по Москве уже года три как отгулял, – озадаченно протянул я.

– Да? А свежие трупы из морга подвезли, для убедительности? Старлей позвонил нашим ребятам в управу, прояснить. Назвал Дрона. Спросил прямым текстом: бумагу составлять или как?

– Ну и что ребята посоветовали?

– То. Знаешь поговорку? «Больше бумаги – чище жопа».

– Погоди, Игорь, я...

– Что – я? Что ты у меня целкой-институткой прикидываешься?! Я просил рассказать обо всем существенном, ты же...

– Игорь, стопорнись. Свара у меня с бритыми бы-ла, но...

– Почему ты там вообще завис?

– Обстановку прояснял.

– Без тебя некому?

– Тогда – нет.

– И чем тебе бритые помешали?

– Скорее я им.

– Слушай, гордый, ты мог, как все люди, ноги сделать, а не шеи им сворачивать?

– Да не сворачивал я никакие шеи! А потом, эти ребята в особые разговоры не входили, сразу стали ручонками да ножонками махать, причем вполне квалифицированно. А я от спорта уже столько лет далек, что едва сладил.

– Как ты их оставил?

– Сиротами. В отключке.

– Дальше.

– Ну и авто, понятно, воспользовался.

– Мудак. Где бросил?

– В центре.

– Так.

Крутов замолк, что-то обдумывая.

– Игорь...

– Ну?

– Ты не уточнил насчет трупов.

– Что именно?

– Способ убийства.

– Шей им свернули. Одному и другому. Играючи.

– Значит, кто-то «зачистил» за мной.

– Да? Не много ли чести?!

- Вот и я думаю...
- Только все без толку. Феникс хренов. Алконост. Гамаюн певчий. Клест кривоклювый, блин!
- Генерал, ты чего разошелся?
- Того. Знаешь, где тебе место, Додо?
- Ну?
- В клетке. Причем в самой что ни на есть лефортовской одиночке, чтобы без дураков.
- Без дураков, Игорь свет Петрович, никогда не обходится. Любимая игра на Руси – в подкидного или в переводного.
- Да? И кто же дурак?
- Пока я. А там – на кого карта ляжет. Под кого зайдут.
- Олежек, ты хоть сориентировался, кто тебя подставляет и зачем?
- Не-а.
- Но забот тебе прибавилось.
- Я думаю...
- Думай не думай... Калединская братва на тебя уже ножики наострила.
- У них что, авторитета умного нет, чтобы подставу учуять?
- Есть. Только... Знаешь, в родной стране так уж повелось: есть человек, есть проблема, ну а нет, так и нет. Так что поостерегись: оказия представится, чикнут тебя, без злобы, на всякий случай. Не любят уважаемые непоняток.
- Ну да... Прямо не жизнь, а кино. Про Жеглова с Шараповым.
- Вот-вот. Они тебя не больно зарежут. – Крутов помолчал, добавил: – Шутка.
- Что зарежут?
- Нет. Что не больно.
- Генерал, ты мою просьбу оформил?
- Насчет вдовы?
- Жены.
- Обязательно. Только... Я вот что подумал...
- погоди, Крутов. Думать – моя епархия. Сначала встреча, потом – Чапай думать будет. В потемках по черным кошкам палить – себе дороже. Лады?
- Лады. У вас сорок минут. А сейчас дай-ка мне лейтенанта.
- Я передал трубку Насте. Лицо у нее посерьезнело, слушала она молча, только кивала. Нажала отбой, подняла на меня свои колдовские глаза, потемневшие, словно море перед штормом.
- А вы, Олег, оказывается, шалун, – произнесла она без тени шутки. Потом деловито отомкнула шкаф, вынула мягкий бронежилет, произнесла: – Облачайтесь.
- Да я в броне, как свинья в попоне.
- Давайте не будем обсуждать приказы Крутова. Вы могли бы стать генералом, а он им стал.
- Анастасия, а как же...
- Олег, давайте без куража. Сейчас не до этого. – Попросила: – Отвернитесь.
- «Снегопад, снегопад, если женщина просит...» Тупо гляжу в окно. Да какой к бесам снегопад! Как там у модных «Иванушек-Инкорпорейтед»? «Тополиный пух, тополиный пух...» В мое время пели по-другому: «Тополя, тополя, все в пуху, у-у-у, потерял я любовь, не найду, у-у-у...»
- Мир меняется? Или все те же «ля-ля-тополя»? Бог знает. Без стакана этот вопрос же не решить, а его мне как раз нельзя. Нужна трезвая голова. И разумная.
- Готовы? – спрашивает Настя.

Оборачиваюсь. Девушка перевоплотилась за пару минут полностью. Вместо соблазнительного полупрозрачного платица – свободные вельветовые джинсы, кроссовки; поверх футболки – бронежилет скрытого ношения, перепоясанный сбруей на две кобуры: прямо не девушка, а революционный матрос Железняк. Не удивлюсь, если над каждой из изящных лодыжек закреплено по «дерринджеру». «Возьмем винтовки новые, на штык – флажки...»

Девушка надела штормовку, под которой и скрылся внушительный арсенал.

– Почему вы не надели жилет, Олег?

Пожимаю плечами:

– Бессмысленно.

– Да?

– Не в Колумбии живем. У нас, когда хотят убить, стреляют в голову.

– Не всегда.

– Но главное не это. Если бы те ребята, что «за-рядили» меня «втемную», хотели разбить мне башку, она бы давно разлетелась как гнилой орех. Пока им это не нужно. Им нужно, чтобы я думал. И – дейст-вовал.

– Да? И как же вы собираетесь действовать? По их сценарию?

– Пока. Вопросы «что делать» и «кто виноват» оставим на потом.

– А что будет потом?

– Суп с котом. Или ничего не будет.

– Олег, ну раз вы понимаете, что вас запустили живцом, зайчиком для борзых...

– Милая барышня, запомните простую истину: чтобы увлечь погоню в пропасть, нужно бежать впереди.

Глава 19

Коридоры следственного управления ГУБОПа ни пышностью, ни строгостью не поражали. Стены дежурного цвета, ряды дверей. И, как в любом заведении подобного рода, неуют: словно здесь взялись делать ремонт, да так и не доделали.

По лестницам сновали умеренно озабоченные казенные дядьки самой разной расцветки и наружности; казенные тетки занимались чаем и бесчисленными бумажками. Следственное управление – оно и в Африке состоит из бумажек, цифири, сейфов и кипятильников. Включенные мониторы компьютеров в редких кабинетах выглядят как телевизоры в красных уголках больниц: светят, но не греют.

Лейтенант Настя скрылась в недрах пропускной и объявилась уже не только с пропуском, но и с принадлежащим мне документом типа «папир». На который «вахтер» взглянул лишь мельком, вперившись взглядом в прелестную девушку в звании лейтенанта.

Искомый кабинет находился на третьем этаже. Здесь все было по чину: предбанник с секретаршей и компьютером, двойная дверь, одна – обитая хорошим дерматином под кожу, с отливающими тусклой нездешней медью шляпками гвоздей, вторая – из ценной породы дерева.

Стол в кабинете тоже был старорежимный, с приставной длинной тумбой. За столом восседал Крутов, озабоченно склонив седую коротко стриженную голову и вперив в нас пристальный внимательный взгляд.

– Без приключений? – только и спросил он.

– Без них, – ответила Настя.

Крутов кивнул, провел меня в дальний конец кабинета, усадил.

– А где же дверь в искомое помещение?

– Обойдешься. Задашь все необходимые вопросы. Следователь будет деликатно курить.

– А адвокат?

– Дронов, ты совсем зачух в той Америке. Какой адвокат, если служивым нужно создать видимость работы и предъявить вдове ничего не значащие фото?

– Так решила Тамара?

– Так решат в «Континентале». И правильно решат. Тамара же согласилась приехать именно для того, чтобы помочь найти убийц мужа. Никакого адвоката с ней не будет. Охрана останется за дверями. Вернее, один охранник. Ты продумал вопросы?

Хм... А чего их продумывать? Серьезно меня волнует только один: жив Дима или нет?

– Да.

– Хорошо. У нас еще минут семь. – Крутов посмотрел на часы, потом – на Настю: – Посидишь в предбанничке за секретаршу. И со всем вниманием на телохранилу. Судя по всему, парень квалифицированный, из бывшей «девятки», ну да береженных Бог бережет. К тому же это наша территория, а не банка «Континенталь». Пошли.

Крутов и Настя вышли. А я остался один в массивном начальническом кабинете, стараясь прикинуться мебелью. И мне это удалось: появившийся через минуту высокий и худой как жердь следователь прошел за стол, не сразу меня заметив, а увидев, кивнул:

– Воскобойников Олег Иванович.

У меня чуть было не выскочило: Дронов, но я вовремя поостерегся. Лишь почти церемонно поклонился в ответ.

Если Воскобойникову что и не нравилось, виду он не показал: отношения рабочие с Крутовым у него, видно, сложились давно и неформально, да и не принято в конторах совать нос в чужие оперативные разработки. Раз дал согласие побыть «манекеном прикрытия», то и отыгрывай до конца.

Дверь открыла Настя с видом заправской секретарши, пропуская вперед худенькую, одетую во все черное женщину.

Тамару я не сразу узнал: ее роскошные волосы были коротко острижены, и – они были седыми.

Не замечая меня, Тома подошла к столу, присела за приставную тумбу и устала на следователя огромные темно-карие глазищи.

– У вас ко мне вопросы? – спросила она тихо и покорно.

Олег Иванович вдруг как-то замялся, закашлялся даже, проговорил что-то вроде: «Да у меня, собственно...» – и послал мне скорый и злой взгляд.

Тамара обернулась, какое-то время всматривалась, надела большие квадратные очки... Ее бездонно-карие глаза, укрупненные линзами, смотрели теперь на меня, она меня узнала, уголки губ поползли куда-то вниз, как у ребенка, потерявшего родителей и встретившего вдруг кого-то из их друзей, на глаза набежали слезы, с ее губ не слетело ни звука, но я успел прочесть по ним:

«Олег... Диму убили...»

Потом она тем же автоматическим движением сняла очки, спрятала лицо в ладонях и заплакала, горько и беззвучно.

Воскобойников глянул на меня выразительно, взялся за графин, наплескал воды, но Тома даже не взглянула на стакан. Я подошел, обнял ее за плечи, чуть помедлил, произнес:

– Диму действительно убили?

Тамара мигом подняла глаза, и я увидел в них вдруг ту безумную надежду, какая случается с людьми во сне, когда они видят близких живыми и веселыми и чувствуют невероятное облегчение, что никакой смерти на самом деле не было, а был дурной сон... Пусть это продолжалось мгновение, но я успел обзвать себя последним подонком и сволочью...

Тамара все поняла; глаза ее наполнились слезами, но она сумела повторить твердо:

– Диму убили, Олег.

По-видимому, лицо мое тоже изменилось; последняя надежда, которая не умирает никогда, угасла; я не чувствовал больше ничего, кроме тупой усталости, кроме дикого, кромешного оцепенения...

Тамара оказалась сильнее: она успела пережить; или – женщины вообще сильнее мужчин? Перетерпела слезы, спросила:

– Спрашивай, Олег. Спрашивай все, что тебе нужно. Я отвечу. – Она замкнулась на мгновение, но снова сумела справиться с собой, произнесла: – Я знаю, зачем тебе... Я отвечу.

Тут пришлось собраться мне.

– Тебя охраняют или контролируют?

– «Континенталь»?

– Да.

– Я не знаю.

– У него были трения с Шекало?

– Не знаю, Олег. Дима никогда не говорил о своих делах. Он нас с девочками берег.

– У него не осталось никаких записок? Или – в компьютере...

– Ребята из Диминого отдела забрали все.

Я помолчал. Дима – молодец. Его жене действительно ничто не угрожает как раз потому, что она не знает ничего. «Он нас берег». И все же я должен был задать этот вопрос, и я его задал:

– Ты чувствуешь себя в безопасности?

– Да, – тихо произнесла Тамара. И добавила едва слышно: – Я никому не нужна.

Я поцеловал ее в щеку, прошептал:

– Нужна. Вашим девочкам, друзьям, всем.

– Ага, – отрешенно кивнула она. – Я пойду. Мне пора. – Тихо сказала «до свидания» безучастному следователю, привстала и снова упала на стул, будто без сил. Заговорила едва слышно, но скоро, словно боясь, что не хватит сил: – Была пятница. Дима обещал вернуться пораньше, часа в четыре, и провести остаток дня с нами. Тем более мне всю неделю жутко нездоровилось, меня мучили кошмары ночами, словно что-то зеленовато-коричневое надвигалось и надвигалось, и окутывало щупальцами, и стягивало грудь, и мешало дышать... Он обещал прийти пораньше. За завтраком был весел, рассказывал что-то, смешил девчонок. А я... я сидела как в воду опущенная, но переборола себя. Дима и так был обеспокоен моим состоянием, настаивал на докторе, но я отказывалась, говорила, объясняла все это затянувшимися женскими недомоганиями, которых на самом деле не было. У нас должен был быть ребенок, но теперь не будет никогда, у меня случился выкидыш, мальчик погиб, это наверняка был бы мальчик, Дима так хотел сына... Он и не узнал, что я была беременна второй месяц, я не хотела ему говорить раньше времени, пока сама не была уверена...

Девочек отвозили в школу чуть позже; Дима поцеловал нас, как всегда; не знаю, что на меня нашло, я вдруг стала говорить, что плохо себя чувствую, что, может быть, он не поедет сегодня в банк... Он чмокнул меня в нос, сказал, что приедет даже раньше, чем обещал, проведет только одну встречу и отменить ее у него нет никакой возможности...

Он гладил меня по голове и смотрел встревоженно, мне еще стало стыдно, зачем я допекаю его своими никчемными страхами, он ведь жутко устал последнее время, особенно несколько дней...

И я сдалась. Отпустила его. Господи, ну зачем я это сделала, зачем? Нужно было орать, биться в истерике, лишь бы он никуда не ехал! Никогда себе этого не прошу!

Он вышел. Гриша Ларин, ты его знаешь, подал машину. Мы с девочками выскочили на балкон, помахать ему. Он улыбнулся, отсалютовал нам рукой, сел, захлопнул за собой дверцу. Гриша запустил стартер. Машина тронулась, проехала всего ничего, метр или два, и – превратилась в факел! Я стояла оцепенев от ужаса, инстинктивно прижав девчонок лицами к себе... Взрыва я даже не услышала... По-моему, я кричала, а может, и не кричала... Почувствовала вдруг дикую боль внизу живота, осела на ступеньки и услышала только, как Маринка, младшая, спросила меня испуганно: «Мама, а где папа?»

Дальше я не помню ничего. Совсем. Потом кто-то мне сказал, что это была бомба с дистанционным управлением.

Тамара замолчала, словно силы разом покинули ее. Она посидела так с полминуты, молча легонько пожала мне руку, встала и направилась к двери. У самой двери обернулась:

– Ты найдешь их, Олег?

– Да.

Тома кивнула, вышла, неслышно притворив за собой дверь.

Какое-то время я сидел без движения. Автоматически нащупал на столе чужие сигареты, закурил, не чувствуя ни вкуса, ни крепости. Перед глазами расцветал взрыв, словно сатанинский цветок, оставивший вдовой очень хорошую женщину и сиротами двух девочек. Бомба с дистанционным управлением. А ведь заказчик – не просто сволочь, он редкая сволочь, он позаботился (или потребовал?), чтобы автомобиль взорвался там же, на лужайке перед домом, на глазах близких, и не только жены, но и маленьких деток.

Я прикурил новую сигарету от бычка. В голове крутилась сказанная Тамарой фраза: «Я никому не нужна». Эта фраза будет крутиться в ее голове снова и снова, и она будет ночами беззвучно выть в подушку, одиноко и обреченно... Сто ночей, двести, тысячу? И в снах ее Дима будет живой и веселый, любимый и любящий, и еще не раз и не два ее глаза станут зажигаться безумством надежды, отказываясь верить тому, что видели воочию. Ибо надежда не умирает никогда. Она лишь угасает и постепенно становится призрачной, как едва уловимый ветерок...

Истлевшая сигарета обожгла пальцы, одним движением я затушил окурок. Поднял глаза: рядом со мной на приставной тумбе сидел следак Воскобойников, держа в руках наполненный почти до краев стакан.

– Друг? – спросил он.

– Да.

– Выпей. Тебе нужно.

– Водка?

– Она.

Стакан я прикончил в три глотка, закурил новую сигарету и остался безучастно сидеть на стуле. Как вошел Крутов, не услышал.

– Поговорили? – спросил Игорь.

Я кивнул.

– Выяснил, что хотел?

Я попытался сосредоточиться: что-то нужно спросить у Крутова. Ну да.

– Игорь, ты мог бы узнать, с кем должен был встречаться Крузенштерн в день гибели?

– Уже пытались. Выяснить не удалось.

– Угу, – безучастно отреагировал я.

Крутов пристально посмотрел на меня, сказал:

– Вот что, воин. Тебе отлежаться надо. Сейчас лейтенант отвезет тебя на тихую квартиру, и там...

– Игорь, я...

– Не перебивай. Водки там валом. Напьешься и отоспишься. Я скоро появлюсь. Вот тогда и решим, что делать дальше. Согласен?

Я был согласен.

Настя прикоснулась к моему плечу:

– Пойдемте, Олег Владимирович?

Как я проходил по коридорам, через пропускной, как усаживался в автомобиль, я помнил скупо. Голова – то ли от водки, то ли вообще по жизни – плыла; я смутно регистрировал частицей сознания улицы, по которым двигалась машина, – мы катили от центра. А в голове продолжала настойчиво биться одна фраза: «Диму убили, Олег». И еще я видел тот самый расцветающий сатанинский цветок взрыва.

Настя вела автомобиль спокойно и уверенно, и я позволил себе расслабиться, отметив только, что мы выехали за Москву. Откуда появился встречный «КрАЗ», не заметил ни я, ни Настя. Он выехал вдруг, а шедший чуть позади и на обгоне джип неожиданно прибавил и закрыл для нас левую полосу. Коробочка была почти классической, но размышлять об этом было некогда. Девушка вцепилась в руль, не зная, что предпринять. «КрАЗ» летел навстречу, как бронепоезд «Лошадь Ильича» в светлое прошлое; подумать, во что превратится «фолькс» от такого вот лобового столкновения, не осталось ни времени, ни настроения: одной рукой я ухватил руль и резко вывернул его вправо. Автомобиль слетел с шоссе и закувыркался в невысокий откос. Настя ударилась носом о руль и потеряла сознание, заливая кровью стекло. Я основательно при-ложился лбом и на какие-то секунды отключился. Машина замерла колесами вверх.

Очнувшись, услышал осторожные шаги по щебенке. Девушка лежала, привалившись ко мне; на виске ее пульсировала жилка, я облегченно выдохнул: жива. Удар в основание носа столь болезненен, что Настя потеряла сознание от шока.

Шаги приближались. Одним движением вынул из-под куртки девушки двенадцатизарядный «ПММ»; пистолет был на боевом взводе, мне осталось лишь сбросить флажок предохранителя, что я и сделал. Те, что приближались, шли молча. Замерев и прикинувшись беспомощной ветошью, я ждал.

- Странно, что у них бензобак не рванул, – произнес один.
- Дебил, бензобаки легко взрываются только в киношках: там каскадеры стараются.
- Боря велел замочить этого шустрика, – снова подал голос первый. – Польем бензином и запалим?
- Погоди. Загляну: может, он вместе с девкой уже того... Да и на девку указаний не было – пусть живет. Да и что велено: все сделать по уму, технически, чтобы комар носа не подточил.
- Ну а я про что? Полыхнет, и – гори оно огнем! Тебе чего, горючего жалко? У нас в багажнике еще две канистры, запас.
- Дебил. Девка откуда? Из РУБОПа. Факт? Факт. Свои, если она сгорит начисто, землю рыть будут? Будут. А если мы на месте ДТП пионерский костер учиним, они что, в несчастный случай поверят? Фигу.
- Да им нас сроду не сыскать!
- Сыскать не сыскать... Велено все сделать путем, мы и сделаем. – Башмаки терли щебенку уже у самой машины. – Ты покуда все ж крышечку у бензобака-то отвинти: одно дело – кострище от нашей канистры, и совсем другое – свой бензобак. Это всякий мог забыть прикрутить, вот она и полыхнула...
- Да нет здесь никакой крышечки...
- Я замер. «Велено сделать все путем». Ве-ле-но. Тепло. Самое лучшее в нынешней ситуации – стереть напарника, что поглупее, а этого рассудительного хорошенько прокачать на предмет: «Кем велено?» Тут даже не нужно засовывать ему в задницу раскаленный прут: перспективы оказаться в руках бравых рядовых из РУБОПа после того, как мужичок едва не угробил красавицу лейтенанта, будет вполне до-вольно, чтобы направить его воображение в правильное русло. И ответ на свой вопрос я бы непременно получил. Вот только... Как бы тепло не превратилось в горячо: сколько пареньков осталось в джипе – неве-домо.
- Пряча ствол под полкой стильного крутовского пиджака, направил его в сторону двери и, прикрыв веки, соорудил на лице гримаску типа «дебил в от-ключке».
- И вовремя. Квадратная рожа рассудительного нарисовалась прямо напротив: мужик не поленился встать на четвереньки и заглянуть в салон.
- Ну чё там? – спросил его напарник.
- В отрубе. Но живой. А вот девка, кажись, приложилась насмерть. Все стекло в кровище.
- Может, к боссу этого живчика отволокем?
- Квадратномордый задумался на минуту:
- Приказа не было.
- Да прекрати, Гусь, мести пургу. Нужно будет боссу его на кладбище переправить, переправим, не поленимся. А так, глядишь, нам еще и премия выйдет.
- Молодой ты, Куня, вот и прыткий. План перевыполнить захотел? Считай, что уже: девка, похоже, Богу душу отдала. А вообще... Ты прав: кончить никогда не поздно.

Глава 20

Рассудительный дернул дверцу так, что авто качнулось; может, он таким образом бибику и на колеса поставит? Силушкой его родители не обидели, а вот умишком... Я сгруппировался, готовый оттолкнуться ногами и вывалиться наружу; пулю в лобешник этому квадратномордому философу я не закатал только потому, что изнутри мне дверцу не открыть, а пока буду выбираться через покрошенное переднее, его напарник откажется от перевыполнения плана-конспекта и успокоит меня навсегда: пулей, ножом, колом – вот это мне будет уже без разницы.

– Не, не идет, сука. Дай-ка мне палку, что ли...

«Палкой» оказался маленький ломик-фомка; рассудительный легко поддел дверцу, она распахнулась; одной рукой он захватил меня за шиворот, дернул на себя; я помог, оттолкнувшись ногами, обхватил здоровяка правой за могучую выю, а левую с зажатым в ней стволом воткнул чуть не по локоть в рыхлый живот и нажал на спуск.

Выстрел гавкнул глухо и утробно, глаза рассудительного расширились от удивления и боли – пуля пробила печень, и мужик завалился на бок; его правая рука продолжала смертной хваткой держать отворот моего пиджака: не иначе борец-разрядник. Был.

– Гусь, что там у тебя опять...

Куню выстрел не встревожил хотя бы потому, что он совсем не был похожим на выстрел; подумаешь, после скрежета открываемой ломиком дверцы просто какой-то хлопок, похожий на звук лопнувшей крышки; Куня вышел из-за машины, сонное, круглое личико его мигом преобразилось, едва он напоролся на мой взгляд; боевик поднялжатый в руке короткий дробовик... Я выстрелил трижды: две пули попали в грудь, бросив парня назад, третья угодила в голову, прекратив мучения.

Рывком одолел расстояние до дороги, сунул ствол в джип – никого. Огляделся – тихо. Но задерживаться все одно не стоило: хоть эта дорога и не самая проезжая в Подмоскowie, дружественная нам милиция объявится рано или поздно. Объясняться с ними в подобной ситуации, да еще под наведенными на тебя стволами «АКСУ», – дело муторное.

Вернулся к машине, вытянул из салона девушку, она застонала, открыла глаза, глянула на меня мельком, спросила:

– Мы разбились?

– Чуть-чуть.

Видимо, почувствовала вкус крови на губах, поднесла руку к лицу, испуганно посмотрела на руку:

– Что со мной?

– Нос расквасила.

Я подхватил ее на руки и, поднявшись к дороге, загрузил в джип. Вернулся, захватил страшный Кунин дробовик, вынул из кармана пяток патронов, потом обыскал Гуся: при нем оказался китайский «ТТ» б/у – весьма ненадежная машинка, ставшая на просторах страны просто-напросто одноразовой: на третьем выстреле пистолет, как правило, заклинивает. Зато изыскал шесть сотен баксов и полторы штуки рублями: лучше, чем ничего. Вернулся в машину.

Девушка только-только закончила осмотр себя в шоферском зеркальце; кровь она кое-как стерла платочком.

– Я стала очень страшная?

– Нос цел, веснушки – на месте, чего еще?

На самом деле Настина верхняя губа вспухла и рассечена, ну да это действительно ничего серьезного. Девушка осторожно приподняла ее – рот тоже был в крови.

– Зубы шатаются, – пожаловалась она. У нее получилось, как у ребенка: «Фубы фатаются».

– Прирастут.

Вот это я знаю точно: когда-то давненько, по юношеской ретивости, я очень славно получил по зубам, передний вообще держался на честном слове шулера; я выправил его пальцем. Мог бы и выдернуть, да зачем? Постепенно он перестал шататься и действительно прирос, только потемнел: нерв не выдержал таких экспериментов и приказал долго жить.

Настя кивнула, спросила только:

– Нас атаквали?

Ё-мое, откуда у нее такая комбатская фразеология?

– Скорее – наехали.

– «КрАЗом»?

– И им тоже. Мы и кувыркнулись в кювет. Потом из джипа вышли два милых мальчика.

– Ты их застрелил?

– Нет. Их застрелила ты.

– Я?

– Ну да. Как сотрудник РУБОПа, имеющий и оружие, и право на его ношение и применение.

– А иначе было нельзя?

Хм... Иначе... Конечно можно. Если бы я лет пятна-дцать прослужил бойцом грушного или особистского спецназа, эти крутоголовые лежали бы у меня живехонькими и здоровехонькими, аки младенцы, в пеленках из подручных пут и посасывали бы пустышки из умело изготовленных из промасленной ветоши кляпов. Но – рожденный думать, вязать не может. Потому что слаб телом и хил духом. Да и очко – оно не железное!

– Я же не профессионал. Потому шмаляю по всему, что движется и угрожает. Особенно если под рукой шпалер.

Девушка насупилась:

– Я же не виновата, что так приложилась!

А кто ее обвиняет-то?! Живы – и слава Богу!

Я запрыгнул за руль, хлопнул дверцей, кивнул на лежащий кверху колесами остов «фольксвагена»:

– Машина твоя, лейтенант Настя?

– Нет. Казенная.

– Тогда легче. Будем считать, что РУБОП произвел натуральный обмен. Махнул не глядя. Не без выгоды для себя.

Повернул ключ зажигания, послушал ровное урчание мощного мотора:

– Машина – зверь.

– И далеко едем?

– До ближайшего поста ГАИ. Метров за сто я стопорнусь и сойду. Дорулишь сама?

– Да.

– Ну а дальше подымай кипеж и – как положено: опись, протокол, сдал-принял, отпечатки пальцев. Как любит говорить наш дорогой шеф Крутов, больше бумаги – чище попа. Да, не забудь со стволов пальчики срисовать: моих там нет, я их аккуратненько стибрил. Вполне возможно, что пистолы грязнее грязи. Ага?

– Не ага. Крутову я врать не буду.

– А ему и не надо. Я с ним свяжусь позже.

– Олег, Игорь Петрович приказал...

– Отставить. Картина битвы изменилась. Теперь командовать парадом буду я.

– Но...

– Я же сказал: отставить. Я старше тебя по званию, лейтенант Настя.

– Да? – Похоже, это оказалось для девушки новостью. – И какое у вас звание?

- Боюсь, что уже никакого. Меня разжаловали.
- За что?
- Не «за что», а «почему».
- Ну и почему?
- За ненадобностью, – пожал я плечами.

Ну да, с тех пор, как капитан-лейтенантом неведомого мне флота я вышел в боевой запас родной конторы, и контору, и страну так перетряхнули, что, боюсь, даже табельные сведения обо мне закатились за самый дальний сейф, а скорее вообще спалились в огне охвативших страну пожаров. Вот такой вот парадокс: когда Отечество в огне, дым его для тех, кто успел слинять, куда как слаще!

А люди, оставшиеся в боевом запасе, оказались предоставленными сами себе; вот только запас такой хоть и не тянет карман, но очень беспокоит имущих власть своей непредсказуемостью и умением применять полученные навыки. И хотя у меня всего лишь один навык, по нашим временам не очень-то и котируемый, – думать, кто-то же вспомнил о нем?! И – впилил лег-комысленного лоха в чужую разборку. Или, говоря по-ученому, ввел индивида втемную в непонятную оперативную разработку с неясными целями, зато с полным разнообразием средств.

Стоп! Что-то здесь не вяжется. Давай-ка по пунктам.

Девчонка, убитая в квартире, – чистая подстава. Зачем? Убрать Дронова, который может начать свое расследование устранения Димы Круза? Нет. Проще застрелить. Или они не хотят ненужной огласки? Глупость. Какая на хрен огласка может быть от ординарного убийства маргинала, пусть и бывшего работника непонятной конторы? Их, бывших, сейчас пруд пруди, и стреляют их так же: пачками. Значит...

Значит, меня решили поставить в определенные условия и заставить действовать. В соответствии с умениями, навыками и тяжким комплексом неуравновешенной психики маргинала.

Я и начал действовать. Привлек Крутова. Сунулся в ГУБОП. Где меня и срисовали влегкую вместе с милым лейтенантом Настей и едва не угробили. То, что хотели угробить, – это без дураков: просчитать траекторию падения машины в кювет и будущие увечья пассажиров не может никто.

Выводы.

Первое. Меня, так или иначе, хотят нейтрализовать, но «естественным» путем: посадка в каталажку по обвинению в маньячестве со всеми вытекающими или автомобильная катастрофа – не суть важно. В средствах не стесняются, вспомогательные или случайные убийства их не пугают, будь то удушение чулком малолетки на моей постели или устранение лейтенанта могущественного РУБОПа. Что отсюда вытекает? Что враг жесток, коварен и беспринципен? Любой враг жесток, коварен и беспринципен, потому он и враг, а не спарринг-партнер на ринге.

Но тут важно одно: никакие криминалы так не работают. Это почерк спецов. Хотя... Времечко такое, что и спецы могут пастись на службе у бандитов, и наоборот. Так что единственный бесспорный вывод из ситуации: завязаны большие, вернее – громадные деньги, раз уж неведомые фигуранты не боятся возможных разборок с органами правопорядка, причем не с РОВД, а с РУБОПом. Хм... А кто сейчас кого боится? Не успевают: или уже вне зоны досягаемости, где-нибудь при деньгах и власти, или – в местах очень отдаленных. За бугром, а скорее – под бугром. Времечко очень стремительное.

Спиноза доморощенный... То, что денюжки аховые, ты знал априори, еще из разговора с Крузом.

Второе. А кто сказал, что против меня работает *одна* банда? структура? спецслужба? – не важно. Скажем, у одних, сильно умных и образованных, трепетное желание разыграть меня втемную, таким лишим джокером из рукава, раз уж с убийством Круза так удачно «фишка легла» и индивид с несбалансированной психикой стал на тропу войны. Игроком может быть

и сам господин Шекало, и «Континенталь», и любой и каждый из его конкурентов-олигархов; ну а разработать и провести красивую операцию для службы безопасности любого из китов российского сырьевого или финансового рынка – как два пальца обмочить: их службы по квалификации сотрудников, опыту и технической оснащенности вряд ли уступают службам безопасности некоторых весьма даже развитых стран, а по численности – столичному Управлению ФСБ. Итак, одни мечтают сыграть меня втемную, другие, с не меньшими возможностями, – сшибить с доски в «ящик», причем не в почтовый. И – до свиданья, фраер, в твоём доме соберутся гости и будет играть музыка, но ты ее не услышишь!

Третье. Возможно, тот, кто все это затеял, планировал именно мое устранение, никакой игры в кошки-мышки нет, но есть тот самый элемент «маниакальной глупости»: этому тенисту *не интересен* простой вариант, такой, как банальное убийство; ему хочется оттянуться по полной: это когда банкира взрывают на глазах жены и детей; это когда Дронова бросают в катажку за убийство несовершеннолетней, связанное с сексуальным насилием, и бакланы оттягиваются на упомянутом Дронове от всей души и по понятиям; это когда он гибнет в дорожно-транспортном, но не один, а в компании милой девушки-лейтенанта с усыпанным веснушками носиком и глубокими зелеными глазами. При этом, третьем варианте деньги могут быть делом десятым или вообще ни при чем: тенистик есть неясная пока фигура из нашего с Димой не вполне безмятежного прошлого, появившаяся, как тень отца Гамлета, с решительным желанием мстить и получить от этого максимальное удовольствие.

Вздыхаю: невзирая на весомые умственные построения, картина битвы мне неясна совершенно и инициативой владеет противник. И вместо того чтобы подумать, как поломать чужую игру, я реагирую на ситуацию; свою же не могу навязать хотя бы потому, что не знаю, на чьем поле играю и в какие кегли. Но и это не главное... Больше всего мне хочется сейчас забрести в лес, в самую чашу, выпить литр горячительного и всласть поковылять по поводу жестокости и несправедливости... Чего? Мира, людей, ситуации? Не знаю. Перед глазами по-прежнему оранжевый всполох взрыва; в голове, как эхо в пустой комнате, слова Томи: «Я никому не нужна».

Суки! Я их достану! Мозги набекрень выверну, но достану! Один в поле не воин? Чушь! То, чего не понять теоретикам, хорошо понимают воины: «Наши мертвые нас не оставят в беде, наши павшие – как часовые...» Тамара не одна. И я не один.

Мы выехали на шоссе. Я повернулся к Насте:

– Все. Дальше – сама.

– Олег...

– Да?

– Ты... Ты не пропадешь?

– Не пропаду, – пообещал я, спрыгнул с подножки, махнул рукой.

Автомобиль ушел. А я остался на дороге один. Не считая проносащихся время от времени мимо дорогих игрушек на колесах. А что мне до них? «Какое мне дело до вас до всех, а вам – до меня...» Плохо. Дела нет никому и ни до кого. Кроме друзей. Но их почему-то становится все меньше. Как на войне. Или... Или мы все – и я, и Крутов, и Крузенштерн – так и не выздоровели от нее? И время никого ни от чего не лечит? И человек уже не может выздороветь от войны, которой его отравили в юности?

Как бы там ни было, прав был хемингуэевский Старик: каждый раз счет начинается сызнова. И всегда нужно доказывать, чего ты стоишь, и стоишь ли ты чего-то вообще.

Я брел через лес. От дороги к дороге. Только теперь к железной. Мной овладела какая-то странная апатия, состояние полусна, когда бредешь, словно сквозь толщу воды, и мир вокруг зыбок, тягуч и тяжел, и тебе нужно пробрести сквозь него куда-то в свет, отбиться от волков, уже готовых окрасить желтые клыки твоей кровью, и – выйти, выдюжить, выжить. Вот только... Как у Высоцкого? «Укажите мне край, где светло от лампад...»

Вместо этого – темень. От злости, от зависти, от лицемерия, отражающего тьму, как зеркала свет... И потому мы бредем и бредем, задыхаясь от удушливого равнодушия «ближних» и плутая в пустоте полной и никчемной свободы. Никому не нужные и никого и ничто не жалеющие. А потому – жалкие.

Впрочем, понятие «свободы» для России так же чуждо, как и слово «эволюция». У нас другое и называется по-другому: воля. Своя ли, царская, или просто – вольница вольная... Свобода, как выразился старик Маркс, есть осознанная необходимость. А воля – это отсутствие любой необходимости.

Блуждания по лесу, как и бредятина в мозгах, утомили меня основательно. Когда минут через сорок я выбрался к небольшой станции, взгляд мой искал только одно место. А кто ищет, тот всегда найдет. Особенно в нашей великой и некогда неделимой. Под любым подходящим, желательно адекватным, названием: «Голубой Дунай», «Зеленый остров», «Встреча», не говоря уже о пельменных, блинных, чебуречных и прочих рюмочных. Блинов или чебурек там вполне может и не быть, а вот основной продукт королевства... Причем это не нефть.

Спиртному нужно поставить памятник, монумент, увековечивающий его значение в истории человечества в целом и в России – в частности. Это предохранитель от взрывов и революций, это прокладка, исключая всякое несанкционированное протекание мозгов, это зелье, делающее собеседника психоаналитиком и позволяющее махом решать не только свои проблемы, но вопросы мира и войны во всех отдельно взятых регионах и целом свете, это амортизатор, смягчающий жесткость и жестокость жизни, делающий углы мягкими, женщин соблазнительными и доступными, людей значимыми и беспомощными. Это безжалостный зверь, подкрадывающийся на мягких бархатных лапках, уводящий в феерию самовозвеличивания и самолюбования, превращающий жалость к себе в сладкий непереносимый недуг... Беспощадный зверь, разящий нищетой и немощью всякого, кто посмел подумать, что сильнее его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.